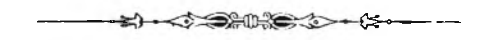
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898

5.

Приложенъ портретъ графа М. Д. Бутурлина.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1898.

Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичъ. Составилъ И. Максимовичъ исключительно для членовъ своей семьи, родныхъ, друзей и добрыхъ знакомыхъ, не предназначая таковаго для продажи. Рига. 1897. 8°. 143 стр. и родословная таблица.

„Каждому свою цѣну воздастъ потомство.
Тацитъ“ *).

Все нѣтъ-нѣтъ да появится въ печати родословная или исторія какого-нибудь рода, имѣющая цѣлью ознакомить членовъ фамиліи съ жизнью ихъ отцовъ и дѣдовъ. Много раздается смѣху съ разныхъ сторонъ надъ занятіями генеалогіею, но неужели же знакомство съ исторіею своей семьи, знакомство съ жизнью отца, дѣда и вообще предковъ нежелательно? Неужели же неинтересно знать жизнь людей, давшихъ жизнь настоящему поколѣнію, составлявшихъ частицу, хотя и микроскопическую, той созидательной машины, которая въ теченіе многихъ вѣковъ работала на пользу и на благо извѣстной страны или народа?

Правда, не всѣ роды играли выдающуюся роль въ исторіи своего отечества, не всѣ роды оставили слѣдъ, на страницахъ лѣтописей; но въ этомъ можно ли винить ихъ? Вѣдь это не зависѣло отъ одного ихъ желанія; для этого, по большей части, необходима случайность, дающая возможность роду чѣмъ - нибудь выдвинуться, и не дѣло потомковъ претендовать на отцовъ своихъ, что они не оставили своимъ дѣтямъ богатства и славы. Самое драгоцѣнное наслѣдіе, какое можетъ получить сынъ—это честное имя отца своего и сознаніе, что этотъ отецъ посвятилъ всѣ свои силы и все свое умѣніе на пользу той страны, сыномъ которой онъ считаетъ себя, т.-е. не зарылъ даннаго ему таланта въ землю, а честно употребилъ его на пользу своему отечеству, по мѣрѣ своихъ силъ и разума. И какъ бы ничтожно ни было самое дѣло его, но сознаніе сына, что это маленькое дѣло было исполнено его отцомъ честно, есть лучшее ему наслѣдство. Никакіе милліоны, никакіе титулы и привиллегіи не могутъ замѣнить добраго имени, какъ бы оно малоизвѣстно ни было.

Вотъ почему каждое, вновь выходящее изданіе по исторіи рода, все равно какой родъ бы ни былъ, дворянскій, духовный, купеческій, не можетъ не радовать всякаго любящаго свое отечество; ибо всякое такое изданіе доказываетъ, что сынъ интересуется своимъ отцомъ, потомокъ предкомъ, что они дорожатъ своимъ именемъ, что въ жизни своихъ предковъ они ищутъ примѣровъ себѣ; что, собирая свѣдѣнія о своемъ родѣ и дѣлая исторію своего рода извѣстною своимъ дѣтямъ, они тѣмъ самымъ заставляютъ ихъ, получившихъ отъ отцовъ своихъ, свое незапятнанное имя — беречь его. Весьма возможно, что они иногда и воздержатся отъ инаго поступка изъ боязни загрязнить это имя и потерять возможность передать полученное наслѣдство и своему потомству, которое въ этомъ случаѣ въ правѣ упрекнуть тѣхъ, кто потерялъ самое дорогое въ этой жизни.

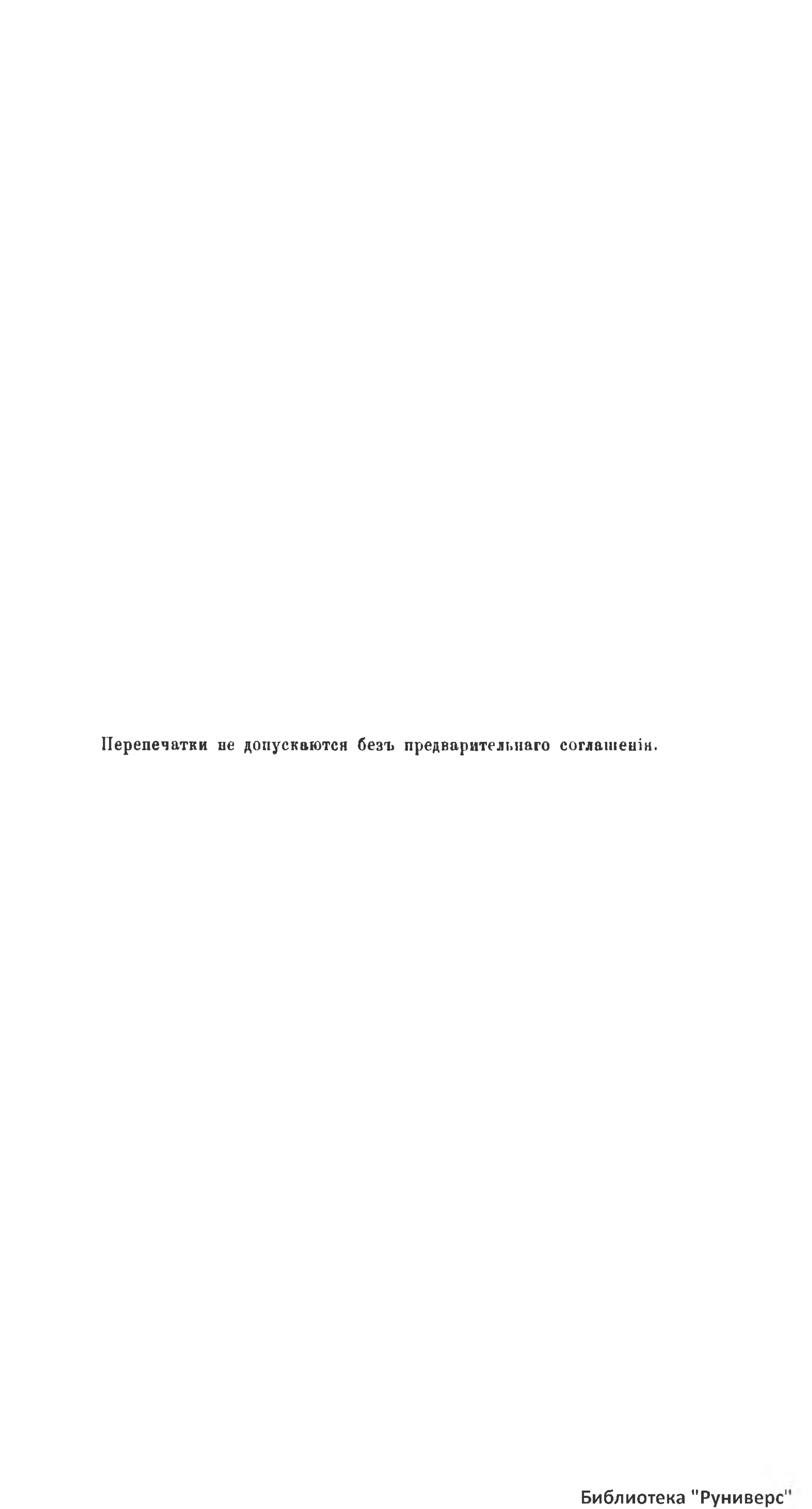
*) Эти слова помѣщены на 11-й стр. „Сборника свѣдѣній о родѣ Максимовичъ“.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1898.

2.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

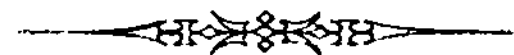
Петромъ Бартеневымъ.

On ne doit aux morts que la stricte vérité. *Guizot.*

Полная справедливость обязательна въ отношеніи къ умершимъ. *Гизо.*

1898.

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Приложеніе къ 5-му выпуску „Русскаго Архива“ 1898 года.

Графъ Бутурлинъ

Графъ Михаилъ Дмитріевичъ Бутурлинъ.
1807—1876.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1853-й годъ.

Высочайшій приказъ, разрѣшавшій мое поступленіе на службу, былъ подписанъ Государемъ въ Ольмюцѣ, гдѣ онъ находился на конгрессѣ и гдѣ Европейская коалиція, во главѣ коей стоялъ Наполеонъ-Боско Ш, морочила насъ призракомъ возможности сохранить всеобщій миръ, между тѣмъ какъ союзники въ тайнѣ спѣшили вооружаться.

Я поступилъ однимъ изъ трехъ младшихъ чиновниковъ особыхъ порученій на мѣсто Кромскаго, переименованнаго въ исправляющіе должность уѣзднаго судьи отъ короны. Окладъ мой былъ 500 р. въ годъ; но въ отлучкахъ куда-нибудь въ уѣзды по дѣламъ службы чиновники особыхъ порученій получали прогонныя деньги на двѣ лошади и суточныя: младшіе чиновники по 30 к., а старшіе по 40 к. въ день, на томъ, вѣроятно, соображеніи, что желудокъ старшаго чиновника требуетъ болѣе пищи, нежели желудокъ младшаго его собрата. Не будь у меня назначеннаго отъ покойнаго брата моего пенсіона въ 1800 р. сер. (который продолжала выдавать мнѣ невѣстка моя, графиня Аврора Осиповна), мнѣ невозможно было бы содержаться на скудныхъ 500 рубляхъ жалованья, при всемъ томъ, что квартира была у меня готовая въ Диковскомъ городскомъ домѣ и что я, какъ и прочіе приближенные къ губернатору чиновники, обѣдалъ ежедневно у него.

Облекся я, наконецъ, въ мундиръ съ шитьемъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, объѣхалъ съ офиціальными визитами новыхъ моихъ сослуживцевъ, въ томъ числѣ и трехъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія, и въ ознаменованіе ли моего поступленія въ штатъ губернаторскихъ чиновниковъ, или изъ желанія моихъ товарищей немного покутнуть (въ чемъ запѣвалами были правитель губернаторской канцеляріи Н. И. Дмитревскій, Евгеній Михайловичъ Бернардъ и общій

*) См. „Русскій Архивъ“ 1897 года и первые четыре выпуска нынѣшняго года.

нашъ другъ и врачъ, толстопузый Иванъ Христіановичъ Шенрокъ), но состоялся между нами по подпискѣ корпораціонный банкетъ, на коемъ мы не щадили нектара Шампанскихъ лозъ. Однако, я и нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ пиру оказались настолько еще *презентабельными*, что явились на вечеръ въ «префектуру», какъ угодно было иногда Меропѣ Александровнѣ обозначать губернаторскій домъ, съ ея собственнымъ салономъ включительно.

Едва прослужилъ я два мѣсяца, какъ неожиданно попалъ въ разрядъ старшихъ чиновниковъ особыхъ порученій, по случаю перехода одного изъ этихъ трехъ, г. Эмеца, по собственному его желанію, на вакантное мѣсто коронннаго исправника въ Спасскомъ уѣздѣ. Повышеніе мое, кромѣ прибавочныхъ ста рублей жалованія, давало мнѣ право на мундиръ, съ полнымъ шитьемъ колосьевъ и прочихъ орнаментовъ, каковой воротникъ обошелся мнѣ въ 50 рублей, и этотъ маленькій въ своемъ родѣ почетъ крайне польстилъ моему малодушію. Кстати разскажу объ одномъ казусѣ, приключившемся этому Эмецу и относившемся ко времени его нахожденія чиновникомъ особыхъ порученій. Однажды, на обратномъ пути въ Рязань изъ какой-то поѣздки по службѣ, проѣзжая ночью и во время зимней стужи черезъ Спаскъ, Эмецъ заѣхалъ отогрѣться къ тогдашнему исправнику, нѣкоему Петрову. Послѣ продолжительнаго стучанья у воротъ исправничьей квартиры, выходитъ, наконецъ, разсыльный или сторожъ Земскаго Суда, коему г. Эмецъ приказываетъ доложить г. Петрову о своемъ пріѣздѣ. Сторожъ пошелъ будить своего принципала, храпѣвшаго во всю Ивановскую. «Ваше выскоблагродіе, Эмецъ пріѣхалъ». Но его высокоблагородіе, проворчавъ что-то сквозь зубы, перевернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ. Эмецъ, подождавъ еще немного, опять принялся барабанить въ ворота и явившемуся вторично сторожу повторилъ свое приказаніе. Служивый Земскаго Суда опять отправляется будить своего начальника и также неуспѣшно, лишь съ прибавленіемъ: «Убирайся къ чорту ты и онъ самъ! Стану я безпокоиться изъ-за такого-то».... Наконецъ, продрогшій до костей отъ стужи и озадаченный подобнымъ невниманіемъ къ личному губернаторскому чиновнику *), Эмецъ вбѣгаетъ по стопамъ сторожа въ домъ и безъ дальнихъ околичностей самъ принимается толкать г. Петрова.—«Какъ вамъ не совѣстно, милостивый государь, морозить меня битый часъ на улицѣ?» кричитъ въ ухо

*) Въ служебное наше время пріѣздъ въ уѣздный городъ губернаторскаго чиновника особыхъ порученій наводилъ, съ рѣдкими исключеніями, если не тревогу, то, по крайней мѣрѣ, суматоху, причинялъ всякаго рода догадки, и за нами любезно ухаживали господа исправники (хотя служили по выбору отъ дворянъ) и городничіи.

своему коллегѣ раздраженный Эмецъ. — «Ахъ, батюшка, простите, это вы?» наконецъ отозвался исправникъ. «А вѣдь этотъ дуракъ все твердилъ мнѣ: ваше высокоблагородіе, вставайте, *Нѣмецъ* пріѣхалъ; такъ я ему и отвѣчалъ: стану ли я безпокоиться для всякаго проѣзжаго твоего Нѣмца?» [1]).

Въ началѣ новой моей служебной дѣятельности, я очутился какъ бы въ лѣсу. Получивъ на первый разъ два указа Губернскаго Правленія о производствѣ двухъ слѣдствій, одно изъ коихъ о домогательствѣ какой-то дворовой дѣвки освободить ее изъ крѣпостной зависимости (дѣло было немного крючковато, но въ цѣлости подходило подъ буквы закона, а самая его цѣль была по сердцу мнѣ), я рѣшительно сталъ въ тупикъ. Я не имѣлъ никакого понятія о слѣдственной процедурѣ; было, однакоже, настолько во мнѣ самолюбія, что я не хотѣлъ прибѣгнуть за наставленіемъ къ моимъ товарищамъ (всѣ много моложе меня годами) и предпочелъ обратиться къ Рязанскому исправнику, господину Г., бывшему въ большомъ почетѣ и у губернатора, и у моего почтеннаго кузена Дивова. У послѣдняго господинъ Г. былъ въ великой милости по той причинѣ, что онъ имѣлъ свой конно-заводишко и пускалъ бѣгуновъ на призъ. Высокомѣрный этотъ исправникъ, тѣмъ не менѣе, кончилъ свое служебное поприще довольно плачевно; но объ этомъ поговоримъ гдѣ слѣдуетъ. Немного я, однакоже, пріобрѣлъ отъ этого доки. «Пишите, молъ», заговорилъ онъ, «ваши требованія по всѣмъ инстанціямъ формою отношеній, а при дѣлѣ оставляйте отпуски (т.-е. черновыя копіи) за такими-то и такими-то нумерами». Отъ этихъ наставленій я не сдѣлался ни на пядь мудрѣе прежняго, и потому, оставивъ въ покоѣ этого пресловутаго дѣльца и доставъ двѣ книжечки о руководствѣ къ произведенію слѣдствій Стояновскаго [2]), я принялся, съ Божіею и ихъ помощію, за допросы отвѣтчиковъ, очныя ставки, дополнительныя свѣдѣнія отъ истца и пр. и пр.; но за то и затянулъ оба дѣла на чрезмѣрно-долгое время. Къ счастію, наше Губернское Правленіе не имѣло привычки потчивать насъ частыми понуканіями о скорѣйшемъ окончаніи слѣдствій, и даже давало намъ полную волю заниматься «спустя рукава». Но тѣмъ не менѣе, когда позднѣе пришлось мнѣ производить серіозное дѣло надъ Сапожковскимъ исправникомъ Б., обвиняемомъ въ злоупотребленіяхъ будто бы по

[1]) Когда жилъ въ Калугѣ Шамиль, простолюдины и нижніе военные чины звали его „Шмель“. Подобно тому, они переиначили фамилію Гильденштубс въ „Дылда въ шубѣ“ и помню также, что гвардейскіе солдаты называли генерала Бистрома „генералъ Быстровъ“.

[2]) Бывшій въ 60-хъ годахъ товарищемъ министра юстиціи Замятнина, а нынѣ сенаторъ въ одномъ изъ двухъ кассаціонныхъ департаментовъ.

службѣ, я прибѣгнулъ къ хитрости и выхлопоталъ, въ помогу якобы себѣ для письмоводства, квартальнаго надзирателя, въ участкѣ коего находился домъ Дивова, по фамиліи Чичкова, свѣдущаго по слѣдственной части, возложенной тогда исключительно на городскую и уѣздную полицію и на губернаторскихъ чиновниковъ особыхъ порученій. Не стыжусь признаться, что по его милости я быстро и порядочно усвоилъ себѣ нужный по этой части навыкъ.

Позднею осенью княгиня М. П. Волконская, въ сопровожденіи Петербургскаго своего знакомца Н. И. Похвиснева *), провела, проѣздомъ въ Петербургъ, одинъ день въ Рязани. Находясь въ родствѣ, хотя дальнемъ, съ Новосильцовыми, она останавливалась у Петра Петровича, и это было послѣднее мое съ нею свиданіе.

Дабы не прерывать нить Рязанскихъ событій, скажу здѣсь нѣсколько словъ о двухъ близкихъ мнѣ лицахъ, о Дивовѣ и объ Осипѣ Августиновичѣ Тридонѣ, котораго мы давно уже потеряли изъ виду.

Николай Адріяновичъ все болѣе и болѣе улучшалъ свою игрушку, конный заводъ, къ ущербу, какъ оказали послѣдствія, немалаго истраченнаго имъ на этотъ предметъ капитала; но объ этомъ не было тогда и рѣчи. Онъ разсчитывалъ лишь на полученіе трехъ процентовъ отъ своей прихоти, но и того онъ не достигъ. Будучи въ короткихъ отношеніяхъ съ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (заѣзжавшимъ иногда въ Городище на пути изъ Петербурга въ Воронежское свое имѣніе Пады, гдѣ былъ его знаменитый конный заводъ), Дивовъ успѣлъ пріобрѣсти у него чистокровнаго случнаго жеребца, по прозвищу «Воронъ», за 3 тыс. р. сер. За него Дивову предлагали позднѣе 10 т. р., но онъ не продалъ этого жеребца, разсчитывая (и разсчетъ былъ вѣренъ), что онъ выручитъ болѣе этого отъ приплода. А давали за «Ворона» подобную баснословную цѣну (хотя этотъ конь не бѣжалъ ни на одномъ гиподромѣ) потому, что изъ завода князя Орлова выпускались въ продажу однѣ кобылы и мерины, но для Дивова состоялось исключеніе, по причинѣ личнаго къ нему расположенія владѣльца Падовъ. Одновременно съ «Ворономъ» Дивовъ тамъ же купилъ двухъ или

*) Онъ недавно (пишу въ 1874 году) померъ и, какъ слышно, будто бы самоубійствомъ. Шесть или семь лѣтъ тому, онъ получилъ милліонное наслѣдство отъ своего дяди Донца-Захаржевскаго, убитаго однимъ изъ его прислуги въ Харьковскомъ его имѣніи. Н. И. Похвисневъ привлеченъ былъ къ отвѣтственности по подозрѣнію въ участіи убійства, но оправданъ. Для всѣхъ удивительно, какимъ образомъ пользовавшійся не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ громаднымъ наслѣдствомъ дяди и не жившій никогда широко, Н. И. Похвисневъ умеръ, какъ утверждаютъ, въ неоплатныхъ долгахъ.

трехъ кобылъ, по полторы тысячи (кажется) за каждую. И тутъ онъ оказался не въ накладѣ: одна изъ этихъ кобылъ, проданная уже слишкомъ старою для приплода, оказалась жерёбою и принесла ему отличнаго сѣрой масти жеребенка, сдѣлавшагося впослѣдствіи производителемъ. Опричь сѣрой и вороной масти, другой не допускалось въ Городищенскомъ конномъ заводѣ. Управлялъ заводомъ нѣкій купеческій сынъ Иванъ Ефимовичъ Роговъ, племянникъ Козловскаго купца, коннозаводчика того же имени; получалъ онъ 1500 р. жалованья на всемъ готовомъ, а было у него семейство. Передъ тѣмъ онъ былъ призовымъ наѣздникомъ въ Лѣсищѣ, у А. А. Болдырева, но изъ Городища лошадей на публичные бѣга не пускали, и Роговъ дѣлалъ только проѣздку лошадямъ для моціона, а во всемъ прочемъ былъ болванъ.

И эту зиму съ 1853 на 1854 годъ Николай Адріяновичъ провелъ, по обыкновенію, въ Петербургѣ, и возвратился въ Рязань не прежде Апрѣля.

Теперь о моемъ пріятелѣ Тридонѣ. Прежде всего надо сказать, что онъ былъ любимцемъ въ домѣ Александра Дмитріевича и Елисаветы Григорьевны Чертковыхъ, съ коими познакомился еще въ началѣ 30-хъ годовъ черезъ меня, а женитьба сына князя Николая Яковлевича Голицына (у коего Тридонъ былъ на интимной ногѣ и съ коимъ онъ каждую осень охотился въ Тарускомъ имѣніи князя селѣ Рощѣ), на старшей дочери Чертковыхъ (1850) еще болѣе сблизила Осипа Августиновича съ этимъ семействомъ. Лѣтомъ 1853 года вздумалось Черткову ѣхать съ женою и дѣтьми за границу, а именно въ Парижъ, и онъ предложилъ Тридону сопровождать ихъ на его, Черткова, счетъ, какъ бы въ качествѣ компаньона молодаго его сына Григорія Александровича, коему тогда было лѣтъ 18-ть. Понятно, какова была это находка для нашего Француза, не бывшаго въ своемъ отечествѣ болѣе 30 лѣтъ. Мать его давно уже скончалась, но была въ живыхъ замужняя его сестра въ городѣ Лангрѣ, въ Шампаніи. Пріѣхавъ въ Парижъ, Чертковы предполагали прожить тамъ нѣкоторое время, и Тридонъ разсчитывалъ, что успѣетъ, немного погодя, посѣтить свою сестру въ провинціи; но вышло иначе. На третій день пріѣзда Чертковыхъ во всемірную столицу пронесся слухъ, что волненія снова подготовляются неугомонными фобургіанами Сенъ-Жакскаго квартала, и испуганный Александръ Дмитріевичъ объявляетъ своимъ семейнымъ о немедленномъ его и ихъ возвращеніи прямо въ мирное ихъ пристанище, на Мясницкую улицу Москвы бѣлокаменной. Какъ ни протестовалъ противъ такой перемѣны дирекціи нашъ Французъ, но другаго выбора ему не оставалось, какъ или жить въ Парижѣ на свой

собственный счетъ (на что не было у него ни денегъ, ни охоты), или вернуться въ Россію. На слѣдующее утро всѣ они помчались по желѣзной дорогѣ восточной линіи, какъ бы нарочно пересѣкающей Шампанію, и бѣдняку Тридону суждено было разсмотрѣть рисовавшуюся на дальнемъ горизонтѣ колокольню одной изъ церквей его родины! Не знаю, право, могло ли быть испытаніе жесточе этого, и въ довершеніе, онъ впослѣдствіи узналъ, что сестра его случайно находилась въ Парижѣ одновременно съ нимъ.

Въ Вѣнѣ, гдѣ Чертковы останавливались на короткое время, при входѣ Тридона въ одну кофейню, какой-то находившійся тамъ приземистый господинъ съ феноменальными усищами впился въ него глазами и вдругъ воскликнулъ: «Comment, imbécile, tu ne me reconnais pas? Je suis Jobart» [1]). Тридонъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Этотъ съ полувоинственною осанкой индивидуумъ, нѣкогда былъ его однокашникъ на школьной скамьѣ, а впослѣдствіи неуживчивый педагогъ (и кажется полумистикъ) былъ Жобаръ. Тридонъ узналъ стороною, что непримиримый нѣкогда оппонентъ обскуранта Магницкаго не гнушался будто бы теперь ролью полицейскаго секретнаго агента въ Вѣнѣ [2]).

Начальникъ мой, Петръ Петровичъ Новосильцовъ принадлежалъ къ числу людей, которые, не дѣлая никому зла, наживаютъ себѣ враговъ. Любвеобильное его сердце обнимало весь родъ человѣческій. Онъ придерживался правила своего прежняго начальника, князя Д. В. Голицына, смотрѣвшаго на всякаго преступника какъ на самаго несчастнаго человѣка. Питалъ ли онъ чувство антипатіи къ кому бы то ни было, въ томъ сомнѣваюсь; но за то утвердительно могу сказать, что ненависть была незнакомою ему вещью, а боязнь причинить малѣйшій вредъ кому-нибудь изъ прямо или косвенно ему подчиненныхъ [3]), доводила его до административной, такъ сказать, банальности (чтобы не сказать, слабости), и въ теченіе болѣе семи лѣтъ управленія Рязанскою губерніей онъ никого, помнится мнѣ, не отдалъ подъ судъ по собственному своему усмотрѣнію (понятно, что по донесеніямъ прокурора, жандармскаго штабъ-офицера, по частнымъ жалобамъ или по

---

[1]) „Такъ ты, дуракъ, меня не узнаешь? Я вѣдь Жобаръ".

[2]) Напоминаю, что Жобаръ былъ въ 20-хъ годахъ профессоромъ Французской литературы, когда Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Жобаръ воевалъ впослѣдствіи съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ, и кончилъ тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ его выслали и чуть ли не вывезли на казенный счетъ за границу.

[3]) Не прямо подчиненными подразумѣваю служащихъ въ тѣхъ вѣдомствахъ, надъ коими дано было губернатору только право ревизіоннаго надзора и атестаціи.

подтвердившимся доносамъ нельзя было ему не предать слѣдствію и суду обвиняемыхъ лицъ) и не болѣе какъ двумъ-тремъ чиновникамъ приказалъ онъ подать въ отставку. Но чтобы отрѣшить отъ службы кого-либо изъ своей канцеляріи или изъ мелкаго чиновнаго люда безъ слѣдствія и суда, по своей собственной власти (какъ на то давалъ ему право нѣкій новый тогда законъ, извѣстный подъ именемъ Бѣгичевскаго), или ходатайствовать въ министерскихъ сферахъ объ отрѣшеніи кого-нибудь изъ служившихъ въ Рязани, этого не случалось на моей памяти [1]). Разъ не вытерпѣлъ какъ-то желчный совѣтникъ Губернскаго Правленія А. Н. Зайцевъ и высказался по сему поводу въ присутствіи Петра Петровича, что служба, молъ, не богадѣльня [2]). Но эта терпимость не происходила отъ служебнаго индиферентизма или отъ невѣдѣнія грѣшковъ, водившихся между чиновнымъ людомъ, а единственно отъ принятаго правила никому зла не чинить. Капризенъ подчасъ Петръ Петровичъ бывалъ, но вредныхъ послѣдствій отъ того не было, и его капризы никогда не сопровождались ни заносчивостью, ни отступленіемъ отъ вѣжливости. И злопамятенъ онъ не былъ. Сколько довелось ему натерпѣться отъ губернскаго предводителя П. Н. Бухвостова, сколько сплетенъ разсказывалось о немъ въ кружкѣ одного изъ предсѣдателей палатъ (и сплетни эти разглашались по Москвѣ); но Петръ Петровичъ не только не подкапывался подъ этихъ господъ, но въ годовомъ всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ всегда ихъ выставлялъ отличными и усерднѣйшими государевыми слугами [3]). Не ссориться ни съ кѣмъ было у него постоянною заботой, а когда кололи его булавками эти господа, онъ говорилъ: «Est-ce que vous croyez que je prends les

---

[1]) Единственный, насколько мнѣ извѣстно, случай, что по ходатайству П. П. Новосильцова былъ переведенъ (но не отставленъ) одинъ изъ служившихъ въ Рязани, былъ въ отношеніи къ молодому прокурору Карцеву, который, не будучи знакомъ съ Петромъ Петровичемъ до пріѣзда его въ Рязань, и едва новый губернаторъ успѣлъ оглянуться на мѣстѣ новаго своего служенія, началъ его громить остротами, „bons mots", наприм., что Петръ Петровичъ чесалъ ногой своею затылокъ какъ обезьяна. Намекъ этотъ былъ направленъ на бывшую дѣйствительно у Петра Петровича манеру ломаться и на аффектацію въ движеніяхъ, происходившую отъ желанія казаться юнымъ и живымъ.

[2]) Горькую эту истину пришлось самому совѣтнику Зайцеву испытать надъ собою при одномъ изъ преемниковъ Петра Петровича. Находясь въ Петербургѣ въ отпуску, онъ случайно вошелъ въ кондитерскую и, взявъ газету, прочелъ, что совѣтникъ Рязанскаго Губернскаго Правленія Зайцевъ причисляется къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, безъ всякаго, конечно, опредѣленнаго мѣста.

[3]) Замѣтить не мѣшаетъ, что этотъ предводитель хотя человѣкъ безукоризненный, но чуть-ли не былъ лѣнивъ по службѣ, и носился слухъ, что дѣла у него были запущены. Тутъ предстоялъ Петру Петровичу законный предлогъ для личнаго мщенія безъ придирокъ, но онъ гнушался этимъ.

Boukhvostoffs et consorts au sérieux? Une fois hors de Riazan, je ne me rencontrerai probablement jamais avec ces gens-là dans ma société» [1]). Такова была его философія. Но для мягкой, женственно-подобной его натуры высказываться было потребностью. Впечатлѣнія у него, какъ и у многихъ мягкихъ натуръ, быстро иногда сглаживались или замѣнялись новыми; но къ красотамъ природы онъ никогда не оставался равнодушенъ. Раннею, бывало, весной, онъ отправится одинъ на Рюминскую дачу и тамъ, бросившись на траву, прислушивается съ восторгомъ къ первымъ концертамъ пернатыхъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ контрасть со своею женой, никогда ничего не ощущавшею при видѣ живописнаго мѣстоположенія или другихъ явленій въ природѣ: салонная жизнь удовлетворяла ее вполнѣ. А уже до чего былъ чадолюбивъ Петръ Петровичъ! Послѣ обѣда, когда мы, приближенные [2]), сидимъ, бывало, у него въ кабинетѣ съ сигарами въ зубахъ (имъ же намъ поднесенными), онъ то и дѣло что заводитъ рѣчь о своихъ дѣтяхъ. Разскажетъ, бывало, съ восторгомъ о новой какой-нибудь остроумной выходкѣ своей семилѣтней Софьи Петровны (развита была дѣйствительно не по годамъ и вся въ папеньку). Особенно его безпокоило здоровье старшей его дочери княгини Екатерины Петровны Вяземской, поселившейся тогда въ Москвѣ и умершей тамъ чахоткою, какъ и ея мать (ур. Мансурова). А когда пріѣдетъ изъ Петербурга въ отпускъ единственный его сынъ Иванъ Петровичъ (служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ), нашъ Петръ Петровичъ перерождается: десять лѣтъ съ костей долой. Но была у него, не скрываю, слабость молодиться. Давно знавшіе его люди говорили, что ему уже стукнуло тогда 60 лѣтъ, а онъ выдавалъ себя за 55-ти-лѣтняго, а на видъ казался даже старше 60 лѣтъ. Изъ себя худенькій, лысый, согбенный и съ хриповатымъ отъ природы голосомъ, слабой вообще комплекціи. Отъ грыжи ему случалось оставаться въ лежачемъ положеніи по цѣлымъ днямъ. Говорили, что преждевременная его дряхлость происходила отъ физическаго изнуренія съ прекраснымъ поломъ, и, вещь удивительная, съ лицомъ похожимъ на орангутанга (подбородокъ у него и у извѣстнаго его брата Николая Петровича выдавался впередъ, отчего дано было обоимъ имъ прозвище «casse-noisette»), онъ бывалъ,

---

[1]) Неужели вы полагаете, что я смотрю на гг. Бухвостовыхъ съ братіею, съ серьезной точки зрѣнія? Для меня эти люди не что иное какъ мимо-проходящіе, и когда я выѣду изъ Рязанской губерніи, я съ ними никогда болѣе, вѣроятно, не повстрѣчаюсь въ обществѣ, къ которому я принадлежу.

[2]) Правитель канцеляріи, домашній врачъ г. Шенрокъ и мы всѣ чиновники особыхъ порученій ежедневно обѣдали у Петра Петровича.

какъ разсказывали, въ любовныхъ связяхъ съ великосвѣтскими красавицами. Поди тамъ, узнавай, чѣмъ женщины прельщаются! Въ обществѣ, и особенно въ дамскомъ, онъ былъ особенно любезенъ: разговоръ его былъ оживленъ и непремѣнно приправленъ остротами и забавными анекдотами, а изящныя его манеры выказывали въ немъ истиннаго джентельмана. Онъ говаривалъ: «Ваня мой лучше образованъ, чѣмъ я; но я болѣе его цивилизованъ». Нельзя также не сознаться, что серіозной стороны не было въ его характерѣ, и легкомысліе его взглядовъ на иные вопросы, возбуждающіе общественный интересъ, было таковое, что давало поводъ сомнѣваться, имѣлъ-ли этотъ добрѣйшій человѣкъ какія нибудь убѣжденія? То, что̀ онъ говаривалъ о Рязанскихъ его недоброжелателяхъ, можно было примѣнить и къ его взгляду на жизнь: повидимому, *il ne prenait pas la vie au sérieux*, какъ говоритъ Шатобріанъ (въ Замогильныхъ своихъ Запискахъ) объ одномъ Эпикурейцѣ изъ его знакомыхъ. Были, правда, случаи, когда онъ высказывалъ то, что̀ могло казаться его убѣжденіемъ, но послѣдовательности у него не было, и дѣйствія противорѣчили словамъ *). Приведу примѣръ. Нѣкій зажиточный раскольникъ, молоканъ Зарайскаго уѣзда с. Луховицъ, злоупотреблявшій своимъ богатствомъ для совращенія въ свой толкъ нуждающихъ крестьянъ его околодка (какъ свойственно сектантамъ-тысячникамъ), былъ сданъ на руки по синодскому указу Рязанскому архіерею Гавріилу, для увѣщанія. Однажды, когда Петръ Петровичъ посѣтилъ этого всѣми чтимаго іерарха (съ коимъ онъ до конца и даже внѣ уже службы находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ), онъ засталъ владыку увѣщевающаго закоснѣлаго раскольника и, убѣдившись, что всѣ доводы преосвященнаго о раскольничьихъ заблужденіяхъ не дѣйствовали на сектанта, Петръ Петровичъ, испросивъ пастырскаго соизволенія самому вступиться въ бесѣду, началъ увѣщеваніе на свой ладъ. «Ты вотъ что, любезнѣйшій, возьми себѣ въ толкъ. Чай знаешь, какъ пастухъ обращается со своимъ стыдомъ: гонитъ онъ всю скотину впередъ, а если какая нибудь изъ нея отшатнется въ сторону, пастухъ хватитъ ее длиннымъ своимъ кнутовищемъ и заставитъ снова примкнуть къ стаду. Пастухъ—это его высокопреосвященство, ему же вручена вся наша православная Рязанская паства, а отшатнувшіеся отъ стада, это вы раскольники, и васъ волею-неволею надо заставить идти за одно съ нами. Такъ то,

*) Этою быстрою измѣнчивостію своихъ взглядовъ онъ погубилъ (какъ слышно) служебную свою карьеру по случаю поднятаго въ концѣ 1858-го года вопроса о современности улучшенія крестьянскаго быта, въ каковомъ проектѣ ясно читалось между строками правительственное намѣреніе приступить къ обсужденію мѣръ для уничтоженія крѣпостной зависимости.

другъ мой любезнѣйшій». И про этотъ своеобразный методъ разрубать сразу Гордіевъ узелъ Петръ Петровичъ разсказывалъ мнѣ съ самодовольнымъ видомъ!

Иные считали его фальшивымъ человѣкомъ, но въ теченіе болѣе трехлѣтняго моего съ нимъ сближенія я не видѣлъ ни одного примѣра его двуличности *). Вспыльчивымъ также онъ не былъ, и я никогда не слыхалъ, чтобы онъ обращался съ браннымъ словомъ къ прислугѣ, а когда что нибудь было не по немъ, или Меропа Александровна примется его пилить (чтò бывало частенько), онъ только пожметъ плечами, сдѣлаетъ на лѣво-кругомъ и шмыгнетъ изъ комнаты. Клеветники распускали слухъ, что онъ пьяница, а поводомъ къ тому была такая физическая у него слабость, что послѣ единственнаго бокала Шампанскаго онъ уже былъ готовъ, глаза соловѣли, дѣлался сентиментальнымъ, обнималъ своихъ собесѣдниковъ, таялъ пуще обыкновеннаго передъ дамами и черезъ полчаса уходилъ спать, даже будучи въ гостяхъ. А какъ отказаться ему отъ бокала на пиршествахъ, въ честь его устроенныхъ, и особенно во время его ревизій по уѣздамъ?

Отъ прежнихъ успѣховъ взошло у Петра Петровича въ привычку *феръ-ла-курничать* съ мало-мальски смазливыми дамами. Когда вспомнишь, какую физическую руину представлялъ изъ себя нашъ добрѣйшій губернаторъ, право не вѣрится, чтобы въ его волокитствѣ было-бы что нибудь опаснаго для мужниной чести его Дульциней. Однажды, послѣ обѣда, мы курили по обыкновенію у него въ кабинетѣ; жандармскій штабъ-офицеръ нѣкій г. Ивашинцевъ, только что переведенный въ Рязань, шутливо дозволилъ себѣ замѣтить, что всякій разъ, когда онъ проѣзжалъ по Астраханской улицѣ между часомъ и тремя пополудни, экипажъ его превосходительства стоитъ у крыльца квартиры жены совѣтника Казенной Палаты К. «Вы это замѣтили?» радостно подхватилъ Петръ Петровичъ; «такъ вотъ что: сдѣлайте милость, мой почтеннѣйшій, донесите о семъ вашему начальству, но только оффиціально». —«Помилуйте, ваше пр.....во», возразилъ синемундирный подполковникъ, обиженный этой выходкой. «За кого вы принимаете меня?»—

*) Кстати, долгомъ считаю заявить, что по всему, чтò извѣстно мнѣ, ходившій по Москвѣ слухъ (и доселѣ не замолкшій), что, въ бытность Петра Петровича адъютантомъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, онъ сдѣлалъ будто бы доносъ на князя, сущая клевета. Оно даже и немыслимо, потому что князь Голицынъ стоялъ такъ высоко въ мнѣніи и въ фаворѣ у покойнаго Государя, что подкопаться подъ нимъ было невозможно; да князь и не продолжалъ бы до конца своей жизни благоволить къ подчиненному ему человѣку, если бы онъ отплатилъ ему подобною неблагодарностію.

«Нѣтъ, да вы думаете, что я шучу?» настаивалъ нашъ губернаторъ. «Увѣряю васъ, что я серіозно васъ прошу донести на меня, потому что донесеніе ваше пойдетъ въ огласку, и этимъ вы исправите мою репутацію передъ женщинами и тѣмъ окажете величайшую мнѣ услугу». Сознаюсь, что я школьничалъ съ нимъ по поводу ухаживанія за барынями. Разъ, на его намеки, что я подозрительно-частенько навѣщаю милѣйшую мою сценическую подругу г-жу Колчину, я отвѣчалъ, что не допускаю, чтобы человѣкъ сорока семи лѣтъ, каковымъ я тогда былъ, могъ бы внушить нѣжное чувство молодой женщинѣ. «Ваши лѣта, ваши лѣта», не вытерпѣлъ онъ не сказать. «On dirait que vous êtes un vieux infirme [1]). Ему, повидимому, было досадно допустить, что въ мои года могло быть уже невозможнымъ то, что̀ самому ему казалось еще доступнымъ.

Не было случая, въ которомъ онъ не нашелся бы чего-нибудь сострить и подчасъ кого-нибудь слегка, но ловко отбрить. Когда я производилъ дѣло о дѣвкѣ, домогавшейся выйти изъ крѣпостной зависимости, не находя нужнымъ вызвать въ Рязань ея барыню, нѣкую г-жу Елчину, я довольствовался препровожденіемъ къ ней, черезъ Земскій Судъ того уѣзда, въ которомъ она проживала, вопросныхъ пунктовъ, по установленной на то формѣ, начинавшихся вопросомъ объ имени, отчествѣ и фамиліи отвѣтчика, затѣмъ, сколько ему (или ей) отъ роду лѣтъ, какого вѣроисповѣданія, и находился ли отвѣтчикъ (или отвѣтчица) подъ слѣдствіемъ и судомъ, и за что именно, и затѣмъ уже предлагались вопросы, клонящіеся прямо къ дѣлу [2]). Проходятъ недѣли и мѣсяцы и, не смотря на мои повторенныя въ Земскій Судъ требованія, вопросные пункты съ отвѣтами не высылаются, и дѣло у меня отъ этого остановилось. Наконецъ, пріѣзжаетъ въ Рязань сама г-жа Елчина, но не ко мнѣ, а прямо къ Петру Петровичу и, заливаясь слезами, жалуется ему на меня, но не столько по поводу взведеннаго на нее обвиненія, сколько на то, что я осмѣливался разспрашивать ее, кто она такая, дѣвица ли, или замужняя, или вдова и сколько ей отъ роду лѣтъ. «И зачѣмъ это вашему чиновнику нужно знать о моихъ годахъ?» всхлипывая, говоритъ она губернатору.— «Успокойтесь, сударыня», уговаривалъ ее Петръ Петровичъ: «чиновникъ мой уже пожилыхъ лѣтъ, а вы настолько еще молоды, что не имѣете причинъ скрывать предъ нимъ ваши года». (Г-жѣ Елчиной ка-

[1]) Какъ будто бы вы въ самомъ дѣлѣ уже дряхлый старикъ.

[2]) Подобная приблизительно форма существуетъ при изслѣдованіи происшествій и проступковъ и въ заграничныхъ законодательствахъ, дабы опредѣлить тождество привлеченныхъ къ отвѣту лицъ или свидѣтелей.

залось на видъ около 40 лѣтъ). А говоря о губернской строительной и дорожной комиссіи (непосредственно губернатору подчиненной), Петръ Петровичъ обыкновенно называлъ ее «безпутною комиссіей». А вотъ какъ онъ однажды срѣзалъ священника Симеоностолпниковской церкви, Стефана Родовскаго, извѣстнаго въ городѣ страстью къ адвокатурѣ и къ сочиненію прошеній, для всякаго прибѣгавшаго къ его юридическимъ совѣтамъ. Петръ Петровичъ, взошедъ однажды ко мнѣ съ утренней своей прогулки, засталъ у меня этого священника, пришедшаго съ крестомъ по случаю какого-то праздника, такъ какъ занимаемый мною Дивовскій домъ состоялъ въ его приходѣ. «Скажите пожалуйста, батюшка», обратился онъ къ священнику, «зачѣмъ вы отбиваете у насъ хлѣбъ?»—«Какъ такъ, ваше превосходительство?» спросилъ озадаченный отецъ Стефанъ.—«А вотъ какъ. Мы за васъ не крестимъ и не вѣнчаемъ, молебновъ и панихидъ не служимъ, а вы заваливаете Губернское Правленіе вашими прошеніями».

Была также и другая странность въ Петрѣ Петровичѣ, которую можно было бы назвать служебно-эгоистическою. Не выносилъ онъ хладнокровно, чтобы кто-нибудь изъ чиновниковъ при его особѣ переходилъ на службу, хотя бы и на выгоднѣйшее мѣсто, но внѣ управляемой имъ губерніи. Переходъ таковой представлялся ему какъ бы личною обидой. Когда одинъ изъ моихъ товарищей по особымъ порученіямъ, Александръ Ивановичъ Протасьевъ, по домашнимъ причинамъ (его отецъ содержалъ тогда откупъ во Владимірѣ) вздумалъ перейти къ Владимірскому губернатору, г. Теличееву, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Рязани, Петръ Петровичъ сталъ обращаться съ нимъ холодно, тогда какъ дотолѣ Протасьевъ былъ балованнымъ у него въ домѣ дитятею.

А что̀ до служебной его дѣятельности, то хотя и на первыхъ порахъ управленія губерніей методъ его не отличался строгостію, но не могу не сознаться, что подъ конецъ административный строй былъ распущенъ, и это было тѣмъ прискорбнѣе, что Петръ Петровичъ имѣлъ всѣ данныя быть отличнымъ губернаторомъ. Кромѣ служебной рутины, имъ пріобрѣтенной въ бытность его Московскимъ вице-губернаторомъ, онъ былъ способный человѣкъ, быстро усвоивалъ суть всякаго дѣла, излагалъ (словесно), какое слѣдовало дать по оному направленіе, помнилъ подходящіе къ нему антиценденты и одаренъ былъ хорошею памятью; но, на сколько я могъ замѣтить, онъ не слѣдилъ за исполненіемъ словесно начертаннаго имъ плана и къ нѣкоторымъ, довольно серіознымъ, дѣламъ относился какъ бы апатично. Казалось, что служба ему наскучила, а на повѣрку онъ никогда не помышлялъ бросить ее. Но когда, бывало, захочетъ онъ заняться, работа у него кипѣла и, сверхъ

сего, онъ положилъ себѣ за правило три раза въ недѣлю сидѣть въ Губернскомъ Правленіи по нѣскольку часовъ. Лишнимъ будетъ добавить, что направленіе его было честное и безукоризненное. Ужъ, извините, а потачки отцу родному онъ не далъ бы, и не поддавался офиціознымъ подъ рукою внушеніямъ разныхъ Петербургскихъ властей, когда внушенія эти противорѣчили его взглядамъ. А все-таки скажу, что административная его терпимость граничила съ несправедливостью въ томъ отношеніи, что, терпя одинаково лѣнивыхъ и трудившихся чиновниковъ, не оказывалъ онъ поощренія послѣднимъ. Однажды я дозволилъ себѣ передать ему, что, разъѣзжая по службѣ по губорніи, то и дѣло что слышишь неодобрительные отзывы объ иныхъ лицахъ центральной администраціи, и что таковые господа, говорилъ я, могутъ, пожалуй, набросить тѣнь и на него самого, тогда какъ всѣ любятъ и уважаютъ его. И что̀ же отвѣчалъ онъ на это? «Ахъ, mon cher, ну напишу въ министерство, чтобы ихъ смѣнили, и пришлютъ мнѣ, пожалуй, еще худшихъ; этихъ я умѣю, по крайней мѣрѣ, держать въ извѣстныхъ границахъ, а вышлютъ, того и гляди, такихъ, что и не совладаешь съ ними». Иногда спроситъ, бывало, мимоходомъ, сколько дѣлъ у меня на рукахъ и какъ идутъ, но едва начну излагать ихъ (да и подчасъ я радъ былъ случаю посовѣтоваться съ нимъ, или выказать мои успѣхи въ слѣдственныхъ занятіяхъ), а онъ перебьетъ меня эпиграмою или анекдотомъ, не относящимся къ дѣлу. Мы числились при его особѣ, а на дѣлѣ мы были чиновники, всецѣло отданные къ услугамъ Губернскаго Правленія, почти тоже что̀ служащіе въ полиціи. Въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ, да и не болѣе какъ раза два въ годъ, я получалъ предписаніе о производствѣ какого нибудь слѣдствія прямо отъ имени губернатора и чрезъ его канцелярію; а то все по указу Губернскаго Правленія. Да и какія, бывало, налагало оно на насъ порученія! Смѣшно, какъ вспомнишь. Но особенно отличался по этой части крючко-охотливый и не разъ упомянутый совѣтникъ Зайцевъ, завѣдывавшій отдѣленіемъ хозяйственной части губернскаго и уѣздныхъ городовъ. Однажды получилъ я указъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли желѣзная крыша надъ корпусомъ Гостинаго двора, что̀ на новомъ базарѣ, была вся крашена въ предъидущемъ году или ранѣе. Въ редакціи этого указа была вставлена фраза: «Хотя градская полиція (въ лицѣ, помнится мнѣ, полицмейстера г. Фелькнера) и доноситъ Губернскому Правленію, что вся крыша была крашена въ предъидущемъ году, но тѣмъ не менѣе предписывается вамъ *провѣрить, справедливо-ли доноситъ градская полиція*». Изъ этого видно, въ какомъ почетѣ и въ какой вѣрѣ была Рязанская полиція у г.г. членовъ Губернскаго Правленія. Надо знать, что всѣ лавочники этого корпуса владѣли также складоч-

нымъ амбаромъ (или кладовой) на второмъ этажѣ надъ ихъ лавками, что̀ и составляло, съ соотвѣтствующею частію общей крыши, особенныя отдѣленія и собственность каждаго лавочника. Таковыхъ отдѣленій было, по малой мѣрѣ, до пятидесяти; а такъ какъ всякій хозяинъ красилъ свою часть крыши, когда ему заблагоразсудится, то общій видъ крыши представлялъ ряды пестрыхъ полосъ. Дабы опредѣлить съ возможною точностію время окраски каждаго изъ сихъ отдѣленій, требовалось знаніе спеціалиста, и я вынужденъ былъ пригласить для содѣйствія мнѣ въ этой повѣркѣ одного изъ губернскихъ архитекторовъ. Не забыть мнѣ этихъ трехъ часовъ, мною проведенныхъ подъ пылающимъ Іюньскимъ солнцемъ въ столь важномъ занятіи, и честилъ я мысленно совѣтника Зайцева, виновника моего испытанія. А то получаю указъ слѣдующаго содержанія: «Купчиха Рубцова *) проситъ объ освобожденіи отъ квартирной повинности вновь выстроеннаго будто бы ею флигеля» (кажется, что законъ даетъ или давалъ трехгодовую льготу для новаго строенія), и потому предписывается вамъ освидѣтельствовать, дѣйствительно ли Рубцова выстроила новый совершенно флигель, или только перестроила его изъ стараго зданія». Въ этомъ же родѣ было еще порученіе освидѣтельствовать булочную колониста Вагнера, не производятся ли въ ней конфеты въ ущербъ кондитерамъ, платившимъ особенную повинность за ихъ спеціальное издѣліе; также произвести осмотръ у мизерниннькаго лавочника галантерейныхъ вещей, торговавшаго въ шкафѣ галереи Гостинаго (большого) двора, имѣется ли проба на всѣхъ ювелирныхъ вещахъ у него въ продажѣ. Всѣ подобные осмотры прямо подлежали градской полиціи; но мы уже видѣли, на сколько довѣряло ей Губернское Правленіе. И вотъ какое почетное употребленіе дѣлало изъ насъ воспѣтое въ одной народной пѣснѣ это высшее административное учрежденіе.

Изъ Губернскаго Правленья
Лѣзетъ пакосно твореніе.

Но въ замѣнъ этой неумѣстности была въ высшей степени похвальна въ Петрѣ Петровичѣ черта, что онъ всегда воздерживался направлять насъ, слѣдователей, и предлагать, въ какомъ духѣ онъ желалъ, чтобы изслѣдованіе было произведено. Страннымъ казалось бы ставить въ заслугу начальствующему лицу, что онъ не употреблялъ (или правильнѣе, не злоупотреблялъ) своимъ вліяніемъ въ ущербъ правосудія; а это-то и дѣлали нѣкоторые тогдашніе губернаторы или по

---

*) Магазинъ модъ и уборовъ Рубцовыхъ былъ въ Рязани нѣчто въ родѣ магазина въ Москвѣ мадамъ Минангуа.

личному ихъ взгляду на дѣло, или въ угоду дворянской кастѣ и сильнымъ, хотя и отсутствующимъ, міра сего лицамъ, и подобное пристрастное дѣйствіе находило апологистовъ въ средѣ высшаго общества. Такъ напримѣръ, въ одномъ знаменитомъ дѣлѣ о смертоубійствѣ, по коему обвинялся молодой Москвичъ знатной фамиліи, хвалили Московскихъ слѣдователей за то, что они оградили аристократическую честь, тогда какъ обстановка дѣла уличала этого юношу въ смертоубійствѣ или по крайней мѣрѣ въ утайкѣ совершившагося въ его кабинетѣ преступленія. Благодарю моего Создателя, что, во время моего нахожденія при трехъ губернаторахъ, ни одинъ изъ нихъ не попытался давать мнѣ подобныя наставленія. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ подалъ бы въ отставку. Петръ Петровичъ былъ человѣкъ неукоризненный и не дѣлалъ ничего противузаконнаго ради страха или въ угодность Петербургскимъ вліятельнымъ лицамъ.

Я сказалъ, что онъ какъ-бы махнулъ рукою на нѣкоторыя злоупотребленія и на нерадѣніе подчиненныхъ чиновниковъ, убѣдясь въ своемъ безсиліи искоренить это зло; но были однакоже случаи, когда онъ пробуждался изъ своего индеферентизма. Однажды я донесъ ему, что въ отдѣленіи неизлѣчимыхъ, бывшемъ при городской больницѣ, врачъ, приставленный къ этимъ страдальцамъ, никогда не заходилъ къ нимъ для оказанія имъ хотя бы временнаго облегченія. Петръ Петровичъ, поблагодаривъ меня за это увѣдомленіе, отправился туда невзначай и, удостовѣрившись въ нерадѣніи врача, распекъ его по порядку и съ угрозою отрѣшить отъ службы, если онъ впредь провинится подобнымъ образомъ.

А что касается до Меропы Александровны, не скажу чтобы она прямо или косвенно вмѣшивалась въ служебныя дѣла. Вліяніе ея на мужа не на столько было сильно, чтобы оно могло отзываться на дѣлахъ; но она впутывалась въ городскія дрязги и семейныя происшествія и тѣмъ нажила себѣ враговъ, при всемъ томъ, что была добрѣйшее въ мірѣ существо, всегда готовое отдать послѣднюю копейку нуждающему; а это нерасположеніе къ ней мѣстнаго общества обрушивалось подчасъ на невиннаго ея мужа. Впрочемъ, она справедливо говаривала, что нельзя угадать, за что̀ одного губернатора превозносятъ, а другого, ничѣмъ не хуже, ненавидятъ. Игривое ея воображеніе созидало иногда цѣлую драму изъ простаго слуха, и въ этомъ прикрашенномъ и добавленномъ видѣ она передавала съ коментаріями плодъ своей фантазіи приближеннымъ ей людямъ, не присягавшимъ конечно умалчивать о слышанномъ ими отъ ея превосходительства, что̀ конечно и усиливало неудовольствіе противъ нея замѣшанныхъ въ этихъ исто-

ріяхъ лицъ. Безъ этихъ погрѣшностей Меропа Александровна была бы образцовая представительница того, чѣмъ слѣдуетъ быть женѣ губернатора. Рѣдко сумѣетъ любая дама столичнаго круга «tenir son salon» [1]), какъ она. Разговорчивою не могла она не быть при замѣчательномъ ея дарѣ слова и, добавлю, словоохотливости; но она была равно любезна и внимательна ко всѣмъ своимъ посѣтителямъ безразлично, а это немаловажно въ провинціальномъ обществѣ пестроватаго обыкновенно состава. А какой это былъ другъ своимъ друзьямъ! При ней изъ нихъ ни одного не тронь, а то она готова была идти на ножи. Вотъ чѣмъ выкупала Меропа Александровна свои слабости, и не даромъ говаривалъ о ней Петръ Петровичъ: «Ma légitime a les défauts de ses bonnes qualités» [2]).

Существовавшій до пріѣзда Новосильцовыхъ театръ не удовлетворялъ драматической потребности публики провинціальнаго даже города и своимъ зданіемъ онъ походилъ на сарай кое-какъ сколоченный, а еще менѣе составомъ труппы, бывшей вдобавокъ, лишь временною. Считая общественныя удовольствія не изъ послѣднихъ нуждъ городской жизни, Петръ Петровичъ только что оглядѣлся на мѣстѣ новаго своего служенія, какъ обратился къ Рязанскому откупщику г. Нѣмцову съ предложеніемъ: «Я слышалъ, что вамъ угодно было жертвовать доселѣ по три тысячи рублей въ годъ на персоналъ непосредственно подвѣдомственныхъ губернатору мѣстъ. Нечего вамъ говорить, что подобныя щедрости идутъ въ разрѣзъ съ моими правилами, какъ недопускаемыя законами; но съ другой стороны, не вижу, право, почему деньги эти, отмѣченныя у васъ въ статьѣ экстренныхъ расходовъ, должны обратно поступать въ кассу вашей конторы, и потому предлагаю вамъ употребить ихъ на будущее время на такой предметъ, за который вы заслужите общую нашу признательность и который не запрещается закономъ, а именно, исправьте-ка нашъ театришка, да ангажируйте хоть порядочную для него трупку, и опредѣлите и впредь на содержаніе театра эту тысячную вашу сумму». Подхватилъ эту мысль нашъ откупщикъ (славный былъ человѣкъ [3]), общественный, веселый, любилъ хорошо жить и всегда готовъ помогать нуждающемуся люду) и пустился въ ярые театралы, да еще какъ? Вопервыхъ, онъ

[1]) „Держать свой салонъ“: выраженіе неудобопереводимое, и къ нему ближе относилось бы „управлять своимъ салономъ“; но и это выраженіе не передаетъ полнаго смысла Французскаго термина, въ коемъ подразумѣвается одновременно и умѣніе выбирать составъ салона.

[2]) Моя благовѣрная отличается пороками, происходящими изъ ея добрыхъ качествъ.

[3]) Вотъ одна изъ его чертъ. Приходитъ къ нему разъ одинъ изъ младшихъ архи-

взялъ лучшаго Рязанскаго архитектора, Николая Ильича Воронихина [1]), который перестроилъ заново весь театръ, и перестроилъ его дѣйствительно щегольски, но за то вогналъ его въ 18 или 20 т. рублей. Партеръ и ложи были обиты краснымъ сукномъ, ложи въ два яруса и съ мягкою мебелью, надъ ними раекъ, а надъ сценою высились въ потолкѣ большіе часы [2]). Взявшись за должность директора своего театра, Нѣмцовъ нанялъ полдюжину прислуги, каковую онъ облекъ въ ливреи, ни дать, ни взять, капельдинеровъ императорскихъ театровъ, въ темнозеленые фраки съ красными воротниками и галунами, и всѣ, какъ слѣдуетъ, въ бѣлыхъ галстухахъ. Дошла очередь до сформированія труппы, и вотъ поѣхалъ нашъ директоръ въ Москву и тамъ, познакомившись съ служившими въ конторѣ театральной дирекціи, навербовалъ разныхъ молодыхъ артистовъ обоего пола, только что выпущенныхъ, а быть можетъ и уволенныхъ по какимъ нибудь причинамъ изъ Театральнаго Училища, и вмѣстѣ съ тѣмъ ангажировалъ въ режиссёры одного изъ извѣстныхъ отчасти Московскихъ артистовъ. (Чуть не былъ-ли это Сахаровъ). Въ числѣ этихъ новичковъ-артистовъ талантливыми весьма оказались мужъ и жена Линдроты; да и составъ труппы былъ на столько удовлетворителенъ, что часто разыгрывалась комедія «Не въ свои сани не садись», только что вышедшая изъ подъ пера Островскаго, и весьма недурно шла также «Женитьба Гоголя». Г. Нѣмцовъ ангажировалъ также и одну танцовщицу-солистку; но ей рѣдко приходилось выказывать свое искусство, такъ какъ балетовъ не давалось за неимѣніемъ хореграфическаго персонала. Не могли надивиться крупные

текторовъ (кажется по фамиліи Крапивко) по слѣдующему дѣлу. Ему мать писала, что есть на примѣтѣ порядочный женихъ для ея дочери, но что она по своей бѣдности не въ средствахъ снабдить дочь необходимымъ даже приданымъ. „Знаю", говорилъ молодой архитекторъ г. Нѣмцову, „что наврядъ-ли предстоитъ мнѣ когда нибудь случай доказать вамъ мою благодарность, и сомнѣваюсь, буду ли я когда-нибудь въ состояніи отдать вамъ обратно просимую мною сумму, чтобы устроить судьбу сестры, но умоляю васъ не оставить насъ горемычныхъ".—„А что, Варвара Войновна, обратился Нѣмцовъ къ добрѣйшей своей женѣ, „вѣдь и впрямь можетъ случиться, что когда мы съ тобою помремъ, одна изъ нашихъ дѣвченокъ можетъ очутиться, пожалуй, кто знаетъ что̀ будетъ впредъ? въ такой же нуждѣ, какъ и его (архитектора) сестра, и найдетъ и она въ свою очередь хорошаго человѣка, который ей поможетъ. Такъ давай, сдѣлаемъ теперь доброе дѣло". И онъ выдалъ архитектору порядочно-крупненькую сумму (въ нѣсколько, кажется, сотенъ рублей) безъ всякаго даже документа.

[1]) Онъ былъ изъ сродниковъ или потомковъ извѣстнаго Воронихина, строителя Петербургскаго Казанскаго собора.

[2]) Театръ этотъ (впослѣдствіи сломанный) стоялъ на углу Соборной и Семинарской улицъ.

собратья Нѣмцову по откупамъ, недоумѣвали, что это вдругъ съ нимъ приключилось и чуть не подозрѣвали, не сошелъ-ли онъ съ ума. Встревожилась и сама его супруга Варвара Войновна и не очень была признательна его превосходительству, начальнику губерніи, за то, что превратилъ посѣдѣвшаго ея мужа въ театралы, хотя г. Нѣмцовъ и не разстроилъ этимъ своихъ дѣлъ. По прошествіи трехъ лѣтъ онъ сдалъ свой театръ Евгенію Михайловичу Бернару, но и тотъ не долго возился съ нимъ и сдалъ его третьему лицу. Однако, за временную свою манію г. Нѣмцовъ поплатился не однимъ десяткомъ тысячъ рубликовъ.

Былъ также у Петра Петровича проектъ о постройкѣ въ Рязани казеннаго губернаторскаго дома. Мѣсто для сего онъ было избралъ на Соборной улицѣ, на лѣвой сторонѣ при началѣ пустыря (нынѣ застроеннаго) отъ перваго спуска къ р. Трубежу и неподалече отъ изолированной церкви Спаса на Яру. Объ этомъ дѣлѣ онъ хлопоталъ въ Петербургѣ и получилъ даже согласіе графа Клейнмихеля, но съ паденіемъ въ 1855 году этого всемогущаго временщика, проектъ канулъ въ воду.

Въ довершеніе всего хорошаго въ Петрѣ Петровичѣ онъ былъ убѣжденный христіанинъ, не смотря на то, что придерживался своеобразнаго толкованія иныхъ евангельскихъ текстовъ, несогласно съ ученіемъ церкви. Въ одной откровенной со мною бесѣдѣ онъ удивилъ меня, сказавъ, что вѣруетъ въ метемпсихозу, что душа наша, по отдѣленіи отъ тѣла, переходитъ постепенно, для своего очищенія, отъ одного животнаго въ другое. На чемъ основана была эта доктрина, онъ не могъ, конечно, объяснить мало-мальски удовлетворительно. Онъ также приписывалъ такое обширное значеніе Божьему милосердію и человѣколюбію, что, по его понятію, имъ противорѣчило ученіе объ осужденіи грѣшной души на вѣчныя муки.

Замѣтивъ бѣдность своей приходской Вознесенской церкви и желая увеличить ея доходъ, Петръ Петровичъ пожелалъ быть избраннымъ въ ктиторы къ ней и аккуратно сталъ ходить съ блюдомъ во время литургіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и чтобы привлечь публику, онъ завелъ пѣвческій хоръ изъ воспитанниковъ подвѣдомственнаго ему училища дѣтей канцелярскихъ служителей. Усердіе его вознаградилось полнѣйшимъ для этой церкви успѣхомъ. Весь бо-мондъ стремился туда посмотрѣть, какъ губернаторъ шествуетъ по церкви съ тарелкой въ рукахъ; да и высшія служебныя лица и мы, мелкотравчатое чиновничество, не манкировали ходить туда, чтобы сдѣлать удовольствіе церковному старостѣ. Дурного въ этомъ угожденіи Петру

Петровичу не было ничего: намъ вѣдь все равно, въ какую церковь ходить по праздничнымъ днямъ, лишь бы быть у обѣдни. А тогда какъ въ прочихъ церквахъ публика кладетъ обыкновенно на блюдо не болѣе гроша или пятачка, а многіе и вовсе ничего не кладутъ, въ Вознесенской церкви мѣдныя приношенія замѣнены были серебряною монетой, а предсѣдатели палатъ, помѣщики и Московскіе пріѣзжіе изъ Новосильцовскихъ знакомыхъ не клали на блюдо менѣе рублевой бумажки, и мнѣ случалось видѣть даже трехрублевые кредитные билеты. Пропустить мимо себя кланяющагося губернатора, не положивъ ничего ему на блюдо, каждому казалось какъ бы непочтительностью, и я однажды видѣлъ, какъ стоявшій рядомъ со мною частный приставъ, спохватившись, что забылъ захватить съ собою портъ-монè, бросился къ своему знакомому и занялъ у него серебряную монету. Результатомъ всего этого было, что года черезъ три построены были въ церкви два новые великолѣпные придѣла, одинъ изъ коихъ во имя св. Петра Московскаго митрополита, а такъ какъ этотъ святитель былъ ангеломъ Петра Петровича, немудрено, что это самое и могло быть отчасти причиною его домогательства быть ктиторомъ церкви. Насколько мнѣ помнится, онъ даже опредѣлилъ особенное денежное содержаніе священнику церкви.

Часть пѣхотной дивизіи генерала Кирьякова была расположена въ Рязанской губерніи, а въ самой Рязани былъ дивизіонный штабъ и тамъ же стоялъ въ 1853 году Московскій полкъ, командиромъ коего былъ тогда полковникъ Куртьяновъ. Генералъ Кирьяковъ былъ охочъ до пикниковъ и обѣдовъ, и не прочь выпить лишній бокалъ, въ каковыхъ случаяхъ онъ дѣлался черезъ-чуръ чувствителенъ къ прелестямъ Рязанскихъ барынь, называя ихъ «душками», и одну изъ нихъ онъ будто бы, какъ разсказывали, однажды облобызалъ на пикникѣ, за что̀ вступился ея супругъ, и изъ-за этого вышелъ скандалъ.

Въ Московскомъ полку былъ только-что произведенный въ офицеры Александръ Филиповичъ Христіановичъ (сынъ Тарускаго помѣщика Филипа Ивановича, долго бывшаго Калужскимъ прокуроромъ, а потомъ предсѣдателемъ Калужской Гражданской Палаты). Молодой Христіановичъ былъ замѣчательный піанистъ, плохой композиторъ и прекрасно образованный человѣкъ *). Подобная нашего поля ягодка была находкою сама по себѣ для нашего кружка; но кромѣ того, Петръ Петровичъ знавалъ его отца, когда послѣдній еще служилъ въ Москвѣ

*) Онъ женился на одной изъ дочерей Николая Александровича Поливанова и давно живетъ въ отставкѣ въ своемъ Тарускомъ имѣніи.

при князѣ Д. В. Голицынѣ, и потому Александръ Филиповичъ сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у Новосильцовыхъ.

Когда Европейская коалиція, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, объявила намъ войну, и ген. Кирьяковъ выступилъ со своею дивизіей въ Крымъ, то ему и офицерамъ Московскаго полка данъ былъ по подпискѣ прощальный обѣдъ безъ участія дамъ, на коемъ Шампанское полилось моремъ, и я, конечно, не отставалъ отъ прочихъ.

Общественныя увеселенія возобновились съ наступившимъ зимнимъ сезономъ. Позамѣшкался немного въ Рязани, чтобы сдѣлать удовольствіе Новосильцовымъ, кое-кто изъ Рязанскихъ помѣщиковъ, предъ переѣздомъ на зиму въ Москву, въ томъ числѣ семейство Ивинскихъ. На одномъ изъ клубныхъ еженедѣльныхъ баловъ, длившемся до поздняго весьма часа, г-жа Ивинская, не взирая на мольбы Меропы Александровны, буквально вытащила своихъ двухъ дочерей съ недоконченныхъ ими танцевъ; но по мѣрѣ, какъ мать принималась закутывать въ прихожей комнатѣ одну изъ нихъ, другая шмыгнетъ обратно въ залъ и давай снова доплясывать съ прежнимъ своимъ кавалеромъ; мать за ней и опять тащитъ ее въ прихожую, а въ тоже самое время сестра ея, сбросивъ съ себя шубку, вбѣгаетъ, въ свою очередь, въ залу и хватаетъ своего кавалера. Видя свое безсиліе, несчастная г-жа Ивинская, въ порывѣ изступленія и задыхаясь, бросается къ оркестру и вырываетъ инструментъ изъ рукъ перваго скрипача при общемъ нашемъ хохотѣ. Не взирая, однакоже, на эту случайную танцофобію г-жи Ивинской, она была великая мастерица въ хореграфическомъ дѣлѣ и поставила, по какому-то особенному случаю, пантомимный кадриль-балетъ изъ Русскихъ танцевъ, исполненный двумя ея дочерьми, г-жою Леонилою Колчиной и четвертою дамой или дѣвицей, имя коей я забылъ; а изъ мужчинъ участвовалъ одинъ Михаилъ Францовичъ Ладвезъ *), артистъ въ Цыганской пляскѣ. Въ какомъ-то подобномъ почти танцѣ участвовалъ также тогда бѣлокуренькій, кровь съ молокомъ, молодой пріѣзжій Волжанинъ (хотя Нѣмецкаго происхожденія), Климентъ Ивановичъ Энгельмейеръ. Почему онъ попалъ въ Рязань, не помню, но тутъ же и влюбился въ Софью Петровну Таптыкову (воспитанницу и племянницу генеральши Носковой, сосѣдки Н. А. Дивова), и она въ него. Не по нутру было это теткѣ, желавшей пристроить свою наслѣдницу-красотку за превосходительную особу, каковая

*) Сынъ стараго Французскаго эмигранта и фабрикантши искусственныхъ цвѣтовъ, магазинъ коей былъ въ Москвѣ, на Петровкѣ. Одинъ изъ его братьевъ вышелъ хорошимъ живописцемъ.

была уже, помнится мнѣ, на примѣтѣ; но Меропа Александровна и азъ грѣшный приняли влюбленную чету подъ нашу эгиду, и я однажды устроилъ даже свиданіе нашимъ «крестникамъ» (какъ звала ихъ Меропа Александровна) въ городскомъ саду, который былъ тогда подъ моимъ вѣдѣніемъ. Спустя годъ, превосходительная тетка смягчилась, и ихъ окрутили подъ пѣніе «Исаія ликуй».

Щегольской балъ задалъ также откупщикъ Нѣмцовъ, чему способствовалъ помѣстительный его домъ [1]), а у Новосильцовыхъ шли репетиціи переведенной съ Французскаго драмы «Серафинъ Лафайль», подъ руководствомъ режиссёра Нѣмцовскаго театра, гдѣ я прилежно разучивалъ роль мужа-тирана, а главныя роли были предоставлены Софьѣ Егоровнѣ Путятѣ и молодому князю Волконскому (они были спеціалисты въ дѣлѣ благородныхъ спектаклей). Меропѣ Александровнѣ предназначалось отличаться въ лицѣ Французской королевы Маріи Медиційской (для чего я даже заготовилъ рисунокъ, съ костюмомъ того времени), и нѣтъ сомнѣнія, что съ ея представительностію, голосомъ и прекрасною дикціей она бы вызвала аплодисменты; но репетиціи вдругъ прервались (къ крайнему моему сожалѣнію), изъ-за какихъ-то закулисно-аматёрскихъ, кажется, исторій.

Не ранѣе этой осени удалось мнѣ познакомиться и съ перваго же раза сойтись съ Дмитріемъ Кесаревичемъ Хвощинскимъ и талантливыми его тремя дочерьми. Старшая изъ нихъ, Надежда Дмитріевна, только-что выступившая на беллетристическое поприще подъ псевдонимомъ Крестовскаго, сразу обратила вниманіе на себя читающей публики повѣстями: «Искушеніе», «Кто остался довольнымъ», «Сельскій учитель» и продолженіемъ его «Еще годъ» [2]). Какъ нынѣ, такъ и съ самаго начала, повѣсти ея помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ», но нѣкоторыя ея стихотворенія являлись кое-когда въ «Современникѣ», и подъ ними она подписывалась настоящимъ своимъ именемъ. Осталась же она вѣрна журналу Краевскаго и отказалась участвовать во вновь открытомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», изъ благо-

---

[1]) Домъ этотъ былъ на улицѣ, ведущей отъ Семинарскаго моста къ городской больницѣ, близъ церкви Николы-Долгошеи. Нѣмцовъ купилъ его отъ прежняго Рязанскаго откупщика Ивана Александровича Протасьева.

[2]) Спустя немного времени, она упрочила свою извѣстность болѣе пространными романами: „Послѣднее дѣйствіе комедіи“ и „Баритонъ“. Послѣдній сюжетъ взятъ изъ семинарскаго быта, присматриваться къ которому было автору тѣмъ легче, что домъ Хвощинскихъ примыкаетъ къ Рязанской семинаріи, и для сего Надежда Дмитріевна завела знакомство съ нѣкоторыми семинаристами.

дарности къ Краевскому, не отказывавшему ей никогда въ денежныхъ пособіяхъ.

Мизантропическое направленіе, преобладающее во всѣхъ ея повѣстяхъ, сложилось отъ семейной ея обстановки, причиною каковой были служебныя несправедливости, постигшія ея отца и доведшія его до нуждающагося положенія. Д. К. Хвощинскій служилъ когда-то по коннозаводству, главнымъ начальникомъ коего былъ въ 40-хъ годахъ ген.-адъютантъ Левашовъ. Управляя Скопинскимъ отдѣленіемъ этого вѣдомства, онъ обвиненъ былъ въ растратѣ крупной казенной суммы, послѣ тянувшагося долго слѣдствія признанъ виновнымъ, и у него конфисковано было единственное недвижимое его имѣніе. Когда я познакомился съ Дмитріемъ Кесаревичемъ, онъ служилъ при Рязанской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ посредникомъ отъ казенныхъ крестьянъ въ полюбовномъ ихъ размежеваніи съ сосѣдними имъ помѣщиками, на жалованіи, помнится мнѣ, немного свыше 1000 рублей. На эти деньги и на выручку отъ литературныхъ трудовъ его дочери существовало все семейство Хвощинскихъ, состоявшее тогда изъ пяти: Дмитрій Кесаревичъ, жена его Юлія Викентьевна (рожденная Рубецъ) и три дочери, Надежда, Софія и Прасковья Дмитріевны. Кесарь Дмитріевичъ былъ нѣкогда адъютантомъ у какого-то генерала на Кавказѣ. Считая себя безвинно пострадавшимъ, онъ возобновилъ въ началѣ 50-хъ годовъ Скопинское дѣло, и хотя былъ оправданъ высшею сенатскою инстанціей, но (какъ я слыхалъ отъ него самаго) не только что не возвращено было ему прежнее имѣніе, но онъ ничего не получилъ въ замѣнъ его. Не оставлялъ нуждающихся своихъ сродниковъ Абрамъ Петровичъ Хвощинскій, двоюродный братъ Дмитрія Кесаревича, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ [1]). Онъ останавливался у него въ Рязани, когда тотъ жилъ въ наемномъ тогда домѣ, и однажды на Пасху или по случаю имянинъ или дня рожденія Дмитрія Кесаревича передалъ ему готовый на домъ документъ [2]). Старшая изъ сестеръ Хвощинскихъ Надежда и меньшая Прасковья воспитывались дома, а средняя Софія вышла институтка съ первымъ шифромъ. Прелестное существо была эта дѣвушка. Она сотрудничала сестрѣ-писательницѣ, даже кое-что сама пописывала въ журналахъ, но также подъ псевдонимомъ и, сверхъ того, талантливо занималась жанровою живописью акварель-

[1]) Сынъ его былъ въ началѣ 50-хъ годовъ адъютантомъ у графа Егора Петровича Толстаго, тогда Калужскаго губернатора, а двѣ дочери замужемъ, одна за Акинфіевымъ, а другая за Деляновымъ.

[2]) Въ этомъ домѣ живутъ и понынѣ вдова и старшая и меньшая дочери Дмитрія Кесаревича (Софья Дмитріевна скончалась преждевременно лѣтъ восемь тому назадъ).

ными красками въ такихъ же большихъ размѣрахъ, какъ масляными [1]).

Мой взглядъ на дарованіе Надежды Дмитріевны таковой. Психологическій ея анализъ часто вѣренъ, но выводы у нея бываютъ иногда преувеличены, а когда она пускается въ описанія великосвѣтскихъ «бархатниковъ» (именованіе изъ повѣстей Григоровича), что̀ не рѣдко дѣлаетъ, то она относится къ этому сословію желчно, какъ бы съ ненавистью, и въ своихъ очеркахъ она руководится если не вымысломъ или догадками, такъ слухами и отзывами часто-пристрастными ея литературной братіи, сама же Рязанская наша отшельница не была вхожа въ столичные аристократическіе салоны, а то что̀ могла подмѣтить изъ Рязанской мимолетной при Новосильцовыхъ шумной жизни, не могло, по своей ограниченности, дать этой писательницѣ мѣрило къ подобнымъ описаніямъ и тѣмъ менѣе снабдить ее запасомъ на двадцатилѣтнюю письменную дѣятельность, и вотъ почему я нахожу, что она нерѣдко создаетъ характеры и драматическія положенія съ ихъ развязкою не существующіе въ дѣйствительности, хотя и они выходятъ довольно реліефно подъ ея перомъ. Уже почти двадцать лѣтъ что̀ я коротко съ нею знако̀мъ (и иногда переписываюсь), но предпочитаю въ ней женщину писательницѣ [2]). Ей вредитъ также экзальтація въ чувствахъ и взглядахъ, особенно въ политическихъ ея мнѣніяхъ, въ коихъ она утопистка до того, что сочувствуетъ бреду коммунизма и соціализма и утверждаетъ, что эта доктрина основана на Евангеліи. За то, вотъ какая высокая въ ея характерѣ черта. При стѣсненномъ своемъ положеніи, она отказала М. Н. Каткову участвовать въ его журналѣ «Русскій Вѣстникъ», потому что ея убѣжденія идутъ въ разрѣзъ съ направленіемъ этаго журнала и «Московскихъ Вѣдомостей» [3]).

Въ Рязань пріѣзжала этой же осенью (1853 года), мать Меропы Александровны, княгиня Софія Егоровна Вяземская, видная и свѣжая еще старуха. Не встрѣчался я съ нею дотолѣ никогда, хотя и знавалъ

---

[1]) Узнавъ о смерти художника Иванова, она написала съ памяти его портретъ масляными красками, хотя видѣла его не болѣе двухъ разъ, и говорятъ, что портретъ очень похожъ.

[2]) Она сама хорошо это знаетъ, и года два назадъ, когда одинъ изъ послѣднихъ ея романовъ „Большая Медвѣдица", былъ въ славѣ, она просила меня не читать его.

[3]) Лѣтъ тому шесть, она вышла замужъ за получахоточнаго медика, двадцатью почти годами моложе ея, Заяичковскаго, лишь изъ-за сочувствія къ нему, такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ студенческихъ Петербургскихъ исторіяхъ и сидѣлъ въ крѣпости. Онъ долго лечился за границей на средства извѣстнаго медика Боткина и умеръ въ 1872 или въ началѣ 1873 года.

покойнаго втораго ея мужа, князя Николая Григорьевича Вяземскаго[1]). Немного позднѣе, пріѣзжала также къ своей племянницѣ Новосильцовой г-жа Демидова, сестра княгини Вяземской со своимъ сыномъ, давно уже на службѣ[2]).

Съ самаго начала этаго 1853 года, взошли въ моду въ Россіи и за границею вертящіеся и пишущіе столы. Точнаго о томъ мнѣнія я по сю пору не могъ себѣ составить, но отрицать не могу, чтобы не было бы чего-то сверхъестественнаго въ пишущихъ столахъ. Опыты съ ними происходили на моихъ глазахъ, и потому не соглашаюсь съ тѣми, которые утверждають, что тутъ дѣйствуетъ одинъ самообманъ. Сторонники столь неслыханнаго дотолѣ феномена могли, пожалуй, объяснять неподвижность столовъ и шляпъ отсутствіемъ у меня животнаго магнетизма, но таковое поясненіе не удовлетворяетъ меня.

На счетъ пишущихъ столовъ разскажу то, чему я былъ свидѣтелемъ два раза. Устройство ихъ было слѣдующее. Вышина ихъ была въ четверть аршина, а въ длину и ширину, около шести вершковъ; вмѣсто четвертой ножки, вставлялся очиненный карандашъ, и игрушка эта ставилась на столъ. Опыты надъ своимъ оракуломъ Меропа Александровна производила обыкновенно вдвоемъ съ тогдашнимъ инспекторомъ Врачебной Управы Поповымъ. Наложатъ, бывало, руки на столикъ, и онъ пойдетъ чертить каракули на подложенномъ подъ нимъ бумажномъ листѣ. Чтобы добиться возможности прочесть эти каракули, непремѣнно надо было повторять опытъ до трехъ разъ; но замѣчательно и даже необъяснимо было то, что всѣ три раза чертежи выходили однообразные, то-есть, по одинаковому направленію, въ право-ли, въ лѣво-ли, въ верхъ или въ низъ, такъ что было видимое сходство между ними. Одно это обстоятельство уже свидѣтельствуетъ про отсутствіе случайности при составленіи этихъ чертежей. Если бы испытатели водили свои руки зря, невозможно было бы чертежамъ выходить однообразными. При повтореніи перваго опыта нѣкоторыя буквы обрисовывались уже правильнѣе и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ выказывались при первомъ и при окончательномъ третьемъ опытѣ, и только тогда можно было прочесть уже безъ затрудненія написанное. Словомъ, постепенная эта процедура, казалось, напоминала собою усилья школьника, учившагося писать. Всякій столикъ наименовался какимъ нибудь

---

[1]) Напоминаю, что сестрами его были графиня Марія Григорьевна Разумовская и Бѣлкинская наша сосѣдка Екатерина Григорьевна Болтина.

[2]) Эти дамы были рождены Панины. У г-жи Демидовой были двѣ дочери тогда уже замужемъ, одна за графомъ Армфельдтомъ (вдовцомъ), а другая за Казаковымъ.

христіанскимъ именемъ, имъ самимъ высказаннымъ въ отвѣтѣ на вопросъ, какъ его звали. Столикъ г-жи Новосильцовой чертилъ, что его звали Маріо Оровески (или что-то сходное съ этою фамиліею). На вопросъ, не дастъ ли оной нѣкоторыхъ о себѣ свѣдѣній, отвѣтъ былъ: «Убитъ на дуэли въ Венеціи въ 1822 году и похороненъ на Лидо» *). Замѣтить слѣдуетъ, что наврядъ ли Меропа Александровна или г. Поповъ, не бывшіе никогда въ Италіи, могли имѣть понятіе о существованіи квартала Венеціи, называющагося «il Lido». Пораженный тѣмъ, что̀ происходило въ моихъ глазахъ, я написалъ подробно о семъ моей матери во Флоренцію, набожность, праведную жизнь и церковную начитанность которой я глубоко чтилъ, и просилъ ее высказать ея мнѣніе объ этомъ явленіи, выходившемъ изъ извѣстныхъ дотолѣ законовъ природы. Мать моя не замедлила отвѣчать, что подобные опыты были тогда въ ходу и за границей, но что церковный авторитетъ (т. е. Римскаго вѣроисповѣданія), не находя возможнымъ удовлетворительно разъяснить подобныя явленія, запрещаетъ вѣрующимъ предаваться этому нововведенію, не приносящему никакой пользы, и даже склонно къ мнѣнію, что тутъ не чуждо прельщеніе нечистой силы, и потому мать моя убѣждала меня не заниматься впредь этими опасными, или по крайней мѣрѣ, сомнительными по ихъ происхожденію опытами. Такъ какъ и мои наблюденія привели меня къ почти подобному же взгляду, то я съ тѣхъ поръ сталъ относиться съ бо̀льшею осторожностію къ этимъ опытамъ.

Теперь я долженъ сдѣлать отступленіе и забѣжать восемь лѣтъ впередъ для дополненія сказаннаго о пишущемъ столѣ Меропы Александровны.

Въ Декабрѣ 1861 года, въ бытность мою Тарускимъ судебнымъ слѣдователемъ, пріѣзжалъ изъ Флоренціи къ намъ въ Знаменское племянникъ мой графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (это же и было первою его поѣздкою въ Россію для возобновленія его права на подданство въ настоящемъ своемъ отечествѣ, въ чемъ онъ и успѣлъ). Вспомнивъ какъ-то о моемъ письмѣ къ моей матери, а его бабушкѣ, по поводу пишущихъ столовъ, онъ изумилъ меня сообщеніемъ, что, въ бытность его въ Венеціи, онъ справлялся у священника приходской церкви на Лидо и узналъ отъ него, что дѣйствительно тамъ похороненъ нѣкій Маріо Оровески и даже, если припоминаю въ точности слова моего племянника, что этотъ человѣкъ умеръ въ 1822 году

*) Одинъ изъ болѣе пространныхъ острововъ, на которыхъ основана часть Венеціи, но отдаленный отъ центра города.

(или около того времени). Чтò сказать на это? Не могу себѣ простить, что, находясь самъ въ Венеціи осенью 1862 и весною 1863 года, я забылъ справиться на мѣстѣ о семъ обстоятельствѣ, могущемъ пролить свѣтъ на столь важный въ психологическомъ и даже религіозномъ отношеніи вопросъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Предсказательнаго или ясновидящаго въ отвѣтахъ на предлагаемые столамъ вопросы ничего не было (по крайней мѣрѣ при мнѣ). Такъ, напримѣръ, Меропа Александровна однажды спрашивала у своего столика о здоровьѣ и чтò дѣлала въ это время ея невѣстка, молодая княгиня Прасковья Вяземская [1]), лѣчившаяся тогда отъ разслабленія ногъ въ Ниццѣ, и отвѣтъ былъ, что она померла. А между тѣмъ она возвратилась благополучно въ Россію и чуть-ли не жива и по сіе время. Пораженный видѣннымъ мною у Меропы Александровны, я поспѣшилъ сообщить о томъ сестрамъ Хвощинскимъ, которыя, въ свою очередь, разсказали мнѣ, что и у нихъ есть подобный грамотный столикъ, но что онѣ не могутъ-де разобрать его отвѣты, написанные на неизвѣстномъ имъ Англійскомъ языкѣ. Опыты эти производили тихоправная Софія Дмитріевна съ Николаемъ Александровичемъ Слѣпцовымъ, товарищемъ предсѣдателя Рязанской Гражданской Палаты, ежедневнымъ посѣтителемъ Хвощинскихъ. Такъ какъ Англійскій языкъ мнѣ фамиліяренъ, то я просилъ произвести опытъ при мнѣ, но самъ не взялся участвовать въ немъ, сознавая свое магнетическое безсиліе. Удовлетворить мое любопытство взялись таже Софія Дмитріевна и находившаяся тутъ ея пріятельница молодая Маркелова (дочь одного совѣтника Рязанской Казенной Палаты, дѣвушка замѣчательная своимъ умственнымъ развитіемъ и талантомъ въ масляной живописи). Ни та, ни другая не знали Англійскаго языка. Вопросъ задала Софья Дмитріевна, не сообщая, однакоже, его намъ, и столъ пошелъ себѣ чертить каракули, точь-въ-точь какъ Новосильцовскій столикъ, и такъ же, какъ и тамъ, опыты должны были повторяться до трехъ разъ, прежде чѣмъ отвѣтъ могъ быть разобранъ. Тогда я прочелъ дѣйствительно по-англійски: «He is now at the theatre» [2]). Когда я передалъ этотъ отвѣтъ по-рус-

---

[1]) Рожденная графиня Толстая, та самая хорошенькая собою диллетантка, которая еще дѣвицею участвовала въ нашихъ Московскихъ аматёрскихъ концертахъ въ 1841 и 1842 годахъ. Мужъ ея, князь Григорій Николаевичъ Вяземскій, былъ сынъ вышепомянутой княгини Софіи Егоровны Вяземской, рожденной Паниной, а по первому мужу Тимашевой-Берингъ.

[2]) Онъ теперь въ театрѣ.

ски Софьѣ Дмитріевнѣ, она сказала: «Это довольно правдоподобно». Она спрашивала, что̀ дѣлалъ тогда, или гдѣ находился одинъ ея знакомый? Страннымъ мнѣ показалось также, что въ отвѣтѣ были двѣ, помнится мнѣ, ороографическія погрѣшности, но фраза была изложена правильно. Излагаю или, какъ говорятъ нынѣ, констатирую фактъ, при мнѣ происходившій, но объяснить его не берусь. «Много, много еще есть, чего мы не знаемъ, другъ Гораціо», какъ весьма мудро вложилъ Шекспиръ въ уста Гамлета. Но неужели будемъ отрицать возможность многихъ явленій изъ физическаго и психологическаго міра на томъ только основаніи, что они недоступны нашему разуму? Тутъ не будетъ логики.

Вышла тогда коротенькая книжка покойнаго митрополита Филарета по поводу этихъ столовъ. Ученый іерархъ, приводя въ ней нѣкоторые близко подходившіе къ этому предмету примѣры у языческихъ оракуловъ, не опредѣлялъ, однакоже, удовлетворительно, изъ какого источника происходятъ эти современныя намъ явленія. Спустя нѣсколько лѣтъ, находясь въ отпуску въ Москвѣ, я посѣтилъ маститаго предстоятеля нашей церкви, съ намѣреніемъ узнать послѣднее его о томъ слово. Высокопреосвященный, принявъ меня съ обычнымъ ему радушіемъ и вопросы мои со свойственною ему снисходительностью (ему даже угодно было сказать мнѣ, что онъ радъ видѣть у себя сына графа Дмитрія Петровича, коего онъ хорошо помнилъ, встрѣчавшись съ нимъ у оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, князя Александра Николаевича Голицына), выразилъ такое мнѣніе. Отчасти можно допустить, что письменные отвѣты могли бы происходить отъ умершихъ душъ, судьба коихъ нерѣшена, какъ учитъ церковь, до Страшнаго Суда, а гдѣ именно онѣ находятся, намъ неизвѣстно; но все-таки небезопасно для душевнаго и умственнаго нашего спокойствія предаваться этимъ опытамъ, потому что пытаться узнавать о томъ, чего нѣтъ въ Священномъ Писаніи, не можетъ приносить никакой пользы; а желать угадывать наше будущее не согласно съ евангельскимъ ученіемъ, гдѣ говорится, что будущее наше сокровенно отъ насъ Божьимъ Промысломъ, и во всякомъ случаѣ увлекаться этими опытами уже опасно потому, что отъ нихъ иные окончательно сходятъ съ ума, какъ случилось съ однимъ хорошо ему знакомымъ человѣкомъ. Тутъ же онъ добавилъ, что появленіе въ печати его книжечки случилось безъ его на то согласія, и что еслибы она предназначалась для печати, онъ составилъ бы ее иначе и не въ столь сжатомъ видѣ, какъ она появилась, и что въ сущности это было ничто иное, какъ письмо къ одному изъ его знакомыхъ, который просилъ его изложить его мнѣніе о зага-

дочныхъ этихъ столахъ. Хотя взглядъ митрополита розпился отчасти со взглядомъ Римской церкви по этому предмету, но я вынесъ изъ всего этого полуубѣжденіе, что, какъ себѣ хотятъ господа спириты, но тутъ непремѣнно что-то неладно, и потому я нахожу, что осторожность совѣтуетъ не заниматься этими экспериментами, почти что забытыми нынѣ. А все-таки эти, хотя и непонятные, факты имѣютъ уже ту хорошую сторону, что побѣдоносно доказываютъ всю несостоятельность ученія о матеріализмѣ. Какъ бы то ни было, а весьма справедливо замѣчаетъ досточтимый М. П. Погодинъ, говоря о спиритѣ Юмѣ въ недавнемъ своемъ сочиненіи «Простая рѣчь о мудреныхъ дѣлахъ» (отдѣлъ II, стр. 110): въ этомъ *есть что-то!*

Пріѣзжалъ въ это время изъ Петербурга къ Дивову въ Городище престарѣлый и неопредѣленной національности Левъ Андреевичъ Лебрюнъ (Lebrun), продолжавшій служить при Императорскомъ Эрмитажѣ въ должности помощника директора Лабенскаго. Бывшій Суворовскій ординарецъ представлялъ собою полнѣйшую физическую развалину и померъ въ слѣдующемъ, кажется, 1854 году. Не помню, говорилъ-ли я въ своемъ мѣстѣ, что въ числѣ разсказовъ Л. А. Лебрюна о Суворовѣ было, что въ Тульчинѣ (гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала) князь Александръ Васильевичъ хаживалъ каждодневно къ заутренѣ и того же самаго требовалъ отъ всего своего штаба; а дабы удостовѣриться, на сколько исполнялись его приказанія, онъ, кладя земные поклоны, разсматривалъ въ промежуткѣ своихъ ногъ всю стоявшую за нимъ свиту.

Извѣстія изъ Крыма становились съ каждымъ днемъ все болѣе неутѣшительными. Газетнымъ офиціальнымъ реляціямъ о ходѣ военныхъ дѣйствій мы не придавали вѣры, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ реляціи отличаются сдержанностью и подъ часъ утайкою; но Новосильцовы ежедневно почти получали извѣстія въ формѣ писемъ отъ давняго ихъ друга Александра Яковлевича Булгакова, тогда Московскаго почтъ-директора, такъ что, благодаря этой конфиденціальной корреспонденціи, все, что̀ происходило на Крымскомъ полуостровѣ, а также что̀ дѣлалось и говорилось въ Петербургскихъ высшихъ административныхъ сферахъ, было не тайною для насъ, составлявшихъ интимный кружокъ Новосильцовыхъ *). Носился слухъ изъ партикуляр-

*) Письма А. Я. Булгакова были также переполнены современными анекдотами, юморомъ и острыми словцами. Однажды, разсказывая о прибытіи въ Москву еле дышавшаго князя Чернышова (бывшаго военнаго министра), но еще на ногахъ, Александръ Яковлевичъ писалъ, что онъ на дняхъ встрѣтилъ на улицѣ князя Чернышова, гулявшаго *со своею вдовой подъ ручку.* (Donnant le bras à sa veuve).

ныхъ свѣдѣній по поводу неудачи Альминскаго дѣла и его послѣдствій, что князь Меншиковъ, боясь, чтобы непріятельскія войска немедленно не ворвались въ Севастополь, еслибы они подступили къ нему по прямому (юго-западному отъ Альмы) направленію, гдѣ вовсе не было никакихъ укрѣпленій, прибѣгнулъ будто бы къ слѣдующей хитрости. Онъ отправилъ курьера къ Государю съ секретнымъ яко бы донесеніемъ объ Альминскомъ дѣлѣ, и въ тоже время словесно научилъ курьера попасть въ плѣнъ, какъ бы по оплошности, а въ концѣ этой мнимой реляціи было сказано, что онъ, главнокомандующій, считаетъ счастливою случайностью, что Французскій маршалъ Сентъ-Арно идетъ по прямому направленію на Севастополь, такъ какъ съ той стороны городъ обезпеченъ укрѣпленіями, а что онъ опасался-де, какъ бы союзный десантный корпусъ не подошелъ къ городу съ восточной стороны, гдѣ никакихъ оборонительныхъ работъ не было. Курьеръ исполнилъ все приказанное ему, и вотъ почему, будто бы, союзники сдѣлали обходъ на Балаклаву и на восточную сторону Севастополя, гдѣ уже существовали кое-какія укрѣпленія, за усиленіе каковыхъ принялся немедленно Тотлебенъ. Впослѣдствіи разсказывали также, что неисправимый острякъ, князь Александръ Сергѣевичъ, будто говаривалъ, что если бы ему удалось съ успѣхомъ выйти изъ Альминскаго дѣла, ему пожаловали бы, чего добраго, титулъ князя Альминскаго, каковой выходилъ бы по-французски «prince d'Alma» и къ нему не доставало бы лишь прибавленія «вива», чтобы подходить къ театральному герою оперы «Севильскаго Цирульника». Не имѣя въ виду ни здѣсь, ни впослѣдствіи входить въ подробное разсмотрѣніе Крымскихъ нашихъ неудачъ, выскажу лишь мое мнѣніе, что винить князя Меншикова относительно первоначальныхъ его дѣйствій было бы несправедливо: все, чтò возможно было ему предпринять съ его 28-тысячнымъ корпусомъ храбрецовъ противъ 60 тысячъ союзнаго войска, онъ исполнилъ. Отправленная на подводахъ изъ Одессы генераломъ Сакеномъ дивизія не подоспѣла (кажется) ко времени десанта непріятельскихъ войскъ; а генералъ Хомутовъ, спѣшившій съ противуположной стороны въ подмогу Севастополю, былъ еще со своею кавалеріей за Перекопомъ. Всѣмъ извѣстно, что покойный Государь находился тогда подъ вліяніемъ какого-то ослѣпленія и былъ убѣжденъ, что силы, коими располагалъ князь Меншиковъ, были вполнѣ достаточны для отпора немногочисленнаго, какъ предполагалъ Государь, десантнаго корпуса союзниковъ.

Отечественныя бѣдствія не бываютъ помѣхою общественнымъ увеселеніямъ, развѣ въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, когда

личности или интересы мѣстнаго общества могутъ отъ этого пострадать; но такъ какъ ничего подобнаго не тяготѣло надъ Рязанью, то танцовальные вечера шли обыкновеннымъ чередомъ.

Артилерійскіе офицеры, стоявшіе въ Коломнѣ, устроили въ тамошнемъ клубѣ балъ въ день восшествія на престолъ покойнаго Государя, 19 Ноября, на который поѣхали, по ихъ приглашенію, Новосильцовы и Николай Адріяновичъ, при чемъ Меропу Александровну сопровождали два чиновника особыхъ порученій, А. И. Протасьевъ и пишущій эти строки. Если нахожденіе нашихъ двухъ личностей при особѣ ея превосходительства придавало нѣкоторую, такъ-сказать, сановитость ея появленію на Коломенскомъ балѣ, то я съ своей стороны (за юнаго моего коллегу отвѣчать не берусь) чувствовалъ себя разыгрывающимъ хотя не важную, но по крайней мѣрѣ полуофиціальную роль. Директоры бала были полковники Вокаръ и Щебальскій [1]), оба батарейные командиры; они гостепріимно угощали насъ, и я воспользовался случаемъ и на этомъ балѣ, и на возобновленіи его на слѣдующее утро не пощадить артилерійскаго Шампанскаго, такъ что былъ на полувзводѣ, когда, послѣ деннаго бала, Меропа Александровна съ нами, двумя ея тѣлохранителями, отправилась въ каретѣ обратно въ нашу губернскую столицу. Но кромѣ почета, благо было Протасьеву и мнѣ, что наша губернаторша прикрывала насъ своею офиціальною сѣнью. Для Рязанскаго губернатора съ женою и для его превосходительства Дивова квартиры были заготовлены; но намъ, двумъ мелкотравчатымъ чиновникамъ, какъ ни хлопоталъ явившійся становой (при содѣйствіи, помнится мнѣ, мѣстнаго городскаго поліціанта), свободнаго уголка не оказалось ни въ единственной тогда Коломенской гостиницѣ, ни на постоялыхъ дворахъ: все было занято по случаю клубнаго бала, и пришлось бы намъ переночевать подъ сводомъ небеснымъ, если бы Меропа Александровна не упросила одного изъ своихъ бальныхъ кавалеровъ, артилерійскаго поручика г. Львова [2]), сжалиться надъ нами, и онъ дѣйствительно, съ рѣдкою предупредительностью, пріютилъ насъ обоихъ подъ свой смиренный кровъ, оказавшійся щегольски отдѣланнымъ апартаментомъ.

Составъ нашего общества умножился съ осени 1852 года милымъ семействомъ Вишневскихъ. Около того времени или немного позднѣе,

---

[1]) Въ слѣдующемъ за тѣмъ году полковникъ Щебальскій перешелъ въ Московскіе полицеймейстеры и завѣдывалъ Управою Благочинія.

[2]) Поручикъ Львовъ вскорѣ послѣ этого женился на столь же богатой, сколько (по общимъ отзывамъ) некрасивой дѣвицѣ Коломенскаго уѣзда, графинѣ Санти. Онъ первый учредилъ пароходное движеніе по Окѣ.

умеръ въ Вѣнѣ Николай Максимовичъ Княжевичъ, лѣчившійся тамъ отъ рака на языкѣ, и на его мѣсто назначенъ былъ предсѣдателемъ Рязанской Казенной Палаты Николай Гавриловичъ Вишневскій *). Сыновья его были гдѣ-то на службѣ или еще въ учебныхъ заведеніяхъ, а изъ четырехъ его дочерей двѣ выѣзжали въ свѣтъ, а третья, болѣзненнаго сложенія, лѣчилась и не могла участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ. Г-жа Вишневская была высокая и представительной наружности женщина, твердаго нравственнаго достоинства, тихая и съ прекрасными манерами, что̀ сумѣла передать дочерямъ вмѣстѣ съ тщательнымъ образованіемъ. Двѣ старшія вышли замужъ въ Рязани, года два по ихъ туда пріѣздѣ; одна за Евлампія Ивановича Протасьева (брата моего сослуживца Александра Ивановича), а другая за молодаго Казначеева, служившаго тогда въ Казенной Палатѣ, то-есть, подъ начальствомъ своего тестя. Чиновникъ этотъ не имѣлъ никакого почти состоянія, а совершенно обезпечить эту дочь было бы для Н. Г. Вишневскаго слишкомъ затруднительно, какъ обремененному большимъ семействомъ, и влюбленные молодые супруги жили скромно и уединенно, но въ маленькой ихъ квартирѣ все было прилично, и душа отдыхала, глядя на этихъ двухъ голубковъ.

Нерѣдкими посѣтителями Новосильцовыхъ были также Ряжскій предводитель Яблочковъ и его жена Софія Ивановна. Сказать, что эта молодая женщина была хорошенькая собою, еще недостаточно: мало ли бываетъ на свѣтѣ хорошенькихъ, на которыхъ обращаешь вниманіе какъ на картинку или статую? Но отъ Софіи Ивановны вѣяло граціей, женственностію и симпатичностію, чему способствовала непринужденность ея обращенія. И не одними внѣшними атрибутами отличалась она; въ ея характерѣ были солидныя стороны. Когда, по смерти ея мужа (еще не стараго), дѣла его оказались совершенно разстроенными, она посвятила себя на трудовую жизнь и въ настоящее время находится директрисою одного изъ Московскихъ частныхъ учебныхъ женскихъ заведеній. Яблочковы, какъ сосѣди по Ряжскому уѣзду съ с. Алешнею, бывали у княгини Маріи Петровны Волконской, умѣвшей ихъ отличать, что̀ достаточно уже говоритъ въ ихъ пользу.

Кстати о Ряжскѣ. Тамъ былъ въ то время городничимъ раненый воинъ по фамиліи Уланъ-Полянскій, ходившій съ костылемъ въ родѣ тро-

*) Тѣло Н. М. Княжевича было привезено въ Рязань и похоронено въ тамошнемъ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, для чего прибыли изъ Петербурга его братья, Александръ и Владиславъ Максимовичи; первый изъ нихъ былъ впослѣдствіи министромъ финансовъ. Всѣ трое Княжевичи были высокаго роста и очень видные мужчины.

сти. Ему причудилось, что не подобаетъ присвоять себѣ эту подпору безъ высочайшаго на то разрѣшенія, вслѣдствіе чего онъ подалъ прошеніе губернатору объ исходатайствованіи ему этой, будто бы, привилегіи, на подобіе того, какъ требуется (или требовалось) дозволеніе фронтовымъ офицерамъ носить очки. Петръ Петровичъ поспѣшилъ, конечно, удовлетворить его просьбу, и вотъ состоялся неслыханный дотолѣ высочайшій приказъ о соизволеніи Ряжскому городничему носить костыль, или правильнѣе, ходить съ тростью въ офиціальныхъ даже случаяхъ, что̀ и внесено было (кажется) въ его формулярный списокъ въ видѣ полученной имъ награды. Физическую и нравственную противуположность мужу, представляла бойкая и гренадеръ-баба его супружница. Когда Петръ Петровичъ пріѣзжалъ на ревизію въ Ряжскъ, городничиха встрѣчала его у крыльца своего дома (или городническаго правленія) съ бокаломъ Шампанскаго въ рукѣ и заставляла губернатора чокнуться съ нею: пріемъ тяжело отзывавшійся на бѣдномъ Петрѣ Петровичѣ, который не могъ безвредно для слабой головы осушить даже одинъ бокалъ, а тутъ приходилось ему потѣшать назойливую городничиху не въ обыкновенный даже часъ, а на тощакъ, такъ какъ ревизія начиналась утромъ.

Пока я проживалъ у Дивова въ Городищѣ, я могъ свободно отлучаться въ Знаменское и оставаться въ моемъ семействѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; но на службѣ продолжительныя или частыя отлучки были невозможны, а жить въ разлукѣ съ семействомъ немыслимо, и потому рѣшено было, что мое семейство, съ тещею включительно, переѣдетъ на жительство въ Рязань. Дивовскій домъ отданъ въ полное мое распоряженіе. Онъ не совсѣмъ былъ удобенъ для насъ по расположенію комнатъ, и я принялся кое-что измѣнять и добавлять; да и мебели надо было прикупить. Мать моя, узнавъ о переѣздѣ моего семейства въ Рязань, выслала мнѣ около 300 рублей сер. на устройство нашей квартиры.

Въ началѣ Декабря (какъ помнится мнѣ) прибыло мое семейство. Хотя не прошло болѣе семи мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ мою Анночку въ Знаменскомъ, но въ этотъ промежутокъ она выросла, не казалась уже дѣвочкою и значительно похорошѣла и пополнѣла. Ей шелъ 17-ый годъ, и по отзыву постороннихъ лицъ она была «une blonde et belle enfant». Впрочемъ, роскошные ея волосы были не свѣтлаго, а темно-русаго оттѣнка, «chatain». Меня изумило въ ней то, что, со времени послѣдней нашей разлуки, она сдѣлала большіе успѣхи въ Англійскомъ языкѣ (первоначальныя правила коего я преподавалъ ей отрывочно въ непродолжительные мои пріѣзды въ Знамен-

ское) и что она привезла мнѣ свой переводъ одного стихотворенія Байрона на Русскій (или Французскій) языкъ, сдѣланный ею безъ всякаго посторонняго пособія. Нѣмецкій же (мнѣ совершенно незнакомый) она уже давно настолько себѣ усвоила, что читала съ наслажденіемъ Шиллера и Гете. Правда, что читать и писать на этомъ нарѣчіи ее обучала Юлія Ивановна Тридонъ; но Анночка моя не могла заимствовать отъ нея ничего далѣе элементарной подготовки, такъ какъ ея гувернантка не имѣла никакого понятія о Нѣмецкой литературѣ; да и Юлія Ивановна находилась при нашей дочери всего три года съ небольшимъ. Тутъ же она передала мнѣ цѣлую кипу ландшафтныхъ ея этюдовъ, доказывавшихъ подобные какъ и въ лингвистикѣ ея успѣхи. Вообще она никогда не оставалась безъ какого нибудь занятія, а что̀ до чтенія и особенно историческаго, въ коемъ была довольно сильна, оно обратилось у нея въ страсть съ дѣтскаго возраста; надо было силою ее отрывать отъ усидчивыхъ занятій, чтобы заставить ее, моціона ради, пройтись по саду и въ примыкающій къ нему лѣсъ. Угадать, конечно, невозможно, былъ ли бы жребій ея изъ счастливыхъ въ жизни (чему могло быть помѣхою излишнее сочувствіе ко всякой страждущей твари и ея впечатлительность), но вѣрно то, что изъ нея вышла бы замѣчательная женщина. А вѣдь, въ сущности, она была самоучно-начитана и образована!.... Какъ къ рисованію, также пристрастилась она и къ пѣнію. Въ дѣтствѣ у нея былъ не обширный, но вѣрный голосокъ; когда же стала она развиваться въ женскій возрастъ, и голосъ у нея началъ спадать, я воевалъ, чтобы она воздерживалась отъ пѣнія, пока не сформировался настоящій ея голосъ, тембръ коего предвѣщалъ быть меццо-сопрано съ контральтовыми нотами, и вотъ почему я отказывался давать ей уроки въ пѣніи, что̀ огорчало ее. Въ Знаменскомъ она перерыла весь мой оперный Флорентинскій архивъ и почти что самоучкою выучилась себѣ акомпанировать на фортепіано. Первоначальныя правила игры на этомъ инструментѣ ей преподавалъ нашъ О. А. Тридонъ, страстно любившій ее. Но важнѣе этихъ несущественныхъ отличительностей было, что въ ней преобладали религіозное направленіе и зрѣлый не по лѣтамъ умъ. Касательно перваго она съ десяти или одиннадцатилѣтняго возраста перестала по собственной своей волѣ ѣсть скоромное во весь великій постъ, а въ зимніе оба сочельника она ничего не брала въ ротъ до сумерокъ. Катехизическое ученіе она успѣшно усвоила себѣ подъ руководствомъ Таруcкаго священника отца Михаила Февралева, а мать ея внушила ей привычку читать каждое утро вслухъ главу изъ Евангелія, и въ великопостное время ежедневное поученіе изъ извѣстнаго сочиненія Иннокентія на всю Четыредесятницу. А что̀ до прирожденной способности правильно су-

дить о всемъ что̀ она читала, это меня такъ поражало, что я иногда прибѣгалъ къ ея мнѣнію и совѣту.

Понятно теперь, какъ я гордился моимъ дитятей-жемчужиною, когда я ввелъ ее въ первый разъ въ нашъ Рязанскій кружекъ, гдѣ Анна моя, своею скромностію, не лишенной оживленія, свойственнаго шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, сразу привлекла всѣхъ къ себѣ. Новосильцовы и Вишневскіе были въ восхищеніи отъ нея...

Жена, дочь и я часто выѣзжали по вечерамъ, особенно въ театръ. Послѣднее, какъ новость, доставляло особенное удовольствіе нашей Анночкѣ, выросшей въ деревенской глуши. Митя, коему было тогда шесть лѣтъ, оставался подъ присмотромъ своей бабушки, рѣдко выѣзжавшей изъ дому.

Часто гостилъ у своего тестя Новосильцова князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій, пріѣзжавшій на короткое время по своимъ дѣламъ въ Россіи изъ Неаполя, гдѣ поселилась его жена по причинѣ здоровья *). Князь Вяземскій былъ внимательный и хорошій мужъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ выходило кое-когда у него на поверхность театральство, сильно когда-то развитое въ лейбъ-гусарскомъ полку, въ коемъ служилъ князь и въ главѣ коего стоялъ кн. Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ. Вслѣдствіе-ли старой этой привычки, или отъ скуки монотонной жизни губернскаго города, онъ началъ возиться съ актрисами Рязанскаго Нѣмцовскаго театра, далеко собою непривлекательными; вмѣшивался въ ихъ закулисныя исторіи, давалъ имъ совѣты, угощалъ ихъ чаепитіемъ въ своемъ флигелѣ (бывшемъ при домѣ И. А. Колемина, занимаемомъ Новосильцовыми) и сдѣлался авторитетнымъ между ними лицомъ. Въ этой вознѣ ничего безнравственнаго, ни предосудительнаго, а еще менѣе скандальнаго не было, и князь Вяземскій не отличалъ ни одну изъ нихъ, какъ и слѣдовало степенному патрону Мельпоменовыхъ жрицъ; но смѣшно было смотрѣть со стороны на подобное препровожденіе времени. На жаргонѣ театраловъ эти феи-новички прозывались «Миланчиками»; таковыми окрестилъ ихъ князь Николай Сергѣевичъ,

---

*) Не могу удержаться, чтобы не сообщить курьезный разсказъ князя Николая Сергѣевича о гигіенической изобрѣтательности, свойственной однимъ, какъ мнѣ сдается, Итальянцамъ. Мужъ и жена Вяземскіе провели одинъ лѣтній вечеръ на дачѣ у какой-то Неаполитанской титулованной дамы, а такъ какъ въ то время въ Неаполѣ свирѣпствовала холера, хозяйка придумала угощать своихъ гостей вмѣсто прохладительныхъ напитковъ стаканами согрѣтой воды съ распущенными въ ней сахаромъ и гумми-арабикомъ, дѣйствіе чего, по ея понятію, должно было *склеивать кишки* (coller les boyaux) и тѣмъ предупреждать поносъ или рвоту.

хотя ни одна изъ нихъ, какъ бы на зло, не отличалась красотою. Петръ Петровичъ хорошо понималъ всю безвинность этой возни своего зятя, и она даже, помнится мнѣ, забавляла его.

Въ число часто бывавшихъ въ Рязани лицъ я забылъ включить нѣкоего г. Гёнике, обрусѣлаго Нѣмца (кончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ между 1812 и 1820 годами), богатаго капиталиста. Ему принадлежала въ Спасскомъ уѣздѣ зеркальная фабрика, славившаяся въ Москвѣ *). Онъ былъ, какъ видно, хорошій вообще человѣкъ, потому что нескупо снабжалъ деньгами своихъ соотечественниковъ, молодыхъ провизоровъ, желавшихъ открыть аптеки по Великороссійскимъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, каковыхъ оказалось немало. Какъ образованный и денежный человѣкъ, онъ былъ вхожъ у многихъ, въ томъ числѣ и у Новосильцовыхъ. Пожилой, но несовсѣмъ еще старый этотъ холостякъ останавливался постоянно у Рязанскаго аптекаря Зейца, имѣвшаго свой собственный домъ на Астраханской улицѣ, и въ послѣднюю бытность свою въ Рязани (умеръ въ 1854 году), онъ, уѣзжая куда-то ненадолго, просилъ г. Зейца взять на сохраненіе 12 тысячъ рублей ему тогда ненужныхъ, но съ которыми онъ не желалъ пускаться въ дорогу. Когда же вскорѣ послѣ сего онъ внезапно умеръ, г. Зейцъ, справившись, кто и гдѣ были наслѣдники г. Гёнике, извѣстилъ ихъ о находившейся у него суммѣ, каковую онъ считалъ долгомъ передать кому слѣдовало. Никакого на эти деньги документа у наслѣдниковъ не было, и г. Зейцу легко было ихъ присвоить; и хотя его поступокъ дѣлаетъ ему честь, но прискорбно то, что нравственный общественный уровень настолько, повидимому, былъ низокъ, что отрицательная даже добродѣтель (неприсвоиваніе чужой собственности) ставилась въ подвигъ!

Нельзя также обойти молчаніемъ восмидесятилѣтняго врача, какъ обозначали года г-на Гернета коротко знавшіе его люди, феноменально сохранившагося въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Онъ давнымъ давно былъ въ отставкѣ съ пенсіею и бросилъ всю практику кромѣ въ гимназіи, гдѣ его держали годовымъ врачемъ, но не отказывался бывать на консиліумахъ. Особенно любилъ онъ садоводство или правильнѣе, фруктоводство, и выдержка воздушныхъ фруктовыхъ его деревьевъ была, какъ сказывали мнѣ, образцовою. Но особенно замѣчательное, да и наврядъ ли слыханное, было въ немъ то, что въ 1855 году, когда я познакомился съ нимъ, онъ не иначе помнилъ Москву какъ чѣмъ она была въ тотъ годъ, когда онъ былъ въ ней въ

*) По смерти г. Гёнике, зеркальная фабрика перешла къ г. Смольянинову.

послѣдній разъ; а это было въ 1811 году! И, замѣтьте, въ этотъ промежутокъ времени онъ разъ съѣздилъ только на свою родину, въ Курляндію. Когда именно онъ померъ, и видѣлъ-ли онъ наконецъ, послѣ окончательнаго моего выѣзда изъ Рязани въ 1856 году, возобновленную изъ пепелища Москву, не знаю.

Въ концѣ Декабря, г-жа Колчина и я повторили въ домѣ Новосильцовыхъ нашъ дуэтъ па сценѣ изъ оперы «Любовный Напитокъ»; но по какому случаю было это повторенiе, не помню. Какъ въ первый, такъ и во второй разъ, талантливая моя подруга была восхитительна въ кокетной роли Адины, и пѣнiе ея было артистическое. Это было также и финаломъ моихъ дилетантскихъ подвиговъ, какъ опернаго и концертнаго пѣвца. Занятому службою по слѣдственной части исключительно, вплоть до 1862 года мнѣ не предстояло болѣе случаевъ пѣвать; да и голосъ мой въ эти послѣднiя восемь лѣтъ постепенно спадалъ, оставивъ въ мое распоряженiе однѣ лишь низкiя кое-какiя октавныя ноты (въ родѣ протодiаконскихъ), съ коими я однакоже управляюсь по сей день на клиросѣ, по дьячковски.

ПИСЬМА ЯКОВА ИВАНОВИЧА БУЛГАКОВА

изъ Москвы въ Неаполь къ старшему сыну его Александру Яковлевичу [1]).

1805-й годъ.

Москва, 12 Генваря 1805.

Сожалѣю о вашей худой погодѣ, а еще больше о ненасытномъ любопытствѣ къ Везувію. Пора бы, кажется, удовольствоваться и не подвергать себя больше опасностямъ и гибели, отъ которыхъ не умножается ни наше счастіе, ни польза, ни слава. Ежели бы абатовъ камень на тебя упалъ, чтò бы ты выигралъ? Благодарю почтовому дню, который тебя спасъ. Довольно, кажется, для насъ и той бѣды, что мы отъ старости умираемъ, какъ Скавронская. Дай Богъ, чтобы сіе застало еще ее въ живыхъ. Она мнѣ духовная сестра, ибо матушка ея меня крестила. Я думаю въ самомъ дѣлѣ, что вы, и особливо ты, много потеряешь. Въ чужой землѣ великій кладъ имѣть одноземца, къ которому съ довѣренностью можно прибѣгнуть. Княгиня Настасья Васильевна Долгорукова [2]) скончалась; съ нею затворился домъ, единственный въ Москвѣ, въ который стекались ежедневно всѣ пожилыя, а съ ними и молодыя барыни. Князь Василій Васильевичъ, кажется, поѣхалъ уже похоронить ее въ деревнѣ по Смоленской дорогѣ [3]). Онъ, сказываютъ, купилъ для сестры, княжны Ѳедосьи Васильевны [4]), домъ Плещеева въ Басманной.

Бàламъ нѣтъ конца, и не понимаю, какъ могутъ выдерживать. Ежели сіе сумашествіе продолжится всю зиму, то всѣ переколѣютъ, и къ будущей нуженъ рекрутскій наборъ танцовщицъ. Тучковъ, который, однако, все полковникъ, а не генералъ, какъ я, кажется, писалъ по ложнымъ слухамъ, на сихъ дняхъ женится на дочери Нарышкина, племянницѣ Кат. Ал. Пушкиной, бывшей безполезно замужемъ за Ласун-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 3-й и 4-й.

[2]) Вдова, князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго, урожд. Волынская.

[3]) Рузскаго уѣзда, въ селѣ Полуектовѣ, принадлежащемъ нынѣ ея правнуку, князю Дмитрію Николаевичу Долгорукову.

[4]) Это славная впослѣдствіи игуменья Спасо-Бородинскаго монастыря Марія.

скимъ. На сихъ дняхъ какой-то Рахмановъ, фигуры Фастовой, гвардейскій офицеръ, увезъ у бабушки Телепневой внучку и обвѣнчался. Говорятъ, да и вѣрить должно, что богата; ибо увозятъ деньги, а не дѣвку, коихъ такъ много. Припишу нравоученіе, которое вчерась, читая книгу, нашелъ; оно мнѣ сильно полюбилось, ибо истинно: «Il n'y a de durable que la vertu. La beauté du corps passe vite, la fortune inspire de vains désirs, la grandeur fatigue, la réputation est inconstante, le talent et le génie même s'affaiblissent; mais la vertu est toujours belle, toujours égale et toujours forte, parce qu'elle est résignée à tous les évènements, aux privations, comme aux puissances, à la mort, comme à la vie». Все сіе доказалъ бы я многими примѣрами, на моихъ глазахъ случившимися, но надѣюсь, что ты и безъ примѣровъ мнѣ повѣришь. Я черезъ все въ свѣтѣ прошелъ и потому-то и почитаю сіе истиною. Ты также въ томъ увѣришься, ежели большой и мелочные Везувіи допустятъ тебя дожить до моихъ лѣтъ.

*

Москва, 19 Генваря 1805.

Москва, которой нечему печалиться, выдумала, что не только вся Италія на томъ свѣтѣ отъ желтой лихорадки, но что уже появилась оная въ Вильнѣ и, вѣроятно, что чрезъ недѣлю будетъ въ Москвѣ на балахъ. Трудно понять, до чего доходятъ пустословіе и безразсудокъ.— По словамъ Фаста, Татищевъ ѣхалъ сюда къ 6 Декабря, ѣхалъ къ Рождеству, а теперь фамилія его говоритъ, что ѣдетъ уже въ Неаполь. Сіе быть можетъ и правда, ибо канцлеръ здѣсь, но не въ Петербургѣ, и туда совсѣмъ не поѣдетъ; а тамъ, можетъ быть, кто примѣтитъ, что Татищевъ, получая полное жалованье по своему посту, живетъ попусту въ Петербургѣ. Онъ, говорятъ, поѣдетъ чрезъ Москву, и я его увижу.—Слава Богу, что хуже чего не случилось съ тобою! Но сіе тебѣ наука; видно, что кому Богъ не опредѣлилъ быть изжарену въ лавѣ или раздавлену камнемъ, тотъ кончитъ бѣду шляпою; хуже бы было, ежели бы дошло до головы. Фастъ, конечно, волочится, но не знаю за кѣмъ, ибо у меня рѣдко бываетъ, рѣдко бываетъ дома, а по должности не можетъ безвыходно сидѣть, по крайней мѣрѣ меня въ томъ не увѣритъ; щеголяетъ убранствомъ, экипажемъ и пр.; сего не дѣлается безъ волокитства. Госпожи Скотницкой я не знаю, хотя она, кажется, и не изъ фамиліи Тараса Скотинина. Конарскихъ я зналъ, а именно полковника артиллеріи; но они графы только въ Италіи. Размышленіе твое о вашемъ со мною положеніи, о примѣрахъ противнаго въ Неаполѣ для меня пріятно. Исторія о прыгающихъ князькахъ, о ихъ отцахъ и гувернерахъ смѣшна и нравоучительна. Ты видѣлъ или слышалъ о славныхъ часахъ Странкера, которые разыграны въ лотерею въ 60.000 р. Но

знаешь ли, кто ихъ выигралъ? Не я однако, а одна бѣдная вдова церкви Св. Петра, вашего училища, пастора Герольдъ. Теперь она ихъ продаетъ съ аукціона и, вѣроятно, получитъ тысячъ 30. Видно, что человѣкъ добрый, когда Богъ ее такъ щедро наградилъ. Можетъ быть, ты ее знаешь. Карнѣевъ и Лубяновскій при хорошихъ мѣстахъ и въ чести у министра внутреннихъ дѣлъ. Лубяновскій сочинилъ книгу: «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи»; прислалъ ко мнѣ проспектъ и проситъ, чтобы я собралъ подписку. Книгу хвалятъ; онъ описываетъ, и хорошо, все, что видѣлъ и примѣтилъ, ѣздя съ княгинею Лобановой. Аристархъ по сю пору шатается безъ мѣста въ Петербургѣ и, кажется, никогда онаго не сыщетъ; меня проситъ за него вступиться, но еще болѣе проситъ помочь деньгами. Люди до того дошли, что почти все ихъ счастіе зависитъ отъ денегъ; по крайней мѣрѣ, безъ нихъ скучно, трудно и невозможно жить, какъ бы кто ни доволенъ былъ своимъ внутреннимъ состояніемъ, т.-е. непорочною совѣстью, безъ которой, однако, злополучнѣе и несноснѣе еще жить нежели безъ денегъ: сіи когда-нибудь придутъ, а она рѣдко возвратиться можетъ, ежели однажды съ нею разстанешься.

*

Москва, 30 Генваря 1805.

Къ намъ пріѣхалъ новый оберъ - полицмейстеръ Балашовъ, генералъ-маіоръ, бывшій военнымъ губернаторомъ въ Ревелѣ. Вчерась ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитою. Татищевъ точно ѣдетъ въ Неаполь. Князь Ив. Серг. Гагаринъ сказывалъ мнѣ, что канцлеръ Воронцовъ отправлялъ съ нимъ назначеннаго туда дворяниномъ посольства сына его князя Сергія; но онъ отвѣчалъ, что никогда того не сдѣлаетъ, и князь Сергій скоро ѣдетъ въ Петербургъ. Князь Чарторижской и товарищъ министра морскихъ силъ Чичаговъ сдѣланы сенаторами. Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ посаженъ въ Совѣтъ. Всѣ министры, кромѣ канцлера, выходили произвожденіе своимъ подчиненнымъ, а вашъ о томъ не подумалъ, или не хотѣлъ думать.

*

Москва, 6 Февраля 1805.

Мнѣніе твое о Ванѣ *) разсудительно. Онъ теперь въ Петербургѣ, и вѣроятно что поѣдетъ въ Китай, куда отправляется посольство. Посломъ назначенъ оберъ-церемоніймейстеръ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, женатый на дочери Льва Александр. Нарышкина. Прочія обстоятельства мнѣ неизвѣстны, развѣ братъ привезетъ. Въ 20 или 30 лѣтъ и я бы поѣхалъ, но теперь поздно, а вояжъ наилюбопытнѣй-

*) О графѣ И. А. Мусинѣ-Пушкинѣ.

шій въ свѣтѣ. Сожалѣю о потерѣ графини Скавронской, сколь она ни стара была. Теперь никого здѣсь нѣтъ, чрезъ кого бы я могъ гр. Литтѣ сдѣлать внушеніе о людяхъ; а съ нею, какъ почти и со всѣми, кончилъ я переписку ни къ чему не ведущую. Благодарю тебя за довѣренность о волокитствѣ; но думаю, что легче привязаться нежели отвязаться отъ Итальянки: тутъ нужна осторожность. Женщина оставленная ничего не щадитъ и ничего не прощаетъ; а у васъ лазарони за червонецъ готовъ сбыть съ рукъ и своего родного брата. И то правда, что состояніе холостого есть наиприятнѣйшее; но нужно, чтобы не всѣ то знали, ибо инаково родъ человѣческій переведется, или останутся одни только лазарони; а и безъ того уже много пропадаетъ людей отъ войны, отъ моря, отъ язвы, отъ желтой лихорадки. Не зная нрава твоей дульцинеи, не умѣю написать и отвѣта на сдѣланный ею вопросъ; но могу тебя увѣрить, что здѣшнія красавицы ни одна отъ того не зачахнетъ, а замужъ идутъ скоро.

*

Москва, 13 Февраля 1805.

8-го сего мѣсяца былъ я обрадованъ пріѣздомъ твоего брата, который отпущенъ на два мѣсяца и можетъ со мною прожить до 25 Марта. Теперь остается мнѣ желать, чтобы и ты когда-нибудь пріѣхалъ, но не зимою, а лѣтомъ. О семъ надобно подумать, но не прежде, какъ прибудетъ къ вамъ Татищевъ, котораго сюда ежедневно ожидаютъ. Въ Сенатѣ прибавлено два новые департамента для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ. Вышелъ указъ о Жидахъ, какъ ихъ трактовать. Графъ Панинъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. Я задумалъ къ дому пристроить столовую на пустомъ мѣстѣ, между воротъ и стѣною, и уже матеріалы возятъ. Лѣтомъ строеніе кончится.

*

Москва, 13 Марта 1805.

Нѣсколько разъ видѣлся я съ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, который самъ о тебѣ неоднократно отзывался, хваля, и очень много, все то, что̀ ты писалъ во время болѣзни Карпова. Но сіе да не возгордитъ тебя. Обѣщался мнѣ о васъ обоихъ писать къ князю Чарторижскому. Татищевъ здѣсь, сбираясь всякой день отъѣхать въ Вѣну, откуда въ Маѣ отправится на кораблѣ въ Неаполь. Я тебя ему рекомендовалъ; онъ тоже повторилъ о тебѣ, что̀ и канцлеръ, обѣщалъ не оставить, обѣщалъ отправить тебя куріеромъ въ Петербургъ или въ Вѣну; оттуда чаще случаи въ Петербургъ. Итакъ, я надѣюсь и тебя обнять здѣсь, можетъ быть, еще въ наступающее лѣто. Съ нимъ ѣдутъ двое; но канцлеръ меня увѣрялъ, что изъ нихъ одинъ, Полетика, поваж-

нѣе, а другой моложе тебя знаніемъ. Я съ нимъ переговорилъ о всемъ, что̀ только можетъ касаться до вашего будущаго блага. Увидимъ, сдѣлаютъ ли что̀ въ Петербургѣ. Сверхъ Нѣмецкаго театра, который поселился подлѣ меня у Демидова, всякой день концерты, панорамы, кабинеты куколъ и пр. Ма̀ра уже здѣсь пѣла, но я не слыхалъ за худою дорогой. На саняхъ уже нельзя ѣздить, и улицы колятъ.

*

Москва, 30 Марта 1805.

Боюсь, читая газеты, не постигло ли тебя какое несчастіе во время бурь и наводненій, въ кои, говорятъ, погибло у васъ съ 800 человѣкъ. Газетамъ никогда я не вѣрилъ и вѣрить нельзя; но мое къ тебѣ чувствованіе нѣсколько тревожится. Ежели ты боленъ, пострадалъ и помочь нельзя, то жду однакоже съ нетерпѣливостію о тебѣ извѣстія. Вчерась отпустилъ я брата въ Петербургъ, и поплакали. Просилъ, кого могъ, объ васъ. И мнѣ хочется, чтобы ты перешелъ въ Вѣну; въ Неаполѣ ожидать добра не можно. Сколько тебя ни хвалили за отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ, можетъ быть, сіе на словахъ и кончится; но тебѣ дѣлаетъ великую честь и служитъ лѣстницею для будущаго. Не огорчайся, ежели ничего не сдѣлаютъ: заслуга никогда не пропадетъ, и тѣ, кои жалуются, сами виноваты, ибо думаютъ, что за десять должно ихъ награждать въ сотеро. Чему быть, того не миновать. Вѣрь мнѣ, что твое не пропадетъ; но, будучи молодъ и слѣдовательно горячъ и нетерпѣливъ, терпи и ожидай. По желанію твоему отправилъ я къ тебѣ съ братомъ не полотна, но все готовое, а именно: 12 рубашекъ Голандскихъ верхнихъ, 6 рубашекъ ночныхъ, 5 простынь, 6 наволочекъ, 7 полотенцовъ, чулковъ 6 паръ № 60, чулковъ 12 паръ № 64, чулковъ 3 пары № 65. Сего тебѣ на долго станетъ. Впрочемъ надѣюсь, что въ письмахъ, дошедшихъ до тебя послѣ отъѣзда брата изъ Вѣны, ты уже получилъ вексель на 500 р. за твои прекрасные виды; а брату я еще далъ 500 р. для пересылки къ тебѣ, дабы васъ сравнить, ибо ему здѣсь нѣчто досталось больше тебя. Желаю я тебя избавить отъ Неаполя, гдѣ нечего тебѣ лучшаго ожидать; а я старъ, дряхлъ и хотѣлъ бы имѣть при себѣ котораго нибудь изъ васъ даже и для вашей пользы. Глаза мои, кои мнѣ столь вѣрно служили 60 лѣтъ безъ очковъ, начинаютъ худо видѣть, рука ослабѣла, голова также ненадежна. Какъ же мнѣ не желать имѣть при себѣ человѣка, на котораго положиться могу? А гдѣ его найти кромѣ одного изъ васъ?

*

Москва, 6 Апрѣля 1805.

Васильчиковъ столь нерадиво исполнилъ порученіе брата, что мой пакетъ къ нему возвратилъ сюда вмѣсто того, чтобы къ тебѣ послать; а можетъ быть и твой также къ тебѣ назадъ отправилъ. Братъ съ княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ долженъ быть въ Петербургѣ 2-го сего мѣсяца; ожидаю отъ него съ будущею почтою извѣстія. Просилъ, кого могъ, чтобы тамъ его не задержали. Долго тебѣ быть въ Неаполѣ не авантажно, а при новомъ командирѣ, можетъ быть, будетъ и не такъ хорошо. По сей причинѣ лучше бы перейти въ Вѣну или въ другое какое мѣсто, о чемъ я и посла предупредилъ, ибо безъ его соизволенія учинить того нельзя; а Татищева просилъ отправить тебя курьеромъ ежели не въ Петербургъ, то хотя въ Вѣну, что онъ и обѣщалъ. Изъ Петербурга отпросись сюда мѣсяца на два, какъ сдѣлалъ братъ, ежели не отпустятъ на большее время. Поживемъ вмѣстѣ, а мнѣ ѣхать въ Вѣну трудно: я начинаю быть старъ, дряхлъ и часто боленъ. Въ дорогѣ, которыя у васъ не совсѣмъ чисты, нужно брать всѣ предосторожности, чтобы до Вѣны проѣхать цѣлу. Сіе все говорится въ запасъ; но ты такъ далеко, что заранѣе лучше все сказать.

*

Москва, 1 Мая 1805.

У насъ, слава Богу, начались дни хорошіе; уже пятый день можно работать въ саду, и я почти изъ него не выхожу: чищу, сажаю цвѣты и огородныя зелья; а когда сіе кончится, примусь за приведеніе въ порядокъ библіотеки. Сегодня у насъ гулянье на Нѣмецкихъ станахъ. У Надежды Алексѣевны Баженовой были двѣ племянницы, кои послѣ васъ уже пріѣхали изъ Петербурга, по фамиліи Козловы; ихъ одинъ братъ въ Цареградѣ, а другой въ Копенгагенѣ. Одна изъ нихъ вышла за коллежскаго вашего ассесора Лопова и поѣхала въ Петербургъ; другая—за архивскаго коммисара Почайнова, на сихъ дняхъ, и вчерась молодые у меня обѣдали. Сверхъ свадьбы Тучкова на Нарышкиной и множества другихъ была свадьба Соловаго кривоногаго съ дочерью Алекс. Иван. Левашова. Но не урѣжаютъ также и похороны: третьяго дни умеръ послѣ короткой болѣзни Петръ Володимеровичъ Лопухинъ. Сіе преисполняетъ горести бѣднаго Тургенева, которому стало, было, легче. Сынъ его Александръ живетъ еще въ Петербургѣ, ожидая ежедневно указа о переведеніи его въ команду Новосильцова и о чинѣ.

*

Москва, 25 Мая 1805.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ кн. Чарторижскаго, съ котораго прилагаю копію. Я началъ пристройку въ домѣ, которая будетъ хороша, даже и потому, чтобы послѣ меня никто его и не нанялъ бы безъ столовой; а теперь все будетъ въ порядкѣ. Въ Нескучномъ, у Калужскихъ воротъ, товарищъ Гарнереня Александръ спустилъ шаръ, а поднявшись очень высоко, отрѣзалъ веревку и спустился благополучно на Дѣвичьемъ полѣ, но попалъ въ прудъ. Все сіе было хорошо, удачно и прекрасно. Подлѣ меня, въ саду Демидова, Нѣмецкій актеръ (безподобный), играющій на его театрѣ, даетъ гулянье, иллюминацію, фейерверкъ и балъ по Воскресеньямъ. Фасть плаваетъ въ удовольствіяхъ, какъ по маслу; но какъ у меня ихъ нѣтъ, то я рѣдко его вижу. Влюббенъ по уши и ежели одурачится, то будетъ по колѣни въ грязи отъ слезъ. Въ Петербургѣ умеръ горячкою Ст. Ал. Колычевъ, который былъ вице-канцлеромъ, посломъ въ Вѣнѣ и назначался, сказываютъ, посломъ въ Англію. Князь Сергѣй Гагаринъ къ вамъ не поѣдетъ; онъ сдѣланъ директоромъ училища строенія кораблей при Адмиралтействѣ въ Петербургѣ. У Ивана Ивановича Демидова дочь ушла было съ какимъ-то учителемъ Французомъ; но перехватили письмо и, открывъ намѣреніе, не допустили до исполненія; впрочемъ обстоятельствъ я не знаю еще. У князя Трубецкаго, мѣнялы, умерла жена въ родахъ, Француженка, жившая при васъ у князя Масальскаго.

*

Письмо князя Чарторижскаго къ Я. И. Булгакову.

Копія.

S-t Pétersbourg, ce 12 May 1805.

La lettre que v. e. m'a fait parvenir lors du retour de Moscou de son fils, m'a été exactement remise par lui-même, et conformement à ses voeux il a été réexpédié quelque temps après à son poste. Il m'a été très agréable d'avoir pu avant son départ faire quelque chose de conforme au désir que votre excellence m'a exprimé dans sa lettre, le témoignage favorable que m-r l'ambassadeur comte de Razoumowsky donne au zèle et à la conduite de votre fils, m'ayant fourni le moyen de lui obtenir des appointements annuels de 600 r. et, pour ne pas décourager son frère aîné à Naples, au sujet duquel m-r de Karpow s'est expliqué à diverses reprises de la manière la plus avantageuse, il lui a été ajouté aux 400 r. qu'il reçoit, encore 200 r. En vous en informant, monsieur, je vous prie d'être persuadé, que je m'empresse-

rai dans toutes les occasions de vous donner des preuves réitérées des sentiments de la considération la plus distinguée avec laquelle etc. [1]).

*

Москва, 1 Іюня 1805.

Я получилъ обѣщаніе отъ канцлера и отъ Татищева увидѣть тебя здѣсь. Послѣдній хотѣлъ отправить тебя первымъ курьеромъ хотя до Вѣны; а тамъ братъ постарается, чтобы перваго тебя послали на Русь. Въ Петербургѣ ты выпросишься ко мнѣ на два мѣсяца. Болѣе, кажется, не нужно, ибо здѣсь избалуешься; да, кажется, безъ вычета жалованья и не отпустятъ; но сіе—самая бездѣлица. Братъ тебя наставитъ всему что̀ тебѣ въ Петербургѣ исполнить должно; ибо отъ меня все было ему предписано, а вы оба въ одномъ положеніи. Ежели бы на дорогу въ Москву не было у тебя денегъ, попроси у Ивана Алексѣевича [2]). Признаюсь тебѣ, что лучше бы желалъ тебя имѣть здѣсь лѣтомъ; но сіе, кажется, уже невозможно, ибо лѣто кончится у насъ съ Августомъ. Воля Божія! Восклицанія твои меня насмѣшили, равно какъ и княгиню [3]). Una donna non é moi abandonnata, не только въ Италіи, но и вездѣ; но не вездѣ онѣ въ томъ признаются, какъ твоя Итальянка. Passe pour l'amitié! Когда она для тебя добра, то я почитаю ее за героиню, достойную всякаго блага и даже поэмы Гомеровой, хотя и нѣтъ теперь Гомеровъ. Ты можешь ей сказать что̀ хочешь отъ меня. Не зная ея характера, мудрено и сказать ей что̀ пріятнаго, а для того и пишу сіе по-русски. Пиши ко мнѣ всякій вздоръ, но пиши только правду: я очень буду доволенъ. Правду говоришь, что пустыя переписки въ тягость, и я самъ радъ, что Пушкина не отвѣчала. У нихъ все больно, и затѣмъ еще въ деревню не поѣхали. У Хованскихъ все въ запутанности. Розины не играли. Купили домъ, отдѣлываютъ, въ деревню не ѣдутъ.—Банкиры дерутъ немилосердно. Я положилъ пересылать самъ векселя въ Вѣну; брату на то̀ далъ 2000 р., изъ коихъ онъ, какъ пишетъ, половину къ тебѣ отправляетъ. Къ нему сегодня пошлю я разсчетъ, что̀ вы отъ меня получать можете помѣсячно. Тебѣ прибавлено жалованье, а ему дано равное съ тобою. Я же поставляю васъ на равные вѣсы. Ежели у меня будетъ больше (чего, кажется, не откуда ожидать), то будетъ больше и у васъ; а между тѣмъ будьте скромны въ расходахъ и ради Бога долговъ не дѣлайте. Ежели бы на мнѣ оныхъ

---

[1]) Эти любезности князя Адама, который тогда управлялъ у насъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, объясняются, кромѣ личныхъ достоинствъ обоихъ братьевъ Булгаковыхъ, и знакомствомъ его съ ихъ отцомъ: князь Чарторижскій близко долженъ былъ знать Якова Ивановича, бывая у своего родителя въ Вильнѣ, князя Н. В. Репнина.

[2]) Сенатора Алексѣева.

[3]) Голицыну, племянницу Я. И. Булгакова.

не было, было бы и мнѣ спокойнѣе, и вамъ лучше. Надобно по одежкѣ ножки протягать, инаково можно ихъ отморозить.—Вчерась обѣдалъ у новобрачнаго Тучкова съ Беклешовымъ и пр. Онъ хочетъ перейти въ армію и въ полкъ, стоящій въ Вильнѣ.

*

Москва, 5 Іюня 1805.

Сколько ни желаю я тебя обнять, но недурно бы нѣсколько пожить съ Татищевымъ, дабы онъ къ тебѣ привыкъ и ты его узналъ. Домъ мой начали уже крыть желѣзомъ, и кажется, что успѣемъ его окончить совсѣмъ, т.-е. и убрать, до Сентября. Удивительно, что Беккеръ не знаетъ по-русски; пора бы научиться; а я тебя похваляю, что ты исполнилъ его просьбу. И ему и Жамесу при случаѣ кланяйся. Катакомбы по-русски называются пещерами; мы имѣемъ ихъ въ Кіевѣ. Римскія служили первымъ христіанамъ для отправленія службъ, а Неаполитанскія, вѣроятно, для кладбища или жилья и спасенія во время непріятельскихъ нападеній, кои столь часто случались въ семъ несчастномъ королевствѣ. Похваляю твою скромность по случаю отзыва о тебѣ канцлера Воронцова. Ему, кажется, не было нужды мнѣ льстить, и онъ неоднократно сіе повторялъ и увѣрялъ, что Татищеву тебя сильно рекомендовалъ. Аршеневскій съ Татищевымъ не поѣхалъ, а не знаю кто-то другой; Полетику*) же канцлеръ мнѣ хвалилъ. Всѣ разъѣхались по деревнямъ, кромѣ Пушкиныхъ, у коихъ почти всѣ дѣти больны, и кромѣ Хованскихъ, кои живутъ здѣсь, ибо отстраиваютъ домъ, купленный у Остолыпина на Знаменкѣ; хотятъ найтить гдѣ-нибудь загородный подъ Москвою, но все не нанимается. Поздравляю, что Везувій успокоился, а ты остался цѣлъ. Впрочемъ, пуганая ворона и куста боится. Счастливъ, что не болѣе шляпы любопытство стоило. Почто Богъ къ вамъ Лассія занесъ? Приключеніе Щербатова всѣмъ странно. Я боюсь, чтобы не было приказано Татищеву выѣхать изъ Неаполя. Глупый отвѣтъ, о коемъ братъ ко мнѣ пишетъ, то заслуживаетъ. Одна почти Россія охраняла ихъ отъ всѣхъ бѣдъ; а они, вмѣсто благодарности, такую грубость и непристойность сдѣлали. Вотъ чему люди бываютъ подвержены! Брату далъ я комиссію негоцировать у Демидова или у нея о землѣ, принадлежащей къ моему саду; жаль, ежели онъ опоздаетъ ее тебѣ передать, ибо Демидовы у васъ. Описаніе чуда св. Януарія не такъ громко, какъ Везувій, но смѣшно. Я читалъ его у Пушкиныхъ; всѣ хохотали. Отвѣтъ твой Французу о музыкѣ въ церкви прекрасный; но полно, ты ли его выдумалъ? Впрочемъ, благодарю тебя за

*) Петръ Ивановичъ Полетика (1778—1849), впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Сѣверной Америкѣ. Его Воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ" 1885, III, 305.

всѣ твои разсказы: они и меня, и нашихъ пріятелей веселятъ. Пушкина опять сбирается вступить съ тобою въ переписку; но не бойся: сія туча такъ же пройдетъ, какъ и прежнія. Ждутъ изъ Подоліи княгиню Трубецкую, вдову послѣ сына князя Николая Никитича, и съ нею поѣдутъ въ Костромскую губернію, а изъ Петербурга графа Васильева, который отпущенъ на три мѣсяца, и также поѣдетъ въ деревню за Троицею.

*

Москва, 19 Іюня 1805.

2-го Мая было производство выслужившимъ законное время въ чинахъ, а именно: въ статскіе совѣтники 95 человѣкъ, а въ коллежскіе 61. Изъ знакомыхъ нашихъ въ числѣ первыхъ нашелъ я Алекс. Ѳед. Малиновскаго, Александра Пинія, Убрія, Виленскихъ: Нечаева и Махвица; а въ числѣ вторыхъ: Христіана Менша, вѣдомства водяныхъ комуникацій, но невѣренъ: городничій ли то Виленскій, который былъ уже совѣтникомъ въ Гроднѣ, или какой другой. Полицмейстеръ Ивашкинъ женился на богатой Шереметевой*), которая развелась съ мужемъ Ѳедоромъ Александровичемъ, а сей прострѣлилъ себѣ глазъ на охотѣ; по сему анекдоту, можетъ быть, и ты его узнаешь: онъ братъ Якову Александровичу, у котораго домъ на Никитской я торговалъ. Въ Субботу, 10-го, обѣдалъ я у князя Сергѣя Ивановича; княгиня меня проводила; а лишь успѣлъ я пріѣхать домой, скачетъ лакей съ извѣстіемъ, что она благополучно родила сына Сергѣя. Слава Богу, ибо была долго и очень грузна, а еще все ходила, и даже долго были мы въ саду. A propos: мать Зиновьева умилостивилась, позволила имъ сдѣлать палатку и пользоваться ея садомъ, который очень великъ, но запущенъ. 11-го ректоръ Чеботаревъ привезъ ко мнѣ дипломъ: «Императорскій Московскій Университетъ, уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, признаетъ чрезъ сіе достойнѣйшаго мужа Якова Ивановича Булгакова, дѣйств. т. совѣтн. и разныхъ орденовъ кавалера, почетнымъ своимъ членомъ». А какъ было Воскресенье, то онъ у меня и обѣдалъ; также Гильфердингъ, Біанки, Бечи, попъ Качинскій, Фастъ, Никласъ. 13-го обѣдали у меня Хованскіе и Нарышкины въ саду; послѣ были на Нѣмецкой операѣ «Волшебная Цитра», на театрѣ Демидова, который нанялъ на годъ одинъ entrepreneur Steinberg, предивный актеръ; а теперь къ нему еще двое подъѣхали, также хорошіе. Послѣ спектакля Хованскіе ужинали у меня въ саду, рѣзвились. Фастова музыка играла.

---

*) Екатерина Сергѣевна, урожд. Власова.

Москва, 26 Іюня 1805.

Желаю, чтобы и вездѣ бури кораблей не топили, рѣки мостовъ не прорывали, каменья съ неба не падали и изъ горъ на воздухъ не поднимались; но что ни говори, чего ни желай, все идетъ своимъ чередомъ и для насъ не перемѣнится; отъ насъ иногда только то зависитъ, что мы себя въ движеніе привести можемъ, а отъ сей свободности движиться и ожидаю я, что ты себя приведешь скоро въ движеніе, и я тебя въ Москвѣ обойму. Можетъ быть, сіе уже теперь и исполняется, а по меньшей мѣрѣ то, что сіе письмо не пойдетъ въ Неаполь, а найдетъ тебя уже въ Вѣнѣ. Меня утѣшаетъ то, что ты разсудителенъ: съ терпѣніемъ до всего дойдешь, а нетерпѣніемъ и сущее потеряешь. Надѣюсь, что бѣлье дошло до тебя въ цѣлости. Умѣй только беречь свое, на людей не полагайся: ничего не оставятъ, смотри самъ, и даже совѣтую за своимъ замкомъ держать; по крайней мѣрѣ они, а особливо наемные, не станутъ его носить наравнѣ съ тобою. Я всю мою жизнь самъ такъ поступалъ и имѣлъ причину быть доволенъ. Съ пріѣзда въ Москву думалъ на старости сіе бремя съ себя сложить: ничего не осталось, часто кромѣ дыръ ничего не подаютъ, теряютъ, и никогда конца не сыщешь. Отъ пристройки явилась новая горница, которую должно убрать картинами или эстампами. Что касается до будущаго нашего быта, увидимъ по пріѣздѣ, что можно будетъ сдѣлать. Я становлюсь старъ, дряхлъ, брюзгливъ и пр., все меня оставляетъ: волосы, зубы, да даже и глаза. Ежели бы ты меня встрѣтилъ не въ Москвѣ, можетъ быть бы совсѣмъ не узналъ. Долго я держался, но въ послѣдніе три года сильно ослабѣлъ. Всему есть конецъ, мѣра и предѣлы; вѣчно жить нельзя, да и что за радость? Современники извелись, новыхъ друзей на старости никто не наживаетъ, ибо старику новаго знакомаго прельстить нечѣмъ, а въ обществѣ нужны забавные люди и пр. Муравская опять писала и хочетъ пріѣхать на Іюль и Августъ. Я ей все уладилъ; но въ Москвѣ почти никого нѣтъ, и она останется въ накладѣ.

*

Москва 3 Іюля 1805.

30-го Іюня была моя свадьба, да какая еще! Золотая. Ты сего не отгадаешь, и нужно тебѣ сіе объяснить. Университетъ праздновалъ свой юбилей, т. е. 50-й годъ отъ своего основанія. Когда онъ былъ учрежденъ, я былъ вписанъ самымъ первымъ и находился при церемоніи его открытія, а теперь такъ случилось, что кромѣ меня никого не было при торжествѣ. Множество рѣчей, музыка прекрасная, угощеніе и пр. Будущаго юбилея никто, кажется, изъ насъ, т. е. бывшихъ на торжествѣ, уже не дождется, исключая учениковъ.

У Ивана Петровича Салтыкова былъ параличъ; но, сказываютъ, оправляется. На сихъ дняхъ прiѣхали изъ Орла Самаринъ и она, и отправились на всегдашнее житье въ Брыково, куда и меня звали. Дочь ихъ Анна Петровна также туда изъ Петербурга ѣдетъ, а съ нею и наша Анна Петровна[1]) съ Николашею, какъ пишетъ; но послѣднему я немного вѣрю: дѣла своего не кончила и, кажется, не кончитъ.

Княжна Наталья [2]) прислала мнѣ письмецо: vous avez fait plus de cas de mes talents qu'ils ne le méritent. Recevez donc ma lire. Сiя лира состоитъ въ прекрасной бронзовой штучкѣ величиною въ ладонь, представляющей лиру и служащей крючкомъ для вѣшанiя часовъ. Я часто съ ними видаюсь, и всегда объ васъ говоримъ. Поѣдутъ въ деревню въ Рузу къ 26 Августа праздновать имянины. Меня сильно зовутъ; ежели бы ты подоспѣлъ, хорошо бы было.

*

Москва, 20 Iюля 1805.

Combette есть Швейцарецъ, женился здѣсь на Швейцаркѣ, поѣхалъ въ Швейцарiю, но оттуда воротился сюда въ Сентябрѣ. И такъ присланное отъ тебя письмо Гагарина пролежитъ у меня до его прiѣзда. На сихъ дняхъ по долгой болѣзни умеръ князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ. Прiѣхали сюда Дмитрiй Прокофьевичъ Трощинскiй и графъ Головкинъ. Первый отпущенъ въ деревню на два мѣсяца, но прiѣхалъ сюда больной и лежитъ въ постели. Меня однако къ себѣ пустилъ; выѣдетъ, сколь скоро будетъ полегче ногамъ, кои у него распухли; а назадъ проѣдетъ изъ Кiева прямо въ Петербургъ и уже не чрезъ Москву. Графъ Головкинъ отправляется на сихъ дняхъ въ Китай. Свита его состоитъ въ 70-ти человѣкахъ, разумѣется, офицерскихъ чиновъ, коимъ данъ особый мундиръ; но женщинъ не велѣно съ собою брать, почему и жена его здѣсь остается. Вчерась неожиданно явился у меня Мартыновъ [3]), съ нимъ же ѣдущiй. Ему дано по 3000 р. на годъ отъ Государя, да посолъ отъ себя даетъ по 1000. Онъ увѣряетъ, что оныя 3000 р. превратятся для него въ вѣчную пенсiю и дастся ему мѣсто въ Академiи. Желаю, но не вѣрю. Катерина Любимовна пишетъ съ нимъ отъ 5-го, что ты ей обѣщаешь прiѣхать въ Петербургъ, что у нея будешь жить, что Ал. Вас. Приклонскiй ѣдетъ сюда. Въ самомъ дѣлѣ сестрица его ждетъ, а сама на сихъ дняхъ

---

[1]) Колтовская, родственница Я. И. Булгакова, по кончинѣ его предъявившая права на его наслѣдство.

[2]) Хованская, впослѣдствiи супруга А. Я. Булгакова.

[3]) Въ 4-мъ выпускѣ Р. Архива сего года (стр. 523) онъ, по ошибкѣ, названъ двоюроднымъ братомъ молодыхъ Булгаковыхъ. Онъ былъ супругомъ ихъ тетки, ур. Имберъ.

ѣдетъ въ деревню, дабы тамъ окончить раздѣлъ.—У Архарова въ деревнѣ былъ праздникъ великолѣпный, т. е. ея рожденіе; оный заслуживаетъ быть описанъ. Я къ нимъ поѣхалъ 11-го. Село ихъ прекрасное, лежитъ на Москвѣ-рѣкѣ, близъ Звенигорода, въ 37 верстахъ отсюда. 12-го обѣдня, пѣвчіе свои прекрасные, по обѣднѣ въ домѣ хоръ, сочиненный нашимъ попомъ Качинскимъ, обѣдъ на сто человѣкъ. Фамилія Аполлона Андреевича Волкова, князя Якова Александровича Голицына, Корсаковы, Обрѣсковы, Самаринъ, множество молодежи обоего пола; по обѣдѣ карты; ввечеру Русская комедія «Честное слово», преславно игранная дочерьми и пр.; по театрѣ пошли въ садъ, прелестно илюминованный; на дорогѣ стоитъ избушка на курьей ножкѣ. Я сказалъ: избушка, стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ; избушка повернулась и пошла передъ нами, водила по всему саду, привела къ роговой музыкѣ и пропала. Тутъ появилась вѣтреная мельница, которая повела насъ далѣе, привела къ мѣсту, гдѣ пѣлъ хоръ пѣвцовъ преславно; сказавъ, что ей водить болѣе недосугъ, а пора хлѣбъ молоть къ ужину, насъ оставила. Пошли мы къ бесѣдкѣ на прудѣ. Тутъ представился пустынникъ преогромной фигуры, съ превеликою сѣдою бородой, ведомый подъ руки. Сей подалъ стихи хозяйкѣ и сказалъ, что онъ поднялся нарочно изъ пещеры, дабы ее поздравить. Это былъ Николай Петровичъ Архаровъ. Засѣли мы въ бесѣдкѣ; на прудѣ разъѣзжали шлюпки, пѣсенники, острова и берега прелестно илюминованы. Тутъ начали появляться разныя маски, и прекрасныя. Сіе продолжалось до полуночи. Пошли ужинать на пяти столахъ, разставленныхъ по аллеямъ. Послѣ ужина отправились въ домъ, гдѣ всѣ и все танцовало, даже сама хозяйка пропрыгала цѣлый Ecossaise. Я ушелъ, какъ уже стало свѣтло. 13-го собрались, обѣдали, карты; хозяинъ съ нѣсколькими гостями, какъ-то Самаринымъ и пр. поѣхали съ собаками. Молодежь забавлялась качелями, каруселемъ, горѣлками и пр. На лугу комедія La Glaneuse, дѣтьми преизрядно играная; вышли на дворъ; опять игры полевыя, бѣганье и пр. Съ ночью пошли въ домъ; балъ, всякія пляски: Цыганскія, Русскія и пр.; ужинъ: опять балъ со многими странными масками. Какъ начало свѣтать, многіе пустились въ дорогу, не спавши, какъ и я съ княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ. Въ городъ мы пріѣхали въ 8 часовъ.—15-го ѣздилъ къ Трощинскому; обѣдалъ у князя Сергѣя Ивановича; княгиня въ первый разъ выѣхала; а сегодня въ Воскресенье будетъ у меня обѣдать въ саду. Признаюсь, что лучше праздника я не видывалъ. Двои сутки безпрерывно увеселенія лились какъ рѣкою безъ всякаго, кажется, пріуготовленія и безъ малѣйшаго принужденія. Всякій дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, а все шло порядочно, и за полчаса никто не зналъ, что̀

будетъ. Все такъ было хорошо, что ежели бы вздумали повторить, конечно уже такъ не удастся. Жаль, что ты не подоспѣлъ.

Контора Тамеса и Пономарева обанкрутѣла. По сю пору неизвѣстна еще сумма; но, судя по тѣмъ, кои уже предъявились и по ихъ остаткамъ, достается только по пяти на сто. Главные заимодавцы графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, графъ Алексѣй Семеновичъ Пушкинъ, князь Юрій Володимеровичъ Долгоруковъ, Павелъ Петровичъ Нарышкинъ; прочихъ не упомню, а мелкихъ и не знаю; но сказываютъ, у сихъ однихъ доходитъ до милліона. Сія язва пойдетъ и далѣе. Говорятъ, что Тамесъ въ Лондонѣ промоталъ тысячъ полтораста, а Пономаревъ здѣсь столько же проигралъ.

*

Москва, 31 Іюля 1805.

Иванъ Володимеровичъ Лопухинъ уволенъ отъ Крымской коммиссіи, которая поручена тамошнему губернатору; онъ уже въ дорогѣ и останется здѣсь по прежнему въ Сенатѣ. Графиня Катерина Алекс. Пушкина съ тремя дочерьми поѣхала въ Кіевъ, сынъ Александръ съ аббатомъ отправился въ Ярославль къ отцу, а маленькія дѣти остались здѣсь. Она проѣздитъ мѣсяцъ. Ивана Петровича Архарова дочь сговорена за одного Кокушкина [1]), отставного маіора, довольно зажиточнаго. Ей Николай Петровичъ, дядя, даетъ проценты съ 50 тыс. р., т. е. по пяти тысячъ рублей на годъ въ приданое. Москва выдаетъ и другую дочь Марью за сенатскаго оберъ-прокурора Молчанова [2]); но они въ томъ не признаются, а чуть не правда-ли? Купеческая дочь Бородина вышла за какого-то князя Касаткина. Она одна у отца, а отецъ имѣетъ денегъ больше милліона.

*

Москва, 10 Августа 1805.

Весьма радъ, что Дмитрій Павловичъ [3]) обошелся съ тобою хорошо. Старайся ему угождать и снискать его къ себѣ уваженіе. Конечно и я того мнѣнія, что при немъ тебѣ нужно побыть нѣсколько времени, хотя и лишусь я чрезъ то удовольствія обнять тебя симъ лѣтомъ; но что̀ дѣлать? *Можетъ быть и не одинъ Татищевъ причиною* не такъ скоро оставить Неаполь.—Нѣкто Блудовъ, бывшій съ вами въ архивѣ, потерялъ дядюшку, кажется, того страннаго поведеніемъ, что̀ на По-

---

[1]) Извѣстный позднѣе директоръ Московскаго театра Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ.

[2]) Яковъ Ивановичъ обмолвился: не за Молчанова, а за Постникова.

[3]) Татищевъ.

варской построилъ чудной домъ; но онъ оставилъ ему въ наслѣдство до 30 тыс. рублей—Иванъ Петровичъ Тургеневъ изъ Липецка воротился и, кажется, поправился, хотя немного; вчерась у меня былъ и со своимъ Александромъ, который не знаетъ еще самъ, долго-ли здѣсь проживетъ.

*

Москва, 21 Августа 1805.

Буду я жалѣть, ежели планъ сада и земли, которую я желаю имѣть отъ Демидова, не дошелъ до тебя прежде отъѣзда Демидова. На семъ болотѣ были деревья, но ихъ всѣ вырубили на дрова, такъ что осталась одна тина, отъ которой и окружности нездоровы. А я бы выкопалъ прудъ и осушилъ даже его садъ.—Работа дома моего остановилась: онъ внутри совсѣмъ, а снаружи большею частію оштукатуренъ. Пришлю къ тебѣ планъ, дабы дать понятіе, что̀ я къ старому дому прибавилъ.—Въ Петербургѣ умеръ оберъ-шталмейстеръ графъ Николай Зубовъ.

*

Москва, 31 Августа 1805.

Изъ Петербурга получено извѣстіе, что изъ Неаполя пріѣхалъ курьеръ, привезъ новость, что тамъ было страшное землетрясеніе, погибло 12 тыс. человѣкъ, провалилось 5 тыс. домовъ, разрушился дворецъ, король ушелъ въ рубашкѣ и ночевалъ на полѣ. По тому одному уже ты догадаешься, что я не вѣрю никакимъ Московскимъ разсказамъ, когда симъ образомъ описываю новость; но признаюсь, что сердце у меня дрогнуло, ибо никто не прибавляетъ, что ты выскочилъ изъ-подъ земли, какъ слетѣлъ съ Везувія. Успокоился нѣсколько тѣмъ, что молчатъ о Татищевѣ и тѣмъ, что въ Петербургскихъ газетахъ напечатано: «24-го Іюля въ 2½ часа пополуночи чувствуемо было въ сей столицѣ (Неаполѣ) сильное землетрясеніе, и хотя городскія зданія были повреждены, однакоже, благодаря Всевышнему, ни одинъ изъ великаго числа жителей не претерпѣлъ вреда».

Вчерась былъ большой обѣдъ у Беклешова. Сверхъ имянинъ Государя, онъ и самъ имянинникъ и получилъ отъ Императора подарокъ 30000 р. съ милостивымъ отзывомъ, что то не послѣдній, ежели онъ продолжитъ съ такою же ревностію и успѣхомъ свое служеніе. Другой имянинникъ оберъ-полиціймейстеръ, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, получилъ орденъ Св. Анны 1-го класса. Говоря съ Беклешовымъ, сказалъ я, что имѣю извѣстіе о Неапольскомъ несчастіи, и онъ хотѣлъ конечно, не смотря на множество гостей, знать все и, посадя подлѣ себя, заставилъ меня читать твое описаніе.

Хорошее твое положеніе въ разсужденіи начальника не должно тебя ослѣплять и въ отношеніи къ сотоварищамъ, коихъ всегда и при всякомъ обстоятельствѣ надобно менажировать и даже въ бездѣлицахъ не раздражать. Ничего нѣтъ вреднѣе, какъ огорчить чье самолюбіе; сія обида никогда не забывается. Sat sapienti. Благодарю Всевышняго, что тебя спасъ отъ погибели. Нельзя было не испугаться столь страшнаго феномена; но хорошо, что ты имѣешь уже о немъ понятіе и вдругорядь меньше его бояться будешь, ибо страхъ ни въ одномъ случаѣ нашей жизни не бываетъ полезенъ. Меня однажды въ Цареградѣ сбросило съ постели, но, слава Богу, не устрашило. Въ Яссахъ случилось сильное трясеніе. Видѣлъ я самыхъ безстрашныхъ, самыхъ храбрыхъ противъ пушки внѣ себя и почти сумасшедшими; а я не въ похвалу и не въ хвастовство скажу, что просидѣлъ на стулѣ и, можетъ быть, одинъ не испужался, но отъ того, что имѣлъ уже опытность. Бѣда столь скоро дѣлается, что ежели прошла минута, а ты живъ, то прошла уже и бѣда, и остается тебѣ только разсудокъ, ежели оный сохраненъ, помышлять о спасеніи себя на случай другого удара, особливо ежели домъ угрожаетъ паденіемъ, ибо въ первомъ ударѣ бѣжать некуда и некогда; на улицѣ еще хуже: или строенія могутъ тебя задавить, или бѣгущіе безъ памяти тебя задушатъ. Долженъ однако я признаться въ томъ, что легче изъ Москвы давать совѣты, нежели имъ слѣдовать въ Неаполѣ. Но общее правило то, что у страха глаза велики: муха представляется слономъ и бездѣлица можетъ втащить въ истинную опасность. Слѣдуя сему, кто можетъ сохранить хладнокровіе, тотъ меньше подвергается опасности; но иногда сіе не отъ насъ зависитъ. Теперь легко о семъ говорить. Знаешь ли ты, отчего твой домъ уцѣлѣлъ? Отъ того, что въ одинъ и низкій этажъ. Въ физикѣ, какъ въ морали, что̀ выше другихъ поднимается, больше подвержено паденію. И домы строить и вести себя такъ надлежитъ, чтобы сосѣда не давить и не угнетать, а напротивъ, поддерживать его, отчего и самъ крѣпко стоишь на ногахъ, ибо и онъ тебя поддерживаетъ. Ты говоришь о тоскѣ, о уныніи, о содроганіи; первая происходитъ дѣйствительно отъ воздуха во время землетрясенія, можетъ быть, отъ того, что сквозь землю прорывается электрическій огонь невидимый или электрическая сила, которая, выгоняя воздухъ, какъ in Anthlia pneumatica, душитъ все живущее. Я сіе также испыталъ; а содроганіе натурально, когда видишь разрушеніе натуры, часто отнимающее жизнь у тварей живущихъ или страждущихъ. Есть добро, есть и худо; иногда и худо служитъ къ добру. Демидовъ сдѣлалъ принужденное усиленіе, которое прогнало его болѣзнь; усиленіе, котораго бы сдѣлать ничто его въ свѣтѣ не принудило, кромѣ страха лишиться своего бытія.

Но сіе случается рѣдко и очень рѣдко; были примѣры, кои ты по Исторіи знать долженъ, что страхъ нѣмыхъ заставлялъ говорить. Описавіе, учиненное тобою, суматохи есть прекрасная картина и доказываетъ мнѣ, что ты стараешься и зло описывать хорошо. Дай Боже, чтобы больше ты никогда не былъ подверженъ подобнымъ опасностямъ.

Все, что̀ ты говоришь о твоемъ положеніи въ разсужденіи Дмитрія Павловича, не можетъ не быть мнѣ непріятно. Продолжай пріобрѣтать его довѣренность, будь ея достоинъ; а я весьма согласенъ не видаться съ тобою до будущаго лѣта. Для моей прихоти не хочу прерывать дорогу твоего счастія. Буду и я счастливѣе, когда васъ увижу въ хорошемъ положеніи и на пути быть полезными сынами отечества, т. е. выйти на такую степень, гдѣ можно вамъ уже оказывать услуги; нынѣшняя же служба только къ тому приготовляетъ. Не унывайте, за Богомъ молитва, за государемъ служба есть старая пословица, но всегда оправдывается. Никакое доброе дѣло втунѣ не пропадаетъ. О семъ столь часто я вамъ твердилъ, что пора уже и не повторять; но не престану твердить, что не должно себя забывать или забываться, въ какомъ бы лестномъ положеніи вы ни находились. Скромность, услужливость, униженіе себя есть золотая рама для картины; чѣмъ рама богатѣе, тѣмъ болѣе заставляетъ смотрѣть картину, на которую бы, можетъ быть, никто и глазъ не оборотилъ безъ рамы. Въ жизни нашей всякое пріобрѣтенное дарованіе полезно и иногда больше важныхъ знаній; ты испытуешь сіе теперь на музыкѣ, какъ самъ пишешь.

За всѣ извѣстія о Лассіи, Щербатовѣ и пр. благодарю. За стараніе о землѣ Демидова скажу спасибо, когда что̀ удастся сдѣлать. У князя П. В. Лопухина и другая дочь, дѣвица, умерла *).

•

Москва, 11 Сентября 1805.

«15-го Августа, по засвидѣтельствованію начальства объ отличномъ усердіи къ службѣ и ревностныхъ трудахъ, вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ статскихъ совѣтниковъ Петра Карпова, Филиппа Клюпфеля, Николая Бицова, Давида Сиверса и Константина Родофиникина, всемилостивѣйше жалуемъ ихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. (Контрасигнировалъ князь Чарторижскій)». Безъ сумнѣнія, сей указъ уже къ вамъ прямо дошелъ; но на всякій случай и я сообщаю. Какъ Петербургскій военный губернаторъ, графъ Толстой, пошелъ въ походъ, то въ Петербургѣ сдѣланъ не губернаторомъ, но главнокомандующимъ племянникъ мой Сергѣй Кузмичъ Вяз-

---

*) Княжна Елисавета Петровна. 25 Апрѣля этого 1805 г. умерла ея сестра княгиня Анна Петровна Гагарина, предметъ рыцарскаго обожанія императора Павла.

митиновъ; а остальные батальоны гвардіи отданы въ команду оберъ-комендаита Бушуцкаго. Свѣдавъ, что Комбетъ изъ Швейцаріи не будетъ сюда долго, отдалъ я присланное къ нему отъ тебя письмо Біанкію, который взялся вѣрно къ нему оное доставить. Изъ Петербурга есть странныя извѣстія: 1) Глафира Ивановна Ржевская, жена умершаго сенатора, дѣйств. тайн. совѣтн., образецъ дѣвицъ воспитанныхъ въ монастырѣ, на которой хотѣлъ жениться Бецкой, примѣръ женъ добродѣтельныхъ, гордая, умная, строгая мать, имѣющая уже внучатъ и около 50-ти лѣтъ, влюбилась въ одного моторыгу, провіантскаго капитана*), потерявшаго мѣсто и находящагося даже теперь подъ судомъ, и за него вышла. Ни совѣты пріятелей, ни слезы родни, ни увѣщанія Государя, къ котораго покровительству фамилія прибѣгала, ничто въ свѣтѣ не могло ее удержать отъ подобнаго дурачества. 2) Сынъ Ѳедора Полторацкаго, 11-ти лѣтъ, учащійся въ Петербургѣ и ни къ чему не прилежащій, учинилъ поступокъ, кажется, безпримѣрный. Родня упрекала, что онъ отъ всѣхъ отставалъ, что братъ его, пяти или шести лѣтъ, втрое лучше учится; товарищи надъ нимъ смѣялись. Сіе произвело въ немъ или распалило злобу, ибо онъ родился съ злымъ сердцемъ, такъ что вызвалъ брата, сына Ал. Н. Оленина, гулять въ рощу (видно, что они живутъ на дачѣ), зарѣзалъ его ножемъ, топталъ ногами и, видя, что онъ уже не живъ, привязалъ къ нему камень, бросилъ въ воду и возвратился домой, какъ ни въ чемъ не бывалъ; но, возвратясь, похвасталъ, что ругаться имъ больше не будутъ. Какъ сынъ Оленина не являлся, то приступили къ иску, и онъ во всемъ признался. Осудили его, сказываютъ, запереть въ монастырь до совершеннаго возраста, а ежели не раскается и не исправится, то наказать его по законамъ и послать въ Сибирь.

Ал. Вас. Приклонскій скоропостижно отправленъ въ посылку. Пишетъ къ матери, что обѣщана ему милость, покровительство и пр., дано на дорогу 300 ч., сохранено жалованье, да прибавлено по 30 ч. на мѣсяцъ. Я думаю, что онъ посланъ къ Кутузову, который уже вступилъ въ Галицію, ведуще армію въ Италію.

*

Москва, 25 Сентября 1805.

Бачмевскій спрашиваетъ: имѣю-ли я отъ тебя какое извѣстіе послѣ бывшаго въ Неаполѣ землетрясенія, о которомъ нѣчто странное разсказываютъ? Тоже пишетъ княжна Наталья: «Je bénis le Ciel de ce qu'Il a respecté vos plus chères affections. Heureusement m-r Ale-

*) Француза Маскле. См. записки Г. И. Ржевской въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года.

xandre n'a pas souffert de ce terrible ravage; félicitez l'en de ma part et dites que c'est bien sincèrement». Вообще всѣ наши знакомые весьма о тебѣ безпокоились, а иные плакали.

Государь изволилъ выѣхать изъ Петербурга 9-го, а Бачмевскій пишетъ отъ 11-го, что чрезъ четыре дня ожидаютъ его въ Бржесцъ. Съ собою онъ изволилъ взять, не изъ военныхъ, только князя Чарторижскаго и Новосильцова. Ал. Вас. Приклонскій пишетъ къ княгинѣ изъ Бржесца, что онъ туда пріѣхалъ и ѣдетъ далѣе. Онъ въ экспедиціи Иностранной Коллегіи, при корпусѣ графа Буксгевдена, а куда пойдутъ—самъ еще не знаетъ. Вчерась, 19-го, ужиналъ я у Демидова Ивана Ивановича; былъ балъ для прошедшихъ имянинъ дочери хозяина, Баранова, и почти всѣ гости говорили со мною во весь ужинъ о тебѣ по поводу землетрясенія. Сколько ты ни хвалишь Антонія, но не забывай, что онъ слуга и Итальянецъ, и не все ему ввѣряй, а важное имѣй подъ своимъ ключемъ и о немъ не дѣлай ему довѣренности. Тысячу примѣровъ могъ бы я привести въ доказательство, но довольно оныхъ и въ одномъ Жилблазѣ, ежели ты его помнишъ. Весьма похвально намѣреніе твое послать гребень женѣ Ивана Алексѣевича*): онъ меня продолжаетъ и понынѣ одолжать, а мнѣ ему отплатить нечѣмъ; а такъ и меня ты одолжишь и къ себѣ его привяжешь. Часто бездѣлицы производятъ дѣйствія золотыхъ горъ. Мнѣ полюбилось твое разсужденіе, хотя я отъ него и не помолодѣю, а именно: мы видимъ и молодыхъ безъ волосовъ, безъ глазъ и безъ зубовъ. Но знаешь-ли, для чего мнѣ сіе полюбилось? Для того, что и безъ старости можно лишиться всего онаго отъ невоздержности, отъ излишней волокиты, отъ слѣдующихъ отъ нея болѣзней и отъ разслабленія тѣла, которому молодость себя подвергаетъ иногда по одному только чванству и дабы себя показать. Слѣдовательно я надѣюсь, что ты воспользуешься симъ размышленіемъ и себя для переду побережешь. Смѣшно бы было, ежели бы ты въ 30 лѣтъ менѣе былъ здоровъ своего отца, и ежели бы я въ тебѣ, вмѣсто молодца, увидѣлъ кащея, что̀ бываетъ обыкновенно, ежели въ сихъ лѣтахъ не побережешь себя. Благодарю тебя за описаніе Везувія, а Везувія благодарю за то, что онъ не посѣтилъ изъ благодарности своего знакомца, а удовольствовался только билетомъ, т.-е. заревомъ, отплатить ему его визиту. О дѣлѣ съ Демидовымъ буду говорить ниже, ибо еще не видалъ Сердюкова. Весьма радуюсь, что служба П. П. Карпова не забыта: чинъ, табакерка и пенсія доказываютъ, что за Государемъ служба не пропадаетъ. Вчерась у меня былъ веселый обѣдъ: Чернышовъ всѣхъ засмѣшилъ. Онъ посаженъ

*) Сенатора Алексѣева.

членомъ въ Адмиралтейскую Коллегію, а сюда присланъ осмотрѣть Сухареву башню, къ которой будутъ пристроивать крылья, для услуги ихъ конторы, подъ вѣдомствомъ архитектора нашего Франца. Вчерась видѣлся я съ Н. Н. Сердюковымъ; онъ согласенъ уступить землю вверху, чтò они называютъ дровянымъ дворомъ, подъ которой останется еще оной столько, что дровъ помѣстится на всю Нѣмецкую Слободу на цѣлый годъ; но для другого куска находитъ затрудненіе: 1) что Ник. Никитичъ намѣренъ свой садъ превратить въ Аглинской, и тогда сіе болото въ него войдетъ. Сіе мнѣ кажется странно, ибо въ саду больше воды нежели земли; а требуемое мною болото ежели засыпать, станетъ дорого, ежели оставить—болото; да и я изъ чего не могу иного сдѣлать, какъ прудъ, и желаю имѣть его только, дабы имѣть выходъ на Яузу. 2) И сія причина покажется смѣшна: Сердюковъ видѣлъ въ Швейцаріи и Нидерландахъ, что землю навозятъ изъ нужниковъ. Это правда; но онъ на сіе мѣсто вывозитъ всѣ нужники, слѣдовательно и ихъ, и мои сады провонять могутъ; а для сего хочетъ имѣть двѣ пары воловъ, но коихъ контора ему не даетъ и на коихъ сбирается возить сей навозъ въ подмосковную, слишкомъ за 20 верстъ; отъ навоза будетъ родиться хлѣбъ, хлѣбомъ будетъ кормить человѣкъ 50, живущихъ здѣсь въ домѣ для работы. Voilà les projets de la petite laitière. На сихъ дняхъ пойду я къ нему и посмотримъ мѣста, въ ожиданіи письма, безъ котораго онъ плана послать не можетъ, хотя и читалъ я ему копію. Вчерась получилъ я отъ И. А. Алексѣева новое одолженіе: онъ всѣ долги Алекс. Вас.*) заплатилъ; закладную, векселя и всѣ бумаги ко мнѣ прислалъ; на сіе употребилъ до 7000 р., кои я занялъ на свое имя, а сестра будетъ мнѣ понемногу выплачивать. Послѣ четырехъ *вчерась*, пора сегодня сіе кончить. Писать еще много, а надобно ѣхать обѣдать къ княгинѣ Прасковьѣ Степановнѣ, которая совсѣмъ почти ослѣпла и больна, но даетъ обѣдъ для имянинъ князя Сергѣя Ивановича.

*

Москва, 9 Октября 1805.

Писалъ я прежде о несчастномъ приключеніи въ фамиліи Полторацкихъ; но дѣло не такъ было. Вотъ какъ Чернышовъ мнѣ его разсказалъ. Сынъ Полторацкаго что-то сшалилъ; сынъ дворника (а не Оленина, слава Богу!), трехъ или четырехъ лѣтъ, сказалъ ему, что онъ скажетъ о томъ его гувернеру. Отъ сего злоба. Спустя нѣсколько дней уговорилъ онъ мальчика гулять, посадилъ въ телѣжку, вывезъ въ рощу и тамъ объявя, что хочетъ ему отомстить, началъ его бить.

---

*) Приклонскаго, который былъ сыномъ сестры Я. И. Булгакова и братомъ жившей въ Москвѣ княгини Елисав. Вас. Голициной.

Долго ли ребенка убить? Видя, что онъ уже мертвый, снесъ его въ болото и втопталъ въ оное ногами. А какъ видѣли, что онъ его повезъ, стали спрашивать и сѣчь; онъ во всемъ признался.—Съ Сердюковымъ я говорилъ; далъ ему копію письма Николая Никитича и планъ земли, которую я желаю имѣть. Теперь мы ждемъ оригинальнаго письма, и тогда что нибудь сладимъ. На сихъ дняхъ былъ у меня Энгель, отпущенный на два мѣсяца въ Одессу, гдѣ ему дана земля. Тучковъ принятъ въ армію полковникомъ въ Муромскій полкъ и поѣхалъ въ Бржесцъ съ женою, которая съ границы воротится назадъ въ Москву. 5-го возвратилась изъ деревни моя сестрица. Аѳанасій ея умеръ; но она, кажется, учредила сама изрядно порядокъ въ деревнѣ.—По поводу университетскаго юбилея скажу еще, что въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ сбирается словарь Россійскихъ писателей. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ обо мнѣ написали цѣлую страницу; справедливо, но не все. Да какъ имъ все и знать? Везувія пошлите спать, ибо пора уже ему проспаться; лишь бы не опохмѣлялся.

*

Москва, 16 Октября 1805.

Ожидаю письма отъ Демидова къ Сердюкову; а по копіи мы улаживаемъ дѣло, и къ тебѣ, получа оное письмо, обстоятельно обо всемъ напишу, дабы зимою кончить успѣть, и работы на новопріобрѣтенной землѣ, ежели уступка воспослѣдуеть, начать въ Апрѣлѣ. Сегодня мнѣ стукнуло 62 года отъ роду. Желаю вамъ до сихъ лѣтъ дожить и столь же покойно, какъ я оные прошелъ, не смотря на то, что около 40 лѣтъ такъ служилъ, что года не былъ въ отпуску. 10-го Августа послалъ я къ тебѣ письмо отъ генеральши Клички къ ея сыну; а теперь имѣю сказать непріятную для него вѣсть: она дни четыре назадъ скончалась; жила подлѣ моего пруда въ двухъ комнатахъ того самаго дома, гдѣ большой корпусъ нанимала Катерина Любимовна. Сія ко мнѣ пишетъ отъ 5-го Октября; жалуется, что давно отъ тебя ни строки не имѣетъ, что едва не сгорѣла отъ трубы, изъ которой два раза выкинуло у сосѣда; что она домъ перемѣнила, наняла на Литейной шесть покоевъ, погребъ, амбаръ, сарай за 25 р. на мѣсяцъ, изъ которыхъ половину отдаетъ въ наемъ за 20, слѣдовательно сама живетъ за 5 р. и можетъ еще тебя помѣстить, ежели пріѣдешь. Ганслу все безъ мѣста, и она для матери не можетъ еще сюда пріѣхать; адресъ ея: на Большой Литейной, въ домѣ купца Пастухова № 113.

Письмо къ К. Я. Булгакову.

Москва, 19 Октября 1805.

Писавъ къ тебѣ, любезный мой Константинъ, три дни назадъ, не думалъ я, что представится мнѣ случай сегодня опять писать. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло: нужно приложенное письмо доставить вѣрно. Ежели Николай Никитичъ въ Неаполѣ, пошли его къ брату; ежели въ Римѣ или гдѣ индѣ, доставь прямо къ нему; а ежели въ Вѣнѣ, самъ ему отдай, и во всякомъ случаѣ представь ему свои услуги для доставленія отвѣта черезъ меня. Когда еще онъ въ Неаполѣ и ты письмо пошлешь къ брату, то можешь и сіе мое къ нему отправить, дабы онъ могъ Николаю Никитичу разсказать, ежели ему нужно знать, что у него дѣлается. Онъ поручилъ двоюродному своему брату Петру Ивановичу Сердюкову присматривать за домомъ; но есть у него двѣ конторы, здѣсь и въ Петербургѣ, которыя всѣмъ управляютъ и его не слушаются. Каждая составлена изъ трехъ управителей. Сіи управители были крѣпостные люди, отпущены на волю и опять приняты въ его службу. Всѣ подѣлали себя офицерами, купцами и пр. Не знаю о Петербургскихъ, но здѣшніе—пьяницы, его обкрадываютъ, мѣшаются въ тяжебныя дѣла, пьянствуютъ, бездѣльничаютъ и пр. и пр. Ты, думаю, помнишь садъ его: были деревья въ 20 саженъ; они ихъ вырубили на дрова, говоря, что Николай Никитичъ хочетъ старый садъ превратить въ Англинской. Театръ и домъ отдали Штейнбергу подъ Нѣмецкой театръ и для баловъ. Всѣ притѣсненія возможныя ему чинили, и когда онъ на исправленіе дома и театра употребилъ тысячь до трехъ, требуютъ съ него прибавки пятьсотъ рублей. Дѣло дошло до Беклешова, у котораго я вчерась обѣдалъ и который все сіе мнѣ сказалъ; сказалъ также, что писалъ о всемъ къ Николаю Никитичу. Сердюковъ не получаетъ ни на что̀ отвѣта и думаетъ (что̀ очень на правду походитъ), что, посылая свои письма черезъ Петербургскую контору, оная ихъ распечатываетъ и не отправляетъ, почему и рѣшился посылать ихъ черезъ меня, сколь скоро получитъ отвѣтъ на приложенное. Беклешовъ, сверхъ того, что начальникъ Москвы, долженствующій доставлять правосудіе обиженнымъ, получилъ именное повелѣніе покровительствовать и помогать театрамъ, приводить ихъ въ лучшее состояніе. Вотъ превеликое письмо о чужомъ дѣлѣ; но жалко смотрѣть. Никита Акинѳіевичъ *) былъ другъ и благодѣтель моего отца, былъ благодѣтель и, наконецъ, другъ мнѣ самому. Какъ не помыслить о дѣтяхъ нашихъ благодѣтелей и друзей? Беклешовъ, то зная, со мною входилъ

*) Демидовъ (отецъ).

въ подробности, и я ему растолковалъ все. Вчерась велѣлъ онъ конторщиковъ къ себѣ привести. Не знаю, что̀ было послѣ.

Г. Сердюковъ спрашивалъ у меня о цѣнѣ. Я ему отвѣчалъ слѣдующее: теперь узаконено продавать и продаются казенные грунты въ самой срединѣ города (какъ то съ мѣсяцъ назадъ купилъ одинъ мой знакомый) за 20 лѣтъ дохода; а доходъ считается съ пустой земли по денежкѣ за квадратную сажень или яснѣе по 10 к. за сажень, и продаются за сію цѣну всѣ земли въ вѣчное и потомственное владѣніе. Сіе будетъ для Николая Никитича какъ капля воды въ морѣ; но земля его лежитъ больше 30 лѣтъ впустѣ, и впередъ никакой пользы дому его принести не можетъ. Впрочемъ не только сіи два куска, но и весь задній или дровяной дворъ и болото были сторгованы моимъ отцомъ за сто рублевъ у разныхъ владѣльцовъ, когда перекупилъ ихъ г. Наврозовъ или Никласъ (не знаю, который, ибо меня тогда не было въ Россіи) и послѣ со своимъ домомъ продалъ Никитѣ Акинѳіевичу. Мнѣ нужны сіи два мѣста: вверху, чтобы заборъ былъ прямой, а внизу, чтобы имѣть сообщеніе съ Яузою и изъ нижняго иначе сдѣлать нельзя какъ прудъ для осушенія земли и приданія тѣмъ здороваго воздуха моему саду и живущимъ въ домѣ. По симъ причинамъ и почту я за великое одолженіе, ежели Николай Никитичъ уступитъ мнѣ сіи куски*).

*

Москва, 30 Октября 1805.

Въ газетахъ напечатанъ слѣдующій рескриптъ: «Отецъ протоіерей Самборскій! Съ того времени, какъ возложена была на васъ должность наставника Закону Божію при мнѣ, а равно и исполненіе всѣхъ по званію вашему отправляемыхъ должностей съ отличностію, обратило вниманіе мое, въ знакъ коего справедливымъ нахожу всемилостивѣйше пожаловать васъ брилліантовыми знаками ордена Св. Анны, которые препровождая при семъ, пребываю къ вамъ благосклонный». Но куда сей Самборскій дѣвался? Я объ немъ совсѣмъ не слышу съ отъѣзда его изъ Вѣны, хотя оттуда и сбирался онъ въ Москву и хотѣлъ у меня жить. Малиновскій у меня обѣдалъ и сказывалъ, что вчерась получилъ отъ Самборскаго письмо изъ Петербурга. Ergo вопросъ сей рѣшенъ.

22-го было здѣсь изверженіе Везувія: на Петровскомъ театрѣ происходила репетиція во время обѣда; гардеробмейстеръ напился, по-

*) Домъ Я. И. Булгакова, слѣдовательно, находился близъ Покровки, въ переулкѣ за церковью Никиты-Мученика, рядомъ съ нынѣшнимъ Межевымъ Институтомъ, домъ котораго принадлежалъ Н. Н. Демидову.

шелъ со свѣчею въ гардеробу, заснулъ, отъ свѣчи загорѣлись платья, а въ 6-мъ часу уже весь театръ занялся. Слава Богу, что напился онъ не позже: ни одинъ бы зритель не спасъ своей жизни по худымъ выходамъ и всеобщему въ театрѣ неустройству. Я, право, думаю, что ничто не можетъ походить больше на Везувій. Счастіе и то, что не было ни малаго вѣтра и накапунѣ выпалъ снѣгъ на аршинъ. Пока сей растаялъ, успѣла полиція подоспѣть, и ничто, кромѣ театра, не сгорѣло, а онъ до тла. Слава Богу, что ни въ немъ никого не сгорѣло, ни сосѣди не потерпѣли; а увѣряютъ, сверхъ того, онъ такъ сгнилъ, что въ нынѣшнемъ году весь обвалился бы. Сіе было написано давно, какъ я всегда дѣлаю.—Ежели министръ не засидитъ въ Неаполѣ и перейдетъ въ другое мѣсто, я согласенъ, чтобы и ты съ нимъ перешелъ; но боюсь только Англіи, и то только для того, что жизнь тамъ выходитъ изъ границъ. Министру надобно 50 т., а подчиненные умрутъ съ голода, ежели не имѣютъ пяти. Я же не въ состояніи дать сего.

Государь выѣхалъ изъ Пулавы 4-го и изъ Козеницъ 8-го въ Берлинъ. Ваня Пушкинъ арестованъ Французами съ нашимъ въ Баденѣ министромъ Малтицомъ; по крайней мѣрѣ такъ у Пушкиныхъ о немъ думаютъ.

*

Москва, 9 Ноября 1805.

Китайское посольство чуть-ли не рушилось. Здѣсь разглашаютъ, что Китайскій императоръ умеръ, въ землѣ революція и пр.; но сего за вѣрно сказать не могу. Катеринѣ Любимовнѣ пишу, что ты получилъ отъ нея два письма, но какъ, можетъ быть, отвѣчаешь чрезъ Приклонскаго, а его въ Петербургѣ нѣтъ (онъ пишетъ къ матери, что въ Радомѣ, 12 миль отъ Варшавы), то она не скоро дождется твоихъ писемъ. Не лучше-ли ихъ присылать ко мнѣ, какъ дѣлаетъ братъ? Архарова свадьба совершилась келейно. Приданое отправляли, однако, публично. Фастъ часъ отъ часу хуже: сохнетъ, чахнетъ, не знаетъ что дѣлаетъ и что дѣлать. По сгорѣніи Петровскаго театра, Русскіе играютъ у Волконскаго, Французы у Шаховскаго, на Петровкѣ, а Нѣмцы у Демидова.

*

Москва, 20 Ноября 1805.

Братъ, отъѣзжая изъ Вѣны въ Потсдамъ, 14-го Октября отправилъ ко мнѣ письмо твое отъ 8-го Октября, подъ № 98. Ни мало не жалѣю, что у тебя работы много; она одна можетъ сдѣлать изъ тебя человѣка, полезнаго государству. Не унывай, но и не изнуряйся. Чрезъ сіе разумѣю я, что надобно на время отложить забавы, визиты, праздники, ибо сіи послѣдніе больше здоровью вредятъ, нежели работа, а

по себѣ оставляютъ только дымъ. Тебя и то должно утѣшать и ободрять, что начальникъ твой видитъ труды и ихъ уважаетъ.

Писанное мною о причинѣ не такъ скоро оставить Неаполь есть только шутка, и напрасно ты ею огорчился; ибо я и не помышлялъ, да и не думаю о томъ, а напротивъ радъ, что ты остался до способнѣйшаго времени и до окончанія безпокойствъ и опасностей по дорогѣ.

*

Москва, 4 (16) Декабря 1805.

Братъ твой писалъ ко мнѣ изъ Потсдама отъ 20-го Октября, а послѣ я объ немъ ничего не слышу. Онъ туда прислапъ изъ Вѣны курьеромъ къ Государю, а куда дѣвался потомъ, не понимаю; видно, что письма его пропадаютъ. Ежели бы съ нимъ случилось какое несчастіе, вѣсти, яко худыя, дошли бы до меня, конечно, скорѣе, нежели добрыя. Пишу къ нему, однако, сегодня въ Вѣну, а не будучи вѣренъ, чтобы онъ тамъ былъ, рѣшился писать къ тебѣ наудачу прямо. Когда ты объ немъ не больше моего знаешь, то и ты прямо по почтѣ пиши ко мнѣ чрезъ Вѣну, Бржесцъ и Вильну, или хотя чрезъ Петербургъ. Ал. Вас. Приклонскій пишетъ ко мнѣ отъ 2-го (14) Ноября изъ Гофа, въ 2-хъ миляхъ отъ Троппау, что они оттуда идутъ въ Олмицъ и Бриннъ. Я безпокоюсь объ васъ обоихъ; но что́ дѣлать? Первыя ваши письма мнѣ будутъ крайне пріятны; а пока ихъ не получу, нельзя мнѣ быть веселу. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ не можно и полагать, чтобы дошло всякое письмо; а я буду доволенъ, когда изъ пяти получу одно.

*

Декабря 11-го дня 1805. Москва.

Банкиръ мой получилъ извѣстіе отъ банкира Неапольскаго и Вѣнскаго, что они принуждены остановить платежи чрезъ Вѣну. Я его просилъ отписать въ Неаполь, чтобы тамошній продолжалъ тебѣ платить, отсылая твои квитанціи въ Гамбургъ. Когда въ Вѣнѣ поуспокоится и посольство наше возвратится туда, то и братъ можетъ тебѣ денегъ переслать, ибо отъ меня довольно онъ ихъ получилъ. Вамъ уже, конечно, извѣстна смерть канцлера, графа Александра Романовича Воронцова. Канцелярія его уже сюда возвратилась изъ деревни. Сіе извѣстіе, конечно, много опечалило Дмитрія Павловича *). Болѣе сказать теперь ничего не нахожу. Да! На сихъ дняхъ получилъ я остальную часть эстамповъ Шакспировой галереи, титулъ, оглавленія, портреты короля и королевы. Они составляютъ два тома, и я помышляю

*) Татищева, которому канцлеръ графъ Воронцовъ былъ родственникомъ и покровителемъ.

ихъ переплесть. Всего почти 100 эстамповъ. Издатели выбили медаль серебряную въ благодарность подписавшимся за вспомоществованіе, и ко мнѣ прислали одну съ моимъ имянемъ.

*

Москва, 25 Декабря 1805.

Я думаю, что Итальянская почта ходитъ еще вѣрно черезъ Лейпцигъ, ибо черезъ Вѣну теперь сіе невозможно, и такъ попробуй писать прямо черезъ Нѣмецкую землю, когда ты полагаешь свое утѣшеніе въ моихъ письмахъ. Радуюсь, что тебѣ съ начальникомъ хорошо; но, кажется, вы тамъ долго остаться не можете.

Опасаясь, чтобы ты не имѣлъ недостатка въ деньгахъ, хотя и писалъ ты, что у тебя ихъ до Іюня довольно, посылаю къ тебѣ новый кредитивъ, по которому ты можешь брать и давать квитанціи, когда придетъ нужда. Ежели бы не произошла сумятица въ Вѣнѣ, то бы и братъ къ тебѣ переслалъ денегъ. Вѣнскіе банкиры пишутъ сюда, что отказываются отъ всѣхъ платежей, а ты черезъ нихъ деньги получалъ. Сіе и принудило меня взять другой оборотъ и послать къ тебѣ новое вѣрящее письмо.

Здѣсь новаго только пиры, свадьбы и тому противное. Богатая Собакина или Яковлева, коей дочь проказитъ, умерла. Михаилъ Николаевичъ Наумовъ женится на дочери Софьѣ Ивана Ивановича Демидова; получитъ 200 душъ, 150 тысячъ денегъ, а ежели братъ ея генералъ-маіоръ умретъ прежде ея, то все отцовское имѣніе. Сіе все хорошо; но вотъ что̀ дурно: княжна Наталья, дочь князя Ивана Сергѣевича Гагарина, влюбилась въ Топчи. Ты знаешь сего буфона; онъ живописецъ, музыкантъ, сдѣлался философомъ и почти съ ума сошелъ, весь посѣдѣлъ и проигрался до рубашки, имѣетъ около 60-ти лѣтъ. Фамилія въ отчаяніи; но она говоритъ, что ничто въ свѣтѣ не перемѣнитъ ея намѣренія. Мудрено сказать, чѣмъ сіе кончится; но добромъ кончиться не можетъ.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ [1]).

Весною 1842 года Юрій Никитичъ оставилъ Петербургъ, затѣмъ прожилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, и лишь въ половинѣ Іюля пріѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ супругою своей и родственницею, молодою дѣвицей Варварою Петровной. Погостивъ нѣкоторое время въ Симферополѣ, они отправились въ Ялту. По дорогѣ Бартеневъ останавливался на нѣсколько часовъ въ Никитскомъ саду, съ директоромъ коего, Гартвисомъ, завязалъ съ этой поры тѣсныя сношенія. Этотъ почтенный человѣкъ, родомъ изъ Риги, учился въ Дерптскомъ университетѣ, служилъ въ гвардейской артилеріи, но увлекаемый страстью къ ботаникѣ, бросилъ службу, уѣхалъ въ Крымъ, и въ то время уже 19 лѣтъ трудился тамъ надъ акклиматизацiей разнообразнѣйшихъ растеній. Вечеромъ того дня Бартеневъ занесъ въ дневникъ свой [2]): «Глядя на скромный подвигъ Гартвиса, я вспомнилъ замѣчательное «слово, сказанное Кювье Наполеону, гдѣ первый напомнилъ послѣднему, что мирный и полезный подвигъ часто переживаетъ славу великихъ героевъ».

Неизвѣстно, что̀ задержало Бартенева, но онъ только въ концѣ Октября поселился въ Кореисѣ, имѣньѣ баронессы Беркгеймъ, по сосѣдству съ Гаспрой, гдѣ давно ожидалъ его, совершенно уже потерявшій зрѣніе, покровитель его, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Юрій Никитичъ такъ повѣствуетъ о своемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ въ письмѣ къ нѣкоему Латкину, славному дѣльцу въ затѣянной нѣсколько времени тому назадъ Печорской Компаніи. Компанія эта должна была разыскивать золото и другіе металлы на Сѣверѣ Россіи,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1898, вып. I-й, стр. 100.

[2]) Дневники, которые велъ Бартеневъ все время своего пребыванія въ Крыму, сохранились, за малыми пропусками; но они представляютъ мало примѣчательнаго. Мелочи семейной жизни и домашняго обихода, среди которыхъ чуть не первое мѣсто занимаютъ „удовольствія стола“, пересказъ и толкованіе сновъ—вотъ ихъ содержаніе. Но сужденія о прочитанномъ и нравственныя размышленія даютъ возможность ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и нравственными запросами человѣка Александровской эпохи, и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣста дневниковъ крайне-любопытны. Ю. Б.

въ предѣлахъ Печоры, и главнымъ основателемъ ея былъ Ю. Н. Бартеневъ; онъ возлагалъ на компанію большія надежды, которыя совершенно не оправдались.

«Чтò вамъ сказать, писалъ онъ, о южномъ берегѣ Крыма? Надобно его видѣть, чтобъ понять богатство премудрости Сотворившаго сіи дивныя горы съ ихъ ненаглядными совершенствами. Это письмо пишу я на конторкѣ, прислоненной къ галереѣ съ разноцвѣтными стеклами, обращенной на Черное море. Сейчасъ только ходилъ смотрѣть на видъ луны, отражающейся разновидно въ различныхъ стеклахъ; въ красномъ она горитъ заревомъ пожара, въ голубомъ уныло навѣваетъ какую-то грусть на сердце. Я живу въ какомъ-то Радклифскомъ зáмкѣ, прислоненномъ къ утесу горы. На Полдень синее или зеленое море (смотря по разливу свѣта) тихо вблизи дробится гармоническимъ колебаніемъ, иногда шумитъ сердитое по произволу вѣтра, иногда стенаетъ, какъ лютый вепрь, въ порывахъ бури. На Западъ съ галереи возникаетъ хребетъ горъ, прекрасныхъ и грозныхъ въ своемъ величіи; гора Св. Петра, обнаженная сверху, скатывается уступами и терасами къ морю; среднія и нижнія части ея зеленѣютъ сѣнолиственными деревьями разныхъ видовъ и формъ; кипарисъ и миндальное дерево не потеряли еще своей зелени. Оптика здѣшнихъ мѣстъ очаровательно обманчива: кажется, что Ай-Петри, то-есть Святый Петръ, хочетъ подавить насъ своею тяжестью, а море подкатиться къ жилищу нашему; не бойтесь: море около полуторы версты разстоянія, а до горы Св. Петра, говорятъ, двѣнадцать верстъ дороги. Климатъ очарователенъ, виды радостны и величественны, виноградъ и фрукты вкусны и ароматны, особенно первый, имѣющій всевозможные вкусы; сегодня я ѣлъ за столомъ Александрійскій мушкатъ, съ которымъ ничего сравниться не можетъ. Есть здѣсь виноградъ, называемый именемъ Изабеллы; онъ имѣетъ вкусъ клубники и ароматъ мускатнаго цвѣта. Но всего не перескажешь, подробности послѣ. Не смотря на яркость природы, душа моя дымится какимъ-то грустнымъ чувствомъ, подобно какъ здѣшнія горы дымятся облаками или свинцовымъ туманомъ, ихъ закрывающимъ. Туманъ сей, однако, умиротворяется участіемъ добрыхъ хозяекъ моихъ; онѣ раздѣляютъ съ моимъ семействомъ и со мною то время, которое остается у меня послѣ бесѣды съ княземъ. Управительница большого помѣстья Кореисъ, добрая дѣвица Ницъ*), Нѣмка по языку, Русская по сердцу и Православію, все дѣлаетъ, чтò можетъ, дабы позолотить своимъ участіемъ и пріязнію первыя минуты нашего

*) Ольга Карловна Ницъ. Всѣми же имѣньями баронессы Беркгеймъ завѣдывалъ нѣкто Александръ Дмитріевичъ Ганскау. Ю. Б.

пребыванія. Дѣвица Ницъ не принадлежитъ къ туманной, метафизической Германской школѣ; она не гремитъ фразами, но является къ намъ, какъ маленькое провидѣніе, утѣшать вещественно насъ, сыновъ Сѣвера; корзинка съ плодами, грозды винограда, свѣжее масло, вкусный крендель, разнаго рода заготовленія служатъ предвозвѣстниками желаннаго ея прихода. Другая хозяйка, милая дѣвушка, сиротка*), не знавшая никогда ни отца, ни матери; что я говорю, не знавшая, нѣтъ она знаетъ и отца, и мать, и все родство въ неусталомъ сердцѣ и любящей душѣ почтенной Ницъ, которая пестуетъ ее со всѣмъ чадолюбіемъ жаркой и близкой родственницы. Вотъ и эта дѣвушка, скромная, добрая и кроткая, утѣшаетъ насъ своимъ молчаливымъ участіемъ; она, какъ тихій вѣтерокъ, нашептываетъ намъ сладкіе мотивы родины, заставляетъ юнѣть насъ отъ воспоминанія и пріятно иногда помечтать о быеаломъ и невозвратномъ.

25 Октября 1842 года.
Кореисъ".

На слѣдующій день, въ письмѣ къ Ивану Петровичу Егорову, своему старому пріятелю, Бартеневъ уже начинаетъ жаловаться на свою жизнь.

«Теперь я живу въ мірѣ естественнаго волшебства и чудесъ; громадныя горы, роскошная зелень, древа, если не съ плодами, то съ листьями, часто теплые и весенніе дни, все напоминаетъ намъ, что мы не живемъ въ Россіи, въ это время холодной и покрытой ледяною корою. Но если благорастворенный климатъ намъ улыбается, за то тысячи неудобствъ и лишеній насъ встрѣтили; говорю насъ, разумѣю мое семейство и все, что принадлежитъ ко мнѣ. Дороговизна невыносимая, спорящая съ Петербургской и часто ее превосходящая; но, кромѣ дороговизны, неимѣніе удобствъ для практической жизни очень преогорчеваетъ насъ; никто не позаботился о нашемъ покоѣ, и мы живемъ день за день, въ чаяніи грядущихъ благъ. Впрочемъ, есть свѣтлыя точки и въ нашемъ житьѣ-бытьѣ».

Но настоящія огорченія еще предстояли. Отправляясь каждый день въ Гаспру, къ князю Голицыну, Бартеневъ въ началѣ Ноября получилъ, какъ объясняли мѣстные эскулапы, рожистое воспаленіе въ ногѣ. Онъ познакомился у «благодатнаго старца» съ графомъ М. С. Воронцовымъ и получилъ приглашеніе посѣтить Алупку. Усилившаяся бо-

*) Лизочка Франкъ, воспитанница покойной княгини Анны Сергѣевны Голицыной. Ю. Б.

лѣзнь не давала ему возможности воспользоваться любезностью графа, и онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ.

«Безъ сомнѣнія, вы, сіятельнѣйшій графъ и вмѣстѣ Русскій человѣкъ, слыхали про Русскую сказку о Иванѣ-царевичѣ и жаръ-птицѣ и какъ, отыскивая послѣднюю, онъ выбиралъ всегда ту дорогу, гдѣ конь его былъ голоденъ, а онъ самъ сытъ. Такъ и я, подражая уму отечественныхъ пословицъ, выбралъ было такую дорожку, и я не ошибся: и люди, и мѣстность широко распахнулись къ жадной душѣ моей. Ни одна чертинка не пропала изъ великодушныхъ тратъ сердца вашего въ отношеніи меня, пріѣзжаго странника; оно все мѣтко уловило и исполненіе, и самое намѣреніе. Пусть память сердца о благодатномъ знакомствѣ съ вами замѣнитъ мнѣ ту жаръ-птицу, которой, видно, не увижу и перышка. Жалѣть ли объ этомъ? Не жалѣю. Да будетъ воля Божія!

«Ваша фантастическая Алупка какъ кладъ мнѣ не дается. Я бы побѣжалъ пѣшкомъ, чтобы сродниться съ ея краснорѣчивымъ языкомъ и вмѣстѣ низко по-русски поклониться свѣтлому ея хозяину. Простите великодушно за разумноженіе письма, гдѣ-бы можно было просто сказать, что разбитая и больная грудь моя не позволяетъ еще этого наслажденія. Не имѣйте лукаваго ока, мой милостивый графъ, и на нѣкоторый педантизмъ настоящаго и перваго моего къ вамъ посланія; что̀ же касается до этого педантизма, то вспомните о вчерашнемъ Дессерѣ, которому дали нарядный кафтанъ, но отняли содержаніе *).

5-го Ноября 1842 года. Коревсъ».

Этимъ полушутливымъ письмомъ, въ которомъ мы не видимъ обычной силы слога Юрія Никитича, начались болѣе близкія отношенія его къ графу Воронцову, который въ тотъ же день пріѣхалъ провѣдать больнаго и затѣмъ не разъ, даже со своею семьей, навѣщалъ его. Такое вниманіе графа показываетъ, что понятіе о «Воронцовской гордынѣ» сильно преувеличено.

Въ письмѣ въ Кіевъ, къ благодѣтельницѣ и старому другу своему, Александрѣ Петровнѣ Хвостовой, Юрій Никитичъ повѣствовалъ о своихъ злоключеніяхъ.

«Вотъ пріѣхали мы и на мѣсто своего жительства. Дѣйствительно натура здѣсь болѣе чѣмъ прекрасна; здѣсь все зеленѣетъ и цвѣтетъ еще, но практическая жизнь въ младенчествѣ: домъ безъ Русскихъ

*) Не можемъ понять, на что намекаетъ здѣсь Юрій Никитичъ. Ю. Б.

печей, а съ железными нагрѣвалками; дороговизна страшная. Мы начали жить съ горемъ и лишеніями; я чувствую себя больнымъ, душевно и тѣлесно, и грудь, и плечи, и ноги, все какъ будто поражено острыми ревматизмами. Душевно, сказалъ я, боленъ, и это съ перваго дня пріѣзда. Отъ Кіевской Сциллы я попалъ на Крымскую Харибду. Меня встрѣтили угрюмо и посыпали изъ Пандорина ящика, на что бодро и я отвѣчалъ, признаться. Вездѣ лишенія; вообразите, прачки просятъ въ мѣсяцъ по восьмидесяти рублей; слыхано-ли это гдѣ? Мы втягиваемся однако въ жизнь, но я все остаюсь боленъ и что̀ хуже того унылъ духомъ; старецъ же всѣмъ доволенъ, ибо онъ слѣпъ; въ этомъ случаѣ слѣпота есть отрицательное благо. До завтраго продолженіе.

Теперь я пишу къ вамъ съ перевязанною ногою; говорятъ, у меня начинается рожа; кромѣ того, колючіе ревматизмы, oppression de poitrine и, Богъ знаетъ, какіе недуги. Все это началось со втораго дня моего пріѣзда въ Крымъ. Mauvais pronostic! Князь ничего не видитъ и по возможности жалуетъ меня своимъ вниманіемъ; за то другіе на то только и вниманіе хотятъ имѣть, дабы сдѣлать здѣшнее пребываніе мое и грустнымъ, и печальнымъ. Но какъ на это пожаловаться? кто захочетъ запустить руку между корою и ея деревомъ? Терплю, молчу и жалуюсь на одну только дороговизну. Впрочемъ, я уже два раза имѣлъ съ княземъ объясненія и вымолвилъ ему, что врядъ ли мнѣ долго можно оставаться въ Крыму. Vogue la galère! Что̀ Богу будетъ угодно. Изъ сего неизбѣжнаго зла по крайней мѣрѣ извлекаю философскій синкретизмъ или, лучше сказать, развязку и ключъ Петербургскихъ преслѣдованій. Какъ мало благородныхъ музыкъ на землѣ! Но если Жанъ-Жакъ-Русовскій бытъ мой плохъ, за то не могу довольно нахвалиться нѣкоторыми изъ здѣшнихъ обывателей, и вотъ на первомъ планѣ красуется для меня графъ Михайло Семеновичъ Воронцовъ. О, этотъ человѣкъ, монументальный и наружностію, и психизмомъ, немало доставляетъ утѣшенія разбіенному духу моему. Отрадно сочувствіе такого человѣка, какъ онъ. Вотъ напримѣръ въ нынѣшній Четвертокъ, приглашая меня въ обворожительную свою виллу и получивъ отъ меня отказъ на обязательное его предложеніе по причинѣ рожи на ногѣ, отъ которой я съ трудомъ и приподымаюсь, самъ пріѣхалъ ко мнѣ и долго у меня просидѣлъ. Истинно вельможа и въ ласкахъ; его аристократія есть елей благодатной старицы Хвостовой, которая, если прислоняется къ человѣку, то этотъ человѣкъ нѣмѣетъ отъ проникновеннаго радушія: сердце тепло, умъ чувствуетъ себя въ просторѣ.....

Дѣйствительно, натура здѣшнихъ мѣстъ поразительно прекрасна; сѣдыя горы перевитыя облаками, виноградъ, котораго сладость и благовоніе мы, сѣверные жители, и въ умѣ не умѣемъ представить. Сегодня здѣшняя экономка принесла мнѣ корзинку золотистаго винограда, букетъ цвѣтовъ, въ которомъ пышно красуется лучшій родъ розы съ ея живительнымъ и свѣжимъ ароматомъ. Чудеса да и только! Но только сѣверному Жилблазу вашему не поздоровилось, крѣпко не поздоровилось.

Князева жизнь покойна: что̀ день, то новый куртагъ; все сыплетъ къ нему, и все его занимаетъ. Графиня ѣздитъ къ нему по вечерамъ читать книги; старикъ въ душѣ увѣренъ, что насталъ для него истинный палладіумъ.

Если вы, моя любезная мать, по волѣ Промысла, очень много привносили въ мой міръ, то воздохните въ нынѣшній разъ предъ Господомъ о ниспосланіи мнѣ благодати и здравія на одрѣ болѣзни. Вчера навѣстилъ меня графъ Воронцовъ, сегодня князь Александръ Николаевичъ; но вчера я чувствовалъ себя нѣсколько бодрѣе и могъ, хотя съ великимъ трудомъ, волочить ноги; сегодня дѣлается со мною хуже; не знаю, что̀ будетъ завтра.

6 Ноября 1842 года. Корейсъ".

Въ числѣ людей, желавшихъ сдѣлать его пребываніе печальнымъ и грустнымъ, Бартеневъ подразумѣваетъ сводную сестру князя, Елисавету Михайловну Кологривову. Еще въ Петербургѣ онъ имѣлъ столкновеніе съ этою раздраженною старою дѣвою, но тамъ ея воздѣйствіе на князя умѣрялось постояннымъ пребываніемъ Бартенева при своемъ благодѣтелѣ; здѣсь же его продолжительная болѣзнь дала возможность Кологривовой усилить свое вліяніе на брата. *Запускать руку между корой и деревомъ* Юрій Никитичъ не былъ охотникомъ, и когда по выздоровленіи своемъ увидѣлъ, что князь окончательно находится въ рукахъ своей сестры и Ялтинскаго почтмейстера князя Козловскаго, сдѣлавшагося непомѣрно наглымъ, что именемъ князя совершаются злоупотребленія, противодѣйствовать которымъ онъ не имѣлъ возможности, тогда онъ рѣшилъ оставить своего благодатнаго старца. Но до окончательнаго разрыва было еще далеко; князь Козловскій еще заискивалъ у Бартенева; Кологривова наносила ему лишь косвенные удары; а князь, до конца дней своихъ сохранявшій самое теплое къ нему чувство, не смотря на наговоры, усердно навѣщалъ его, порой горько жалуясь, что-де «сестрица тебя крѣпко не жалуетъ». А между тѣмъ болѣзнь все усиливалась и не поддавалась лѣченію мѣстнаго док-

тора Шмидта. Пущены были въ ходъ всѣ средства тогдашней науки; больнаго поили какимъ-то декоктомъ, давали внутрь нѣкое лѣкарство «кальгокомъ» и каломель, ногу то окуривали и мазали масломъ и растирали спиртомъ, то завертывали въ сырыя салфетки. По совѣту А. П. Хвостовой Юрій Никитичъ велѣлъ «ободрать лохматую собаку и, не вымывая шерсти, съ анимальнымъ ея тепломъ и елейностью, обложилъ ея шкурою больное колѣно, а сверху обвязалъ зайченкомъ». Но и это средство не помогало. Нѣкоторую помощь принесли втиранія какого-то ароматическаго спирта, присланнаго больному графомъ Воронцовымъ. Этотъ спиртъ добывался въ Индіи, и для полученія одной стклянки надлежало сдѣлать вытяжку изъ цѣлаго воза благовонныхъ травъ.

Приходилось утѣшаться тѣмъ, что болѣзнь отдаляла апоплексическій ударъ, отъ котораго умирали почти всѣ сородичи Бартенева. На душѣ больнаго было «грустно и безнадежно, все изсякнуло кромѣ животрепещущаго баласта грѣховъ».

Изъ письма Бартенева къ Гаврилѣ Степановичу Попову мы узнаёмъ, кто составлялъ тогдашнее общество князя Голицына.

«Чтò вамъ сказать, почтеннѣйшій Гаврило Степановичъ, о себѣ? Развѣ то только, что такой нужды, какую я здѣсь со своимъ семействомъ переношу, я не имѣлъ даже и во время незабвенной кампаніи 1812 года*). На другой день послѣ моего пріѣзда я уже сдѣлался боленъ и началъ принимать лѣкарства, а въ минуту отправленія этого письма я лежу распростертый на тяжкомъ одрѣ болѣзни, и при томъ нѣсколько уже недѣль, какъ я въ этомъ самомъ положеніи.

Въ первыя недѣли моей болѣзни я не могъ даже двигаться членами моего тѣла; теперь, съ пособіями ближнихъ, я имѣю нѣкоторое движеніе; но кромѣ того, всякаго рода лишенія ежедневно даютъ мнѣ чувствовать свое острое жало. Одно лишь утѣшеніе имѣлъ я на дняхъ, что удостоился пріобщиться Святыхъ Тайнъ Христовыхъ; это подняло упавшій духъ мой и воодушевило меня нѣкоторою надеждой на благость Провидѣнія.

Чтобъ изобразить вамъ чрезъ примѣръ, какая это злосчастная страна Крымъ, скажу только, что мнѣ теперь нужны были піявицы ко вторичному отнятію крови у больной ноги моей; но я не знаю, гдѣ

---

*) Письмо Бартенева о бѣдствіяхъ, испытанныхъ имъ во время похода 1812 года, напечатано П. И. Щукинымъ въ первой части его прекраснаго сборника „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года", часть 1-я, стр. 77—89. Ю. Б.

ихъ отыскать и не имѣю положительной надежды: здѣсь все такъ трудно, а многое невозможно. Все мое семейство, включая въ оное и служащихъ моихъ, болѣе или менѣе здѣсь переболѣло. Я бы бѣжалъ отсюда, какъ отъ великой напасти, если бы болѣзненное ложе не приковывало меня къ себѣ крѣпкими узами. Мы всѣ уныли въ духѣ, холодаемъ и голодаемъ въ полномъ значеніи этого слова. Холодаемъ потому, что нѣтъ печей въ томъ домѣ, гдѣ я прозябаю; а голодаемъ потому, что здѣсь ничего не сыщешь и все въ тридорога противъ самаго даже Петербурга; девять же десятыхъ неизбѣжныхъ вещей въ обыкновенной жизни и сыскать невозможно. Самые необходимые припасы, начиная съ зелени, надобно выписывать изъ губернскаго города, столь отъ насъ отдаленнаго.

Что-жъ касается до благодатнаго старца, то Господь видимо поддерживаетъ его въ цвѣтущемъ здоровьѣ, мирѣ и благоденствіи. Настоящій домъ его гораздо покойнѣе и комфортабельнѣе Петербургскаго; всѣ здѣшніе матадоры, мужчины и женщины, наперерывъ стараются облегчить бремя его уединенія. Графъ Воронцовъ каждый день къ нему является и ежедневными взносами мѣстныхъ произведеній разнообразитъ обыденную жизнь достопочтеннаго князя. Безпрестанное чтеніе, какъ неугасающая лампада, поддерживаетъ теплоту въ мышленіяхъ старца. Графиня Воронцова не доѣдаетъ своего поздняго Англійскаго обѣда, чтобъ поспѣшить перескакать довольно нарочитое пространство пути, дабы въ условленный и привычный часъ утѣшить князя постояннымъ и продолжительнымъ чтеніемъ.

Другой чтецъ князь Мещерскій; тотъ живетъ подъ бокомъ у князя. Этого начетчика ужъ князь самъ уговариваетъ, чтобъ не всѣ сподвалъ читалъ газеты, по обыкновенному обычаю Мещерскаго: такъ живущъ, могучъ и силенъ провинціальный аппетитъ его. Третій начетчикъ есть нашъ Ялтской почтмейстеръ, князь Козловскій; этотъ человѣкъ есть маленькое провидѣніе для меня и семейства моего. Господь не даромъ увѣнчалъ старанія ваши объ немъ, и онъ за вашу доброту платитъ намъ своею добротой. Желая облегчить недугъ мой, князь Козловскій ѣздитъ даже ночью по здѣшнимъ дачамъ отыскивать мнѣ нужныя и необходимыя пособія. Четвертая читательница есть наша Варенька, которую, однако жъ, князь бережетъ и тогда лишь употребляетъ, когда вышеупомянутыя мною лица не найдутся подъ рукой. Теперь онъ рѣже сталъ посылать за нею, чтобъ не лишить меня дочернихъ ея стараній въ продолжительномъ моемъ недугѣ; потому что жена моя и сама едва таскаетъ ноги и растратила свои силы, находясь денно и нощно при одрѣ болящаго.

Благодатный старецъ не перемѣнилъ ко мнѣ своего искренняго, возрастающаго расположенія; не смотря на погоду, онъ часто посѣщаетъ меня, сидитъ съ терпѣніемъ у моей постели и тогда, когда я отъ слабости сплю, не допускаетъ разбудить меня; и вотъ недавно, когда благодатная религія, въ лицѣ ея священнослужителя, принесла мнѣ потиръ со Святыми Тайнами, старецъ у кровати моей колѣнопреклонно встрѣтилъ Святые Дары и со слезами испрашивалъ у Господа облегченія и исцѣленія болѣзни моей. Обыкновенно чрезъ каждые три или четыре дня старецъ даетъ мнѣ милостыню своего общенія. Признаюсь, это одно только утѣшеніе и развлеченіе для томной и упадшей души моей. Не могу умолчать и объ участіи графа Воронцова къ сѣверному пришельцу; и тотъ иногда приходитъ къ кровати моей и даетъ мнѣ замѣтить обязательное созвучіе къ моей немощи; такимъ образомъ нѣсколько разъ заставалъ онъ у меня и князя, и эта сугубая бесѣда доставляла мнѣ нѣкоторое отрадное развлеченіе. Ночей я уже давно не сплю какъ должно, и бурный вой врывающихся здѣшнихъ вѣтровъ отзывается иногда болью въ составахъ моихъ. Единственный здѣшній лѣкарь, который меня лѣчитъ, окрестилъ сперва болѣзнь мою рожею, потомъ притеченіемъ крови, острымъ летучимъ ревматизмомъ, а теперь говоритъ, что это подагра, постоянно уже усѣвшаяся въ колѣнкѣ правой ноги; а я знаю, что это не иное что, какъ враждебный климатъ Крымскій, въ который я поѣхалъ такъ самодовольно пользоваться; сбылась со мною та Русская пословица, гдѣ говорится, что залетѣла ворона не въ свои хоромы. Довольно! Зачѣмъ подобными іереміядами нарушать обычную веселость духа вашего? Я оканчиваю и прошу васъ пожелать мнѣ, чтобъ моя нога сколько-нибудь могла двигаться, и то бы для меня на первый разъ было вожделѣнно».

Въ тотъ же день Юрій Никитичъ занесъ въ дневникъ свой: «Нѣтъ жизни, нѣтъ свѣта въ моемъ подземельѣ. Болтовня, знойныя заботы, какая-то досадливость волнуютъ духъ, и дверь на Востокъ затворена».

Не смотря на уныніе и упадокъ силъ, онъ слѣдилъ за политическими событіями и поддерживалъ оживленную переписку. Доброжелатели не забывали его.

Письмо Симферопольскаго губернатора А. И. Казначеева.

7 го Декабря 1842. Симферополь.

Губернскій городъ — настоящая пародія столицы, карикатурная копія съ великолѣпной картины: въ немъ, какъ и въ столицѣ, такой же недосугъ отъ бездѣлья, суеты и пустословія. Вотъ отчего доселѣ не писалъ я къ вамъ, любезнѣйшій Юрій Никитичъ, и не посылалъ обѣ-

щанныхъ тетрадей моихъ [1]). Посылаю ихъ теперь. Въ нихъ недостаетъ многихъ приложеній, которыя при переходѣ съ квартиры на квартиру куда-то застряли. Авось отыщу и пришлю вамъ въ свое время. По прочтеніи, прошу возвратить мнѣ цѣлостно: у меня копій нѣтъ, слѣдовательно цѣлость посылаемаго для меня необходима.

Отъаукнитесь, ради Христа, каково здоровье ваше? Каково здоровье достопочтеннѣйшаго нашего князя, вашей супруги и Елизаветы Михайловны? Когда день рожденія князя? Не сѣтуйте за вопросы, они отъ души.

При возвращеніи моихъ тетрадей, прошу васъ также взять у князя мою книгу Москвитянина, № 3, гдѣ есть знаменитая статья Посошкова, и пришлите мнѣ ее съ тетрадями.

У меня пріѣзжіе гости, князь Херхеулидзевъ [2]) съ семействомъ; онъ только-что возвратился изъ чужихъ краевъ и мѣшаетъ мнѣ заострить мое посланіе къ вамъ путными идеями. Итакъ, примите его въ настоящемъ камоломъ (чтобы не сказать въ тупомъ) видѣ, съ дружественнымъ снисхожденіемъ. Искренно любящій васъ и уважающій А. Казначеевъ».

9-го Декабря въ дневникъ занесенъ случай, ясно показавшій, въ какомъ печальномъ духовномъ состояніи находился и князь Голицынъ.

«Поутру разбудили жену и потребовали у нея десять большихъ піявокъ. Сказали, что князь занемогъ и что за докторомъ два раза уже посылали. Я сдѣлался весь тревогою, думалъ, что не простудился-ли князь вчера за обѣднею [3]). Посыпались, зароились слои мыслей, предположеній. Посылаю Катю узнать и провѣдать князя на мѣстѣ. Находятъ его здоровымъ. *Онъ припускалъ піявокъ по наряду сомнамбулы*». Случай этотъ сильно огорчилъ Юрія Никитича, а между тѣмъ князь возъимѣлъ намѣреніе лѣчиться отъ своего катаракта на глазу у знаменитой въ то время своими чудодѣйственными исцѣленіями г-жи Турчаниновой и рѣшилъ пригласить ее къ себѣ въ Крымъ. Это очень не понравилось Бартеневу. Домашнія непріятности и болѣзнь, все не прекращавшаяся, омрачали духъ его, и онъ писалъ: «Погребъ мой заваленъ каменьями, чтеніе святыхъ отцовъ не поможетъ-ли найти входъ? Нѣтъ живой надежды; прошу, однако, о томъ Господа».

18-го Декабря болѣзнь усилилась. «Тѣло обратилось въ болячку. Пріѣзжалъ ко мнѣ графъ Воронцовъ прощаться. Разсказывалъ, какъ онъ былъ у Бернадота, о его кротости и незлобіи. Разсказывалъ, какъ

---

[1]) Это было обозрѣніе Тавріи, составленное Казначеевымъ для Наслѣдника-Цесаревича. Ю. Б.

[2]) Керченскій градоначальникъ. Онъ чуть не утонулъ въ Ялтинской рѣчкѣ. Ю. Б.

[3]) Накануне ему минуло 69 лѣтъ Ю. Б.

оговорили его Александру, при вступленіи корпуса, имъ командуемаго, изъ Франціи въ предѣлы Россіи. Сѣлъ на кровать мою и почти со слезами прощался со мною; сказалъ, что и графиня ко мнѣ будетъ. И точно, графиня съ дочерью меня посѣтили. Разсказывала, какъ была у султана. Онъ подарилъ ей двѣ шали и чашку для кофе, въ золотѣ и драгоцѣнными каменьями обдѣланную. Глаза у султана кроткіе, величіе въ лицѣ и доброта. Газетёры не такъ его представляли. Съ любовію и простотой со мною простилась».

Юрій Никитичъ передалъ гр. Воронцову какія-то благочестивыя письма, съ неизвѣстнымъ графу описаніемъ Крыма. Въ тотъ же день въ дневникѣ записано: «Разсѣявалъ себя чтеніемъ Норвегіи и Швеціи изъ Мальте-Брюна *). Пересталъ читать назидательныя книги. Глухая ночь въ сердцѣ. Чувства скитающіяся, сны дурные. Вижу, что душа далеко, чтобы быть очищенною. Слабая надежда, слабая вѣра, вмѣсто любви какое-то полу-непріязненное чувство къ тѣмъ, которыхъ считаю себѣ недоброжелателями. Разговоръ несдержанный и даже ссорящій ближнихъ. Господи помоги, Господи помочь мнѣ потщися!» И проникнувшись настоящимъ религіознымъ чувствомъ, онъ начинаетъ благодарить Бога и за недугъ свой. «Какъ душѣ оглядѣться, пишетъ онъ, какъ не при недугѣ? Въ болѣзни есть тайна: благоговѣю предъ милосердіемъ Божіимъ... Не отметни, Святый Израилевъ, одну единицу, которая простираетъ къ тебѣ руки. Въ житницахъ Твоихъ много зеренъ; что̀ же Твоему неизмѣримому благоутробію значитъ бросить еще одно зернушко къ избранному хлѣбу? Это зернушко—я, попираемое, но не раздавленное еще, по милости Твоей, зерно неполновѣсное, худосочное».

Затянувшаяся болѣзнь навела Бартенева на мысль полѣчиться Саккскими грязями, о чемъ онъ и спрашивалъ А. И. Казначеева, который отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

18 Декаб. 1842. (Симферополь).

Письмецо ваше, любезнѣйшій Юрій Никитичъ, отъ 10-го Декабря, со вложеніями, я имѣлъ удовольствіе получить, и очень радъ, что мои бредни заняли васъ хоть сколько нибудь не безъ пріятности. Жалѣю, что вы не прочли отдѣльныхъ бумагъ; онѣ едвали не любопытнѣе краткой выписки изъ моего дневника.

Вамъ не понравились выраженія: выгоды Краевскія, Краевскіе доходы—и дѣльно. Такіе эпитеты можно бы назвать дѣйствительно Татарскими идіотизмами; но въ моей рукописи нѣтъ краевскихъ, а есть краёвыя выгоды, краёвые доходы, т. е. выгоды и доходы края, мѣстные.

---

*) Malte-Brun (1775—1826), Датчанинъ по происхожденію, ученый географъ нашего столѣтія. Особенною извѣстностью пользовалась его Géographie mathématique physique, politique, 16 vs. Paris 1803—1807. Ю. Б.

Такія выраженія согласны съ свойствомъ и составомъ Русскаго языка. Ошибка, вѣроятно, произошла отъ нечистописанія.

За стихи кн. Вяземскаго искренно благодарю васъ: они доставили мнѣ душевное наслажденіе. Да, почтенный Юрій Никитичъ, Министерство Комерціи также бы полезно было для Россіи, какъ для этого министерства полезенъ кн. Вяземской или ему подобные: дѣло мастера боится.

Сердечно радуюсь посѣщенію графини; она всегда является какъ свѣтлый Ангелъ-утѣшитель тамъ, гдѣ утѣшеніе нужно.

Москвитянина пришлю вамъ послѣ; а теперь скажу нѣсколько словъ о Сакскихъ грязяхъ. Цѣлебныя грязи наши славны съ незапамятныхъ временъ и такъ были извѣстны, что, при занятіи нами Крыма, Великая Екатерина немедленно повелѣла построить тамъ домикъ, который назывался дворцомъ. Я нашелъ его развалины и возвелъ новое строеніе о 12-ти покояхъ со службами, учредилъ на первый разъ что̀ можно было, опредѣлилъ смотрителя и сторожей, пригласилъ маркитанта для снабженія пріѣзжихъ продовольственными припасами, приставилъ и доктора съ аптекою для наставленій и помощи болящимъ. На самомъ ложѣ грязей установилъ двѣ складныя палатки, мужскую и женскую. Теперь, думаю, все это еще въ лучшемъ положеніи; я тамъ давно не былъ. Сіи грязи оказываютъ чудесное дѣйствіе преимущественно въ цѣленіи ревматизмовъ, паралича, затвердѣлыхъ опухолей, заваловъ и внутреннихъ нечистотъ. Сила испарины, производимая грязями, необычайна, но не ослабляюща состава тѣла. Со всѣмъ тѣмъ, изцѣлившіеся отъ недуговъ, недѣлю послѣ употребленія грязей, купаются въ морѣ для скрѣпленія поровъ и омоложенія постарѣлыхъ отъ болѣзней. Самые упорные недуги проходятъ отъ семи грязныхъ ваннъ; для другихъ достаточно четырехъ. Пользованіе грязями начинается въ Іюлѣ мѣсяцѣ и кончается исходомъ Августа. Въ полверстѣ отъ грязей и соленаго озера находится Татарское селеніе Саки, гдѣ устроена почтовая станція, въ 19-ти верстахъ отъ портоваго городка Евпаторіи и въ 40-ка отъ Симферополя. Довольно о семъ покуда; при свиданіи поговоримъ обстоятельнѣе.

Вы говорите, что съ нѣкотораго времени чувствуете себя хуже. Это меня сокрушаетъ! Но я много уповаю на благорастворенный воздухъ нашъ и еще болѣе на всевоскрешающую нашу весну—поэзію въ лицахъ! Она оживитъ всѣхъ... полнымъ благоговѣйнымъ чувствомъ къ Великому Творцу прелестной природы смететъ съ лица земли слабости земныя и недуги душевные, покроетъ ихъ цвѣтами забвенія и воцаритъ блаженство, здравіемъ и христіанскою любовію!

Порадовали вы меня здоровьемъ святаго нашего князя. Его присутствіе въ краѣ нашемъ навѣваетъ на насъ благодать Божію. Дай

Богъ, чтобы и Елисавета Михаиловна избавилась отъ своихъ ревматизмовъ, завезенныхъ сюда изъ Петербурга; они не здѣшнія произведенія и, какъ сѣверныя растенія, должны исчезнуть или испариться на Югѣ.

Жена моя благодаритъ васъ за воспоминаніе и проситъ изъявить ея почтеніе супругѣ вашей; а я цѣлую у нея ручки и усердно кланяюсь младой вашей собесѣдницѣ. Васъ отъ души обнимаю. *А. Казначеевъ.*

При случаѣ, прошу васъ засвидѣтельствовать князю Ал. Николаевичу высокое мое почтеніе.

19 Декабря.

Сего числа вечеромъ пожаловали къ намъ графъ и графиня Воронцовы. Всѣ здоровы. Послѣ завтра отправляются они въ Одессу. Съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминали они о князѣ и говорили о васъ».

Въ это время Бартеневъ принялся за чтеніе Тертуліана, который однако ему мало нравился. По поводу своей жадности къ чтенію онъ пишетъ образнымъ языкомъ своимъ: «Я весь растерялся по окружности круга. Господи, прости мнѣ мое разсѣяніе; не поставь въ ожесточеніе воли, если не утвердившійся въ духѣ больной ищетъ разумичнаго разсѣянія, составляющаго и доселѣ для него постояннаго идола».

А между тѣмъ, не окончивъ Тертуліана, онъ принимается за Гиббонову «Исторію упадка Римской имперіи» и Цшоковы *) «Религіозныя размышленія».

Къ Рождеству здоровье Бартенева стало поправляться, и онъ уже немного сталъ ходить, чему несказанно радовался и во время праздничнаго обѣда неудержимо болталъ, за что сдѣлалъ себѣ такое внушеніе: «излишняя болтовня, хотя и невинная, окрадываетъ молитву, совѣсть туманится, нѣтъ прозрачности во внутренности».

Юрій Никитичъ вѣрилъ снамъ, и его дневники полны описаніями сновидѣній и размышленіями по ихъ поводу. Въ этотъ день онъ видѣлъ во снѣ А. С. Пушкина и проснувшись сталъ горячо молиться объ упокоеніи души его. Чувствуя улучшеніе здоровья, Бартеневъ сталъ приводить въ порядокъ свою библіотеку и бумаги. «Съ нѣкотораго времени, писалъ онъ, подходитъ ко мнѣ духъ раздора, смущаетъ душу мою намеками на ближняго, отнимаетъ мой тощій миръ, указываетъ противную для меня и злую сторону въ людяхъ. Въ рукописномъ сочиненіи Гамалеи я вычиталъ въ Москвѣ, что этотъ духъ и не неизвѣстенъ для практикующаго христіанина. Прошу распятаго

---

[1]) Zschokke (1771—1848), по прозванію Швейцарскій Вальтеръ-Скотъ, писалъ драмы, романы, сказки, историческія сочиненія. Во всѣхъ сочиненіяхъ проводилъ онъ строго нравственныя идеи. Ю. Б.

Искупителя моего спѣшно отогнать отъ меня этого духа, ловко дѣйствующаго на мою темпераментальную раздражительность и глубоко бросающаго сѣмена въ яростную часть души моей».

Бесѣды съ кн. Мещерскимъ, Штеричемъ, директоромъ сада въ Оріандѣ, и «благодатнымъ старцемъ», который часто навѣщалъ его, требуя напр. объясненія сновъ своихъ, наполняли время Бартенева. Любознательность его не ослабѣвала: познакомившись въ біографіи Мишо *) съ жизнью Саади, онъ перечитывалъ о Персіи все что́ имѣлъ подъ рукой. «Пробѣгая исторію этой страны, занесъ онъ въ дневникъ, по Греческимъ и Персидскимъ преданіямъ, всматриваясь въ пышность двора и въ странный этикетъ его, сосчитывая тысячу женщинъ или дѣвицъ, составляющихъ гаремъ шаха, невольно мысли заклубились проникнуть идею Персіи. Къ чему эта страна предназначается, зачѣмъ эти вѣковые застои невѣжества, суевѣрія и гнуснаго магометизма коснѣютъ надъ этимъ земнымъ раемъ; скоро-ли Господь просвѣтитъ этотъ издревле мужественный народъ, надъ которымъ начальствовалъ нѣкогда любимецъ Его Киръ? Перебирая въ мысляхъ возможность обновленія сей страны, почувствовалъ нѣкоторую мягкость, нѣкоторое полувлеченіе ко Господу, но это слабое и для самого себя чуть уловимое движеніе. Перебирая біографію, читалъ слѣдующія жизнеописанія: Сенъ-Мартена, лорда Шафтесбюри и Зороастра. Послѣдняя пьеса обширная, изысканія археологическія, мастерскія, но онъ механически смотритъ на Зороастра; авторъ поставляетъ Зороастра искуснымъ артистомъ или лучше лицедѣемъ, ибо отметаетъ всякое наитіе Божіе». Чтеніемъ психологіи Боттеня и письмомъ къ своему старому знакомому Яну, которому черезъ князя Александра Николаевича Бартеневъ снискалъ благоволеніе графа Киселева, закончился день. А въ заключеніи записи стоитъ помѣта: «мало занимаюсь духовными сочиненіями; не врагъ ли началъ методически дѣйствовать надъ моей волей, вводя ее въ обычные вкусы, отдѣляющіе человѣка отъ хожденія его передъ Господомъ?»

31-го Декабря Юрій Никитичъ настолько уже оправился, что могъ съ нѣкоторою торжественностью встрѣтить новый годъ, освѣтилъ комнаты многими свѣчами, одѣлся, умылся, *надѣлъ тупей* и сѣлъ въ кресла. Пріѣхавшій къ нему князь Козловскій замѣтилъ, что платье на немъ сидитъ какъ на вѣшалкѣ. А когда онъ сталъ «возносить духъ свой ко Господу, то возношенія его были сухи и болѣе нежели земляны».

Такъ окончился скорбный для него 1842 годъ.

Ю. Б.

---

*) Joseph Michaud, членъ Французской Академіи (1767—1839), извѣстный историкъ и публицистъ. Наиболѣе распространена его „Исторія Крестовыхъ походовъ“, 1811—1822. Изданная имъ совмѣстно съ братомъ его „Biographie Universelle“ не утратила до сихъ поръ своего значенія. Ю. Б.

СЕРГѢЙ ТИМОѲЕЕВИЧЪ АКСАКОВЪ КАКЪ ЦЕНЗОРЪ.

Полной и обстоятельной біографіи С. Т. Аксакова, какъ извѣстно, еще не имѣется въ нашей литературѣ. Свѣдѣнія о немъ заимствуются, большею частью, изъ его собственныхъ отрывочныхъ воспоминаній; да еще изъ одной записки его сына И. С. Аксакова, который готовился писать біографію своего брата Константина и оставилъ лишь вступительную главу. Изъ этихъ двухъ источниковъ черпаются всѣ свѣдѣнія объ авторѣ *Семейной Хроники*. Но ни въ томъ, ни въ другомъ почти вовсе не упоминается о служебныхъ годахъ Сергѣя Тимоѳеевича; такимъ образомъ въ его біографіи исторія его служебныхъ годовъ составляетъ вовсе неизвѣстную страницу. Настоящею статьей мы и хотимъ восполнить этотъ именно пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что по этому поводу, при всей скудости біографическихъ свѣдѣній, успѣли уже найти себѣ мѣсто въ печати такія сужденія, которымъ лучше бы и вовсе не появляться.

Напримѣръ, въ одномъ сочиненіи ставится на видъ, будто при воспитаніи С. Т. Аксакова смолоду было сдѣлано непростительное упущеніе: въ немъ старались развить только «правдивость и честную прямоту всѣхъ человѣческихъ отношеній», но проглядѣли, что «рядомъ съ такимъ, такъ сказать, воспитаніемъ чувства правды, истины, должно непремѣнно идти возбужденіе добрыхъ альтруистическихъ чувствъ на счетъ подавленія эгоизма, воспитанія сердца, теплоты душевной»; отъ этого «уже въ ранней юности Аксаковъ оказывается не на сторонѣ прогрессивной части общества, отъ которой шло передовое литературное развитіе Россіи; позади же остался онъ и сорокъ лѣтъ позже, когда повелъ за собою общество Бѣлинскій» *).

За недостаткомъ, видите ли, *альтруистическихъ чувствъ* Аксаковъ и по окончаніи гимназическаго и университетскаго курсовъ въ Ка-

*) „С. Т. Аксаковъ, 1791—1891 гг. Дѣтскіе годы Багрова-внука. Юбилейное изданіе Н. Г. Мартынова. Критико-біографическій очеркъ, соч. Виктора Острогорскаго“, стр. 49 и 68.

зани остался таковъ какъ былъ: «дитя природы и помѣщичьей семьи». Поэтому именно, попавъ даже на службу въ Петербургъ, *некультивированный* ребенокъ не могъ уже воспользоваться «тогдашнимъ пробужденіемъ и всеобщимъ оживленіемъ»; всѣмъ, кипѣвшимъ вкругъ него Петербургскимъ прогрессомъ. А самую эту «эпоху пробудившейся Русской жизни, которую Пушкинъ знаменательно назвалъ началомъ «прекрасныхъ Александровыхъ дней» и къ которой Аксаковъ былъ безучастенъ, авторъ «Очерка» описываетъ такъ: «Пробужденіе особенно замѣтно было въ Петербургѣ, гдѣ кипѣла въ то время вызванная самимъ правительствомъ и патріотическимъ чувствомъ, проснувшимся подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ, законодательная дѣятельность, въ просвѣтительномъ смыслѣ, и чрезвычайно оживилась литература, путемъ особенно переводовъ, знакомившихъ публику съ лучшими историческими, политическими и политико-экономическими сочиненіями... *) Въ обществѣ велись разговоры о реформахъ, обсуждались мѣры и дѣйствія правительства и администраціи. Но все это просвѣтительное общественное движеніе прошло мимо Аксакова, нисколько не повліявъ на его умственное и общественное развитіе. Не говоря уже о крайней молодости и малой образованности, онъ, не отличаясь любознательностью въ смыслѣ научномъ или общественномъ, былъ еще чрезвычайно наивенъ... Послушное старшимъ дитя природы и помѣщичьей семьи, чуждое всякимъ постороннимъ вліяніямъ, дитя, одаренное самороднымъ, но неразвитымъ умомъ и талантами, никѣмъ не культивированными и здраво не направленными» (стр. 67 и 68).

Приведенныя выписки изъ этой диковинной біографіи С. Т. Аксакова, которою украшено «*юбилейное изданіе*» его сочиненій, заранѣе даютъ угадывать, что біографъ отнесется съ особенною строгостью къ цензорской дѣятельности своего юбиляра. Авторъ *Семейной Хроники*, какъ извѣстно и какъ самъ о томъ разсказываетъ въ *Воспоминаніяхъ*, нуждался одно время получить «мѣсто въ Москвѣ съ порядочнымъ жалованьемъ». Благодаря своему хорошему знакомству съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія, А. С. Шишковымъ, С. Т. Аксаковъ и получилъ такое мѣсто. Четыре года съ половиной, именно съ Іюля 1827 года по Февраль 1832 г., онъ состоялъ въ трехъ разныхъ званіяхъ на службѣ по цензурному вѣдомству. По мнѣнію его біографа, должность цензора въ то время, болѣе чѣмъ когда-либо, «требовала великой служебной ловкости, соединенной съ широкимъ образованіемъ и тонкимъ тактомъ; а этихъ качествъ вовсе не было у

---

*) Этими выраженіями свидѣтельствуется, что г. Викторъ Острогорскій недостаточно знакомъ съ исторіею того времени. П. Б.

добродушнѣйшаго Сергѣя Тимоѳеевича» (стр. 86). Главною ему виной, какъ цензору, вмѣняется слѣдующее: «Не понимая значенія Николая Полевого, который въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ» старался проводить болѣе серьезныя требованія отъ литературы... Аксаковъ относился къ «Московскому Телеграфу» слишкомъ строго. Братъ Полевого, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, утверждаетъ, напримѣръ, что, въ качествѣ ближайшаго помощника своего брата, онъ былъ неоднократно свидѣтелемъ отчаянія, въ которое тотъ приходилъ отъ цензорскихъ зачеркиваній Сергѣя Тимоѳеевича» (стр. 86). Въ доказательство той же нелиберальности біографъ ссылается еще на С. А. Венгерова и на П. А. Ефремова. Первый утверждаетъ, напримѣръ, что «при слабомъ развитіи гражданскихъ чувствъ» Аксаковъ даже «не находилъ ничего дурного въ томъ, чтобы поприжать издателя «Телеграфа»; а второй свидѣтельствуетъ, что изданіе стихотвореній Полежаева, процензурованное С. Т. Аксаковымъ, отличается «многочисленными исключеніями», которыхъ въ прочихъ изданіяхъ нѣтъ.

Хотя при изданіяхъ и переизданіяхъ одного и того же сочиненія многія или немногія «*исключенія*» мало зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія цензора, а всякій разъ состоятъ въ непремѣнной связи съ тѣми секретными циркулярами и предписаніями, кои сыплются на цензора свыше и, подобно цвѣту хамелеона, видоизмѣняются не по днямъ, а по часамъ, тѣмъ не менѣе авторъ «Критико-біографическаго очерка» внушительно ставитъ на видъ эту излишнюю строгость, приложенную Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ къ стихотвореніямъ «несчастнаго поэта». Также и по поводу жалобныхъ сѣтованій Ксенофонта Полевого авторъ премудро замѣчаетъ: «такъ какъ до сихъ поръ эти обвиненія не опровергнуты, то приходится признать справедливость факта вымарываній» (стр. 86).

Сообщая нѣкоторыя данныя по поводу цензорской дѣятельности С. Т. Аксакова, мы вовсе не имѣемъ въ виду, впрочемъ, какихъ-либо опроверженій и возраженій. Для всѣхъ, кто хоть мало знакомъ съ отечественною журналистикой 20-хъ и 30-хъ годовъ, вѣроятно, будетъ совершенно неожиданною новостью узнать, что «Московскій Телеграфъ» Полевого представлялъ въ нашей литературѣ какое-то серьезное явленіе. Полагать надо, самъ редакторъ этого журнала считалъ серьезнѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ произведеній «*Исторію Русскаго народа*», а никакъ не свои журнальныя статьи; что̀ же, однако, можно еще представить несостоятельнѣе этого труда, при всемъ притязаніи на какую-то универсальность?

Служебная дѣятельность по цензурному вѣдомству въ подлинномъ формулярѣ С. Т. Аксакова опредѣляется такъ: «Утвержденъ цензоромъ при Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ 1827-го Іюля 22-го; назначенъ къ исправленію должности предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета 1828 Февраля 26. По преобразованіи Цензурнаго Комитета, отъ должности цензора и исправляющаго должность предсѣдателя уволенъ 1828 Декабря 8; причисленъ къ Департаменту Министерства Народнаго Просвѣщенія для особыхъ порученій, 1829 Января 25; опредѣленъ стороннимъ цензоромъ въ Московскій Цензурный Комитетъ 1830 Мая 10; изъ онаго, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, уволенъ, какъ чиновникъ, вовсе не имѣющій нужныхъ для званія сего способностей, 1832 Февраля 23 дня; но увольненіе таковое, какъ удостовѣрилъ Московскій Цензурный Комитетъ, не имѣетъ никакого вліянія на свидѣтельство безпорочной его службы и на продолженіе оной по другимъ частямъ».

Итакъ, назначенный въ должность, когда еще въ силѣ былъ старый Цензурный Уставъ, С. Т. Аксаковъ пробылъ въ должности одинъ годъ и пять мѣсяцевъ, послѣ чего былъ уволенъ. При введеніи новаго Цензурнаго Устава, когда Комитетъ долженъ былъ состоять при Московскомъ Университетѣ, а попечитель дѣлался главнымъ начальникомъ этого учрежденія, многіе изъ Московскихъ литераторовъ и издателей имѣли въ виду ходатайствовать о назначеніи С. Т. Аксакова *«стороннимъ цензоромъ:»* такъ называлась новая должность. Въ этихъ видахъ былъ составленъ адресъ на имя свѣтлѣйшаго князя Ливена (тогдашняго министра народнаго просвѣщенія), который адресъ, впрочемъ, очевидно, не понадобился, такъ какъ и безъ того «стороннимъ цензоромъ» былъ назначенъ прежній предсѣдатель Комитета. Сохранившійся въ прочихъ бумагахъ этотъ адресъ любопытенъ подписями тогдашнихъ издателей и писателей; на этомъ основаніи и приводимъ его въ точности. Вотъ онъ: «Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Извѣстясь, что въ Петербургѣ Цензурный Комитетъ уже открытъ по новому Уставу о цензурѣ, и предполагая, что въ Москвѣ также открытіе должно послѣдовать вскорѣ, мы осмѣливаемся довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, что въ продолженіи дѣйствій прежняго Комитета мы отлично были довольны цензоромъ, исправлявшимъ послѣ должность и предсѣдателя, Аксаковымъ, со стороны его честности, добросовѣстности и дѣятельности. Мы не ласкаемъ себя надеждою, чтобъ ваша свѣтлость, при назначеніи сторонняго цензора въ новый Комитетъ, приняли въ особенное уваженіе сіе наше представленіе, но почитаемъ себя въ обязанности сдѣлать оное. Михайло Дмитріевъ. Князь

Александръ Шаховской. Иванъ Калайдовичъ. Дмитрій Перевощиковъ. Михаилъ Погодинъ. Матвѣй Карніолинъ-Пинскій. Михайло Загоскинъ. Ѳедоръ Кокошкинъ. Н. Ф. Павловъ. Павелъ Строевъ. Семенъ Селивановскій. Осипъ Свѣшниковъ Александръ Ширяевъ. Иванъ Базуновъ, Михаилъ Павловъ. Николай Степановъ. Антонъ Томашевскій. Семенъ Раичъ. 1828-го года Сентября 15 дня. Москва».

Замѣчательно, что новый Цензурный Уставъ *), противъ дѣйствовавшаго прежде, отличался свободой и широтою; но при всемъ томъ, со времени новаго Устава, цензорская должность и сдѣлалась рѣшительно невозможна. Почему такъ, это будетъ видно изъ объясненій самого С. Т. Аксакова, сохранившихся въ его бумагахъ, выдержки изъ которыхъ приводятся ниже, какъ не лишенныя значенія для его біографовъ.

Замѣчательно, напримѣръ, что такая пьеса, какъ «*Сцена изъ Фауста*» Пушкина, долго лежала въ портфелѣ издателя «Московскаго Вѣстника» (Погодина), прежде чѣмъ онъ рѣшился ее напечатать. Хотя въ то время самъ Государь Николай I-й благоволилъ взять на себя цензорство всѣхъ новыхъ произведеній нашего великаго поэта, и «Фаустъ» уже удостоился верховнаго одобренія, тѣмъ не менѣе со стороны цензуры ожидалось затрудненій. И во всѣхъ такихъ неудобовразумительныхъ случаяхъ издатели обращались къ С. Т. Аксакову съ просьбой взять на себя отвѣтственность разрѣшенія; кромѣ того, просили еще его личнаго совѣта, уже не въ качествѣ цензора, а какъ частнаго человѣка, которому вѣрили безусловно. «Я рѣшаюсь напечатать Фауста, пропущеннаго Царемъ, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ (такъ писалъ Погодинъ). Какъ вы думаете? Въ немъ есть соблазнительныя выраженія, если будемъ мы смотрѣть на нихъ порознь; но за ними есть и нравственное. Вникните въ запредпослѣдній монологъ Мефистофеля: въ грубыхъ наслажденіяхъ нѣтъ счастія и проч. Нарочно требую вашего совѣта».

А «*совѣтовать*» по тѣмъ временамъ было чрезвычайно трудно. Цензоръ, руководясь Уставомъ, не исполнилъ бы служебной обязанно-

---

*) Въ составленіи этого Устава, лежащаго въ основѣ и нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ, принималъ ближайшее участіе князь В. Ѳ. Одоевскій (какъ самъ онъ намъ неоднократно сообщалъ); главное же руководство принадлежало Д. В. Дашкову, младшему другу Карамзина, товарищу Жуковскаго и А. И. Тургенева (по Университетскому Благородному Пансіону), человѣку большаго ума и начитанности. Цензурный уставъ 1828 года былъ однимъ изъ благодѣяній новаго царствованія, которое готовило тогда Россіи и увольненіе крестьянъ *съ землею* отъ крѣпостной зависимости. Къ несчастію, благія царскія начинанія и учрежденія у насъ искажаются въ рукахъ исполнителей. П. Б.

сти, еслибы не разрѣшилъ къ печати того, что̀ нимало не противорѣчило Уставу; но поминутно случалось подвергаться выговорамъ и замѣчаніямъ за пропускъ совершенно дозволеннаго по Уставу и однакожъ «*неблаговременнаго*» по усмотрѣнію того или другого вѣдомства, тѣхъ или другихъ учрежденій, независимо отъ Цензурнаго Устава. Въ дѣла̀ по печати вмѣшивались тогда не только министры двора и иностранныхъ дѣлъ, но шефъ жандармовъ и военный генералъ-губернаторъ, даже и оберъ-полицiймейстеръ. Испытавъ уже личнымъ опытомъ, что многое, подлежащее безусловному пропуску по Уставу, возбраняется печатать по «*неблаговременности*», независимо отъ Устава, С. Т. Аксаковъ отнесся къ графу Бенкендорфу особымъ письмомъ по поводу драмы Погодина «*Мареа Посадница*». Аксаковъ разрѣшивъ ее къ печати, такъ какъ она ничего не заключала въ себѣ противнаго Цензурному Уставу, тѣмъ не менѣе, находилъ несвоевременнымъ выходъ въ свѣтъ этого произведенія, въ виду не унявшагося тогда Польскаго мятежа. Съ согласія самого Погодина, цензоръ препроводилъ печатный экземпляръ графу Бенкендорфу и просилъ категорическаго отвѣта. Уклончивый отвѣтъ начальника III-го Отдѣленія. С. Т. Аксакову замѣчателенъ тѣмъ еще, что канцелярія графа не потрудилась справиться объ отчествѣ цензора, и графъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ вмѣсто «Тимоѳеевичъ» поставилъ Французское N. Это письмо помѣчено 1831 года 10 Марта, за № 1301. Вотъ оно:

«Милостивый государь Сергѣй N—ичъ! Искреннѣйше благодаря васъ, милостивый государь, за довѣріе, оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ экземпляръ трагедіи «Мареа Посадница Новгородская», напечатанный по дозволенію вашему, но не выпущенный въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего вы, милостивый государь, съ согласія г. сочинителя сей трагедіи, спрашиваете мнѣнія моего, честь имѣю увѣдомить васъ, что чтеніе сей изящной трагедіи, написанной въ духѣ отлично-благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе, и что я не предвижу ничего могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіе причинъ, побудившихъ васъ, милостивый государь, обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я, со своей стороны, полагалъ бы неизлишнимъ, въ предупрежденіе какой-нибудь непріятности, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ. Предоставляя, впрочемъ, сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію, честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностью, милостивый государь (собственноручно) вашъ покорнѣйшій слуга гр. Бенкендорфъ».

Цензоръ, очевидно уже наученный опытомъ понимать стиль высокопоставленнаго корреспондента, спустя нѣкоторое время вынужденъ былъ вновь просить категорическаго отвѣта: разрѣшить-ли выходъ въ свѣтъ этой «*изящной трагедіи*» или возбранить? Въ одномъ изъ слѣдующихъ обращеній къ графу Бенкендорфу Аксаковъ, между прочимъ, писалъ: «Кавелинъ [1]) извѣстилъ меня о благосклонномъ отзывѣ вашемъ насчетъ трагедіи «Мареа Посадница Новгородская», который мы съ издателемъ приняли съ живѣйшею благодарностью. Осмѣлюсь повторить убѣдительнѣйшую просьбу о разрѣшеніи судьбы ея».

Касательно «*благовременности*» мы нашли въ бумагахъ С. Т. Аксакова еще одинъ запросъ по цензурному вѣдомству, который, по нашему мнѣнію, хорошо характеризуетъ нравственную личность писателя. По усмиреніи Польскаго мятежа 1830—1831-го годовъ, низшы нашей литературы позволяли себѣ самыя скорбныя и пошлыя выходки по адресу *vae victis!* Запрещать печатаніе подобныхъ площадныхъ памфлетовъ, на основаніи Цензурнаго Устава, причинъ не было; между тѣмъ лжепатріотическій духъ такихъ изданій прямо оскорблялъ истинно-народное Русское чувство [2]). Аксакову, какъ цензору, не хотѣлось плодить на себя жалобъ со стороны недовольныхъ авторовъ, и онъ испрашивалъ обузданія подобной патріотической литературы въ нижеслѣдующихъ строкахъ:

«Сторонній цензоръ Аксаковъ честь имѣетъ испрашивать разрѣшенія касательно тѣхъ сочиненій, содержаніе коихъ почему-либо оскорбительно народу Польскому; ибо таково теперь направленіе текущей словесности низшаго разряда. Въ Цензурномъ Уставѣ нѣтъ и не можетъ быть правилъ на сіе временное и частное обстоятельство; но не долженъ-ли цензоръ принять въ соображеніе и руководство послѣдній манифестъ Государя Императора, сего 6-го Октября данный, написанный въ духѣ милосердія и великодушнаго забвенія всего прошедшаго? 1831 г. Октября 15 дня».

---

[1]) Александръ Александровичъ Кавелинъ, пріятель С. Т. Аксакова, назначенный вскорѣ преемникомъ Мердера въ должности воспитателя Наслѣдника-Цесаревича. П. Б.

[2]) По этому же вѣроятно поводу написано Хомяковымъ, нѣсколько позднѣе, стихотвореніе Rittersрruch-Richtersрruch.

Пусть духъ его черенъ, какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло, какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!

Стихотвореніе это означено 1841-мъ годомъ. П. Б.

Жалобы недовольныхъ авторовъ составляли еще не самое главное зло въ терніяхъ тогдашняго цензорскаго служенія. Хуже всего было то, что въ самой пишущей братіи, между тогдашними литераторами разныхъ кружковъ и редакторами соперничествовавшихъ журналовъ, велись постоянные раздоры и, въ связи съ тѣмъ, личность цензора не была застрахована отъ внушеній самаго подозрительнаго свойства. Довольно было цензору угодить одному изъ редакторовъ и не угодить другому, чтобы сейчасъ же между ними началась уже вовсе не-литературная брань, а иная. Въ такомъ случаѣ одновременно поступала жалоба, но не офиціальная, а келейная, и не письменная, а «усты ко устомъ», и на «вреднаго редактора», и на «вреднаго цензора», который мирволитъ-де зловредному направленію, а журналъ съ «благонамѣреннымъ направленіемъ», напротивъ того, «*прижимаетъ*».

С. Т. Аксаковъ, въ теченіе своей цензорской дѣятельности, не избѣгнулъ инсинуацій подобнаго рода. Былъ случай, вынудившій его одинъ разъ въ такихъ обстоятельствахъ просить защиты не только у своего непосредственнаго начальника, но и у графа Бенкендорфа. По сохранившимся черновымъ оригиналамъ приводимъ оба его письма. Первое писано къ его превосходительству А. А. В.[1]), а второе къ его высокопревосходительству графу Бенкендорфу.

«В. п. Послѣ Устава о цензурѣ строгаго (1826 г. Іюля 10-го) послѣдовалъ Уставъ, ему противуположный (1828 г. Апрѣля 22-го); ибо въ первомъ цензоръ, находя двусмысленность, *долженъ* былъ избирать дурной смыслъ; а въ послѣднемъ ему запрещается *произвольное толкованіе рѣчи въ дурную сторону*; предписывается смотрѣть *на духъ сочиненія, а не на отдѣльныя выраженія*. Но въ Январѣ, 12-го, нынѣшняго года [2]) получено въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ секретное предписаніе министра просвѣщенія, гдѣ между прочимъ сказано, что «*цензоръ отвѣтствуетъ не только за статьи, хотя нѣсколько несогласныя съ правилами Устава, но и за двусмысленныя*». Вы сами, ваше превосходительство, согласитесь, что положеніе цензора сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Уставъ позволяетъ—цензоръ запрещаетъ; Уставъ напечатанъ, предписаніе министра—тайна. Конечно, исключать все хотя нѣсколько двусмысленное (а гдѣ его нельзя найти?) и предоставлять сочинителямъ и издателямъ тщетное право жаловаться—дѣло не трудное; но по моимъ понятіямъ это несогласно съ цѣлью правительства, и возбуждать напрасный ропотъ значитъ дурно служить

[1]) Александру Александровичу Волкову, жандармскому генералу въ Москвѣ. П. Б.
[2]) 1831-го, когда начался „Телескопъ". П. Б.

ему. Руководствуясь такими мыслями, до сихъ поръ я исключалъ только то, что̀ было противно явно какому нибудь правилу Устава; всему же темному и двусмысленному старался давать опредѣленное значеніе съ согласія сочинителя или издателей; но никогда не позволялъ себѣ произвольнаго толкованія. Теперь же я долженъ поступать напротивъ. Сторонній цензоръ, разсматривающій журналы и вообще текущую словесность, не можетъ не имѣть враговъ: чего-жъ не сдѣлаютъ они теперь, если узнаютъ, что цензоръ отвѣчаетъ за двусмысленности? Слѣдствія сего я уже испытываю на себѣ; ибо на сихъ дняхъ, въ первой статьѣ перваго нумера журнала «Телескопъ» *О направленіи современнаго просвѣщенія*, въ статьѣ совершенно благонамѣренной, нѣкоторыя отдѣльныя фразы были перетолкованы кѣмъ-то въ дурную сторону, вслѣдствіе чего правящій должность оберъ-полиціймейстера вытребовалъ къ себѣ издателя «Телескопа» и доказывалъ ему, что статья имѣетъ вредное направленіе; а меня призывало начальство (попечитель Московскаго университета) и приказало мнѣ быть еще строже и осторожнѣй».

«Представляя статью сію на строжайшій судъ просвѣщенному судьѣ, я осмѣливаюсь сказать, что подозрѣваю неблагонамѣренность въ тѣхъ людяхъ, которые первоначально перетолковали въ дурную сторону ея отдѣльныя фразы; ибо возбуждать въ мѣстномъ начальствѣ подозрѣніе и недовѣрчивость и тѣмъ оскорблять людей честныхъ и благонамѣренныхъ есть только вѣрный способъ вредить ему. Итакъ, я прошу у вашего превосходительства огражденія отъ подобныхъ перетолкованій Московскаго полиціймейстера. Въ самомъ Евангеліи можно найти слова и выраженія, которыя, будучи отдѣлены отъ текста, могутъ заключать разные смыслы. При настоящемъ затруднительномъ положеніи цензурныхъ дѣлъ, безъ особенной довѣренности и защиты правительства, цензоръ не можетъ исполнять должность съ надлежащею твердостью и увѣренностью».

По тому же поводу С. Т. Аксаковъ писалъ графу Бенкендорфу слѣдующее:

«На сихъ дняхъ подана мною особая записка его превосходительству А. А. В., которая вѣроятно уже доставлена и вашему высокопревосходительству; но я не могъ открыть въ ней всего и рѣшился отнестись прямо къ вамъ. Вотъ моя искренняя исповѣдь. Уже годъ тому назадъ (въ это время я не былъ еще вторично опредѣленъ цензоромъ) гг. Погодинъ, Надеждинъ, Томашевскій и я, рѣшились издавать журналъ для доставленія публикѣ не только пріятнаго, но и полезнаго чтенія, для распространенія благонамѣренной любви къ просвѣщенію и для оппозиціи нѣкоторымъ журналамъ, особенно «Теле-

графу», котораго духъ, направленіе и невѣжество въ наукахъ мы считали и считаемъ вредными во всѣхъ отношеніяхъ. Меня опредѣлили цензоромъ и, по моему образу мыслей, я счелъ за неприличное участвовать въ изданіи журнала: ибо должность моя имѣетъ вліяніе на типографіи и книгопродавцевъ. Я отстранился, но трое моихъ прежнихъ товарищей привели въ исполненіе общее наше намѣреніе, и «Телескопъ» издается съ 1831 года. Первою статьею «*о направленіи современнаго просвѣщенія*» (сочиненіе г-на Надеждина, отъ имени котораго издается журналъ) ясно показаны духъ и цѣль журнала. Мнѣ не нужно убѣждать; я прошу только, чтобъ вы прочли сію статью и обратили благосклонное вниманіе на страницы (указаны цифрами). Посудите, ваше высокопревосходительство, объ удивленіи и оскорбленіи нашемъ, когда за эту самую статью, въ честь правительства и цѣлой націи написанную, правящій должность оберъ-полиціймейстера, г. Мухановъ вытребовалъ чрезъ казаковъ къ себѣ издателя «Телескопа», объявилъ ему, что піеса его имѣетъ скверное направленіе, что его цензоръ не знаетъ что̀ подписываетъ и что это будетъ имѣть дурныя послѣдствія. Въ тоже время и о томъ же получилъ отношеніе отъ военнаго генералъ-губернатора попечитель Московскаго университета, какъ предсѣдатель Цензурнаго Комитета. Онъ призывалъ меня къ себѣ и требовалъ строжайшей осторожности. Во всякомъ другомъ случаѣ и для постороннихъ это было бы комическимъ происшествіемъ, но для насъ это дѣло слишкомъ важно. Осмѣливаюсь, ваше в. превосходительство, утвердительно сказать, что подозрѣваю умыселъ въ тѣхъ людяхъ, которые первые злонамѣренно перетолковали нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, чистыхъ и невинныхъ, и тѣмъ внушили подозрѣніе мѣстному начальству: ибо безъ сей цѣли мысль такая не могла родиться. Я не жалуюсь, а исповѣдую вамъ правду, испрашивая себѣ на будущее время огражденія, а журналу покровительства: ибо онъ вполнѣ его заслуживаетъ».

Постоянныя непріятности, неизбѣжныя по тѣмъ временамъ при исполненіи должности цензора, разразились наконецъ надъ С. Т. Аксаковымъ отставкою его отъ должности по высочайшему повелѣнію. Выписываемъ журнальное опредѣленіе Комитета по этому поводу.

«Выписка изъ журнала Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 26 Февраля сего (1832) года.

Слушали: отношеніе его свѣтлости г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 18-го Февраля сего года, за № 218, на имя его сіятельства, г. попечителя*), коимъ изъясняетъ, что въ недавнемъ времени появилась въ Москвѣ книжка, подъ названіемъ: *Двѣнадцать спящихъ*

*) Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда свѣтлѣйшій князь К. А. Ливенъ, а попечителемъ Московскаго университета князь С. М. Голицынъ.

буточниковъ, пропущенная въ печать цензоромъ Аксаковымъ. Государь Императоръ, прочитавъ оную книжку, изволилъ найти, что она заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій Московской полиціи въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ, написанная самымъ простонароднымъ языкомъ, приноровлена къ грубымъ понятіямъ низшаго класса людей, изъ чего видимо обнаруживается цѣль распространять чтеніе ея въ простомъ народѣ и внушить оному неуваженіе къ полиціи. Наконецъ, предисловіе сей книжки, равно какъ и слѣдующее за онымъ обращеніе къ цензурѣ, писаны съ явнымъ нарушеніемъ всякаго приличія и благопристойности. Его Императорское Величество, заключая изъ сего, что цензоръ Аксаковъ вовсе не имѣетъ нужныхъ для званія сего способностей, высочайше повелѣлъ уволить его отъ сей должности. Въ исполненіе сего высочайшаго повелѣнія его свѣтлость г. министръ проситъ его сіятельство, г. попечителя, учинить распоряженіе къ увольненію г. Аксакова отъ цензорской должности. Опредѣлено: принять къ надлежащему исполненію, почему извѣстить о вышеприсанномъ высочайшемъ повелѣніи г. Аксакова выпискою сей статьи изъ журнала (что̀ симъ и исполняется). Секретарь-адъюнктъ Щедритскій *).

Къ сожалѣнію, такимъ образомъ, ничтожное произведеніе пріобрѣло громкую извѣстность (въ шестидесятыхъ годахъ оно повторено вторымъ изданіемъ). На сколько имя автора *Семейной Хроники* не умретъ въ лѣтописяхъ Русской литературы, на столько и разсказъ объ этомъ печальномъ эпизодѣ будетъ переходить изъ рода въ родъ. Что шутливое произведеніе *Двѣнадцать спящихъ буточниковъ* шутка весьма плохая и самаго дурного тона, разумѣется, это неоспоримо; но что цензоръ вовсе не отвѣтчикъ за неизящность той словесности, которую разрѣшаетъ къ печати на основаніи Устава, это также безспорно.

Замѣчательно, что почти одновременно съ карою за пропускъ этой ничтожной книжки обрушился на несчастнаго цензора еще гнѣвъ тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора по случаю такой вины, которая казалась бы вовсе не подлежитъ вмѣненію. Единственнымъ объясненіемъ возникшей тогда переписки между генералъ-губернаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія о неисправности цензора Аксакова можетъ служить именно только общеизвѣстность постигшаго его тогда увольненія столь чрезвычайнымъ образомъ.

Отъ Мая 20 дня, того же 1832 г., была написана слѣдующая записка С. Т. Аксаковымъ на имя князя Дмитрія Владимировича Голицына.

---

*) Измаилъ Алексѣевичъ Щедритскій (род. 1792), адъюнктъ, позднѣе экстраординарный профессоръ Россійской словесности, Географіи и Статистики въ Московскомъ университетѣ, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по цензурному вѣдомству. 22 Дек. 1832 года онъ также уволенъ былъ отъ должности секретаря Московскаго Цензурнаго Комитета.
П. Б.

«Милостивый государь князь Дмитрій Владимировичъ! Прошу у вашего сіятельства справедливости и десяти минутъ для прочтенія этого письма. Начинаю съ того, что я ничего не ищу и ничего не прошу. Я желаю получить то, на что имѣю полное право—доброе ваше мнѣніе, потому что я дорожу имъ: ибо уважаю въ васъ не только государственнаго сановника, но и человѣка. Увольненіе отъ должности цензора не столько меня оскорбило, какъ отношеніе вашего сіятельства къ министру народнаго просвѣщенія, по поводу дошедшей до васъ жалобы коллежскаго совѣтника Тростина; жалобы собственно не на меня, а на сочинителя одной статьи, напечатанной по моему позволенію въ Альманахѣ *Элизіумъ* *), гдѣ выведено лицо, названное Тростинымъ. Ваше сіятельство именно обвинили меня одного, и въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для моей чести. Вамъ самимъ отдаю на судъ все дѣло. Вы написали, что «я измѣнилъ довѣренности правительства, что отговорки мои изобличаютъ вѣтренность, что я дурно исполнялъ мою должность, и что меня слѣдовало-бы предать законному наказанію»... Такая обида, судъ и осужденіе чиновника, котораго дѣйствія не могутъ быть вамъ неизвѣстны, поразили меня удивленіемъ и огорченіемъ. Это мое особенное несчастіе: ибо не вашему сердцу написать такой жестокій и незаслуженный приговоръ человѣку, уже и безъ того пострадавшему, смѣю сказать, невинно. Вотъ мои оправданія. Я родился въ Оренбургѣ, учился въ Казанскомъ университетѣ, служилъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ живу пять лѣтъ и, увѣряю васъ честнымъ словомъ, что я не слыхивалъ о существованіи этого почтеннаго старика, Тростина. Во-вторыхъ, еслибъ я цѣлый вѣкъ жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, то и тогда долженъ-бы былъ одобрить къ напечатанію вышесказанную статью: ибо въ ней выведенъ богатый Украинскій дворянинъ и помѣщикъ, а настоящій Тростинъ человѣкъ бѣдный, изъ разночинцевъ, живущій пятнадцать лѣтъ на скудной пенсіи. Нужно-ли прибавлять еще, что всѣ наши книги наполнены вымышленными, произвольными фамиліями, которыя существуютъ въ Россіи, и что цензоръ не можетъ знать людей никому неизвѣстныхъ, еще менѣе ихъ домашнихъ обстоятельствъ?»

«И такъ, въ чемъ-же я виноватъ, ваше сіятельство? Не будете-ли вы сами жалѣть, когда отношеніе ваше къ министру воспрепятствуетъ мнѣ получить другое мѣсто, обѣщанное мнѣ бывшимъ начальникомъ моимъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ, что̀, по небогатому моему состоянію, лишитъ меня возможности жить въ Москвѣ и воспитать десятерыхъ дѣтей: цѣль, для которой я живу на свѣтѣ? Я

*) Элизіумъ, альманахъ на 1832 г. Соч. П. Іовскаго, въ 16 д. листа. П. Б.

не написалъ-бы этого письма къ другому знатному вельможѣ, но къ вамъ, который славится просвѣщеннымъ и благороднымъ образомъ мыслей, смѣло пишу его и жалуюсь вамъ—на васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть, ваше сіятельство, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугой Сергѣй Аксаковъ».

Выраженіе глубокаго уваженія своего къ личности тогдашняго генералъ-губернатора не было со стороны С. Т. Аксакова только фразой. Во всю свою жизнь онъ отзывался о князѣ Дмитріи Владиміровичѣ, какъ о рѣдкомъ человѣкѣ по нравственному его достоинству. Въ одномъ изъ празднествъ въ честь князя, которыми нерѣдко его чествовала Москва, С. Т. Аксаковъ принималъ самое искреннее участіе; сказать къ слову, онъ терпѣть не могъ подобныхъ празднествъ, которыя большею частью имѣютъ оффиціально - лживый характеръ. Потребовалось тотъ разъ, по заведенному тогда обычаю, составить привѣтъ въ стихахъ чествуемому гостю-юбиляру, который привѣтъ и распѣвали хоромъ пѣвчихъ подъ музыкой цѣлаго оркестра за торжественнымъ обѣдомъ. Любопытно, что клубскіе товарищи обратились къ С. Т. Аксакову для составленія этого привѣта князю Дмитрію Владиміровичу, и вмѣстѣ съ отпечатаннымъ оттискомъ сохранился собственноручный С. Т. Аксакова черновой набросокъ этихъ застольныхъ куплетовъ. Въ нихъ, при всей ихъ подобающей торжественности, неизбѣжной въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе поминается, что именно золотое сердце князя и его человѣческое достоинство чтятся дороже всего его поклонниками.

«Инцидентъ» съ *Двѣнадцатью спящими буточниками* лишилъ Аксакова мѣста цензора, но не заслуженной имъ извѣстности безукоризненно-честнаго человѣка. Такъ какъ онъ продолжалъ «нуждаться въ мѣстѣ съ достаточнымъ жалованьемъ» и за него ревностнѣе чѣмъ когда-либо хлопотали именно по постигшему его несчастію, то онъ былъ «опредѣленъ инспекторомъ Константиновскаго Землемѣрнаго Училища 1833-го г. Октября 19 дня; по преобразованіи сего Училища въ Константиновскій Межевой Институтъ утвержденъ директоромъ онаго 1835-го года Мая 28-го; назначенъ членомъ во Временной Комитетъ, учрежденный для постройки зданій Константиновскаго Межеваго Института, 1836-го Мая 16-го»: такъ значится въ его формулярѣ.

Непосредственнымъ его начальникомъ при исполненіи имъ этой должности былъ Ив. Устиновичъ Пейкеръ, о которомъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», а главнымъ начальникомъ министръ юстиціи Д. В. Дашковъ... Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, при

опредѣленіи на эту новую должность, С. Т. Аксаковъ имѣлъ съ министромъ разговоръ по поводу своей прежней цензорской дѣятельности. Этотъ разговоръ показался ему настолько значителенъ, что былъ собственноручно записанъ имъ на память. Разговоръ былъ и въ самомъ дѣлѣ назидателенъ во многихъ отношеніяхъ. Приведемъ его сполна, И. У. Пейкеръ ввелъ С. Т. Аксакова въ кабинетъ министра и сказалъ: «вотъ г. Аксаковъ, о которомъ я говорилъ вашему превосходительству».

А. Честь имѣю рекомендовать себя, ваше в. превосходительство.

М. А!. (отвелъ въ сторону и заговорилъ съ однимъ Аксаковымъ). Я очень радъ. Вы служили предсѣдателемъ Цензурнаго Комитета?

А. Во все время его отдѣльнаго существованія; а потомъ стороннимъ цензоромъ въ Цензурномъ Комитетѣ при Московскомъ Университетѣ.

М. Итакъ, вы дѣйствовали и по новому Уставу?

А. Полтора года, в. в. п.

М. Замѣтили-ли вы разницу въ дѣлахъ при исполненіи двухъ уставовъ?

А. Весьма большую и страшную. Первый Уставъ былъ стѣснителенъ, неприличенъ нашему времени. Онъ дѣлалъ цензора инквизиторомъ, позволяя ему отгадывать темную мысль сочинителя и преслѣдовать его судомъ. Второй Уставъ, напротивъ, написанъ въ духѣ законной свободы, съ полнымъ желаніемъ дать возможность сочинителю не опасаться никакихъ перетолкованій въ дурную сторону.

М. Благодарю васъ. Я трудился въ его составленіи.

А. Я этого не зналъ.

М. Я именно имѣлъ эту цѣль.

А. Съ прискорбіемъ долженъ я сказать вашему в. превосходительству, что при прежнемъ жестокомъ, варварскомъ Уставѣ цензура дѣйствовала гораздо свободнѣе, сочинители были довольны, и Комитетъ Цензурный не получалъ ни одного выговора, а нѣсколько благодарностей за осторожность въ дѣйствіяхъ.

М. Я полагаю, что Комитетъ значитъ—вы, и что благоразумныя ваши дѣйствія были тому причиной.

А. Никакъ нѣтъ, в. в. п. Я не позволилъ-бы себѣ такого хвастовства. Причина состоитъ въ томъ, что прежній Уставъ не былъ нарушаемъ, а послѣдній искаженъ министерскими, частными, секретными предписаніями, совершенно противуположными его свободному духу.

М. Неужели?

А. Смѣю васъ увѣрить. Я даже позволилъ себѣ возставать противъ этого письменно, опираясь на послѣдній пунктъ Устава, гдѣ сказано, что «ни малѣйшаго изъятія и измѣненія безъ высочайшей воли допущено быть не можетъ».

М. Что же изъ этого послѣдовало?

А. Прямого отвѣта я не получилъ; но поправки нѣкоторыхъ предписаній показали мнѣ, что моя бумага отчасти была уважена. Не смотря на это, результатъ таковъ, что два цензора отставлены, Комитетъ получаетъ безпрестанные выговоры, а издатели журналовъ плачутъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ, что̀ могъ, пожертвовавши собою, исполняя должность по духу Устава и по моему правилу: не возбуждать напраснаго ропота противъ правительства.

М. Я не хотѣлъ напомнить объ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ.

А. Простите мою смѣлость, в. в. п., когда я скажу, что я не считаю этого случая несчастнымъ. Онъ показалъ мнѣ мою душевную энергію и общественное мнѣніе, которое узнать весьма лестно въ минуту такъ называемаго несчастія, и этотъ же случай даетъ мнѣ возможность имѣть должность подъ начальствомъ в-го в. п-ства.

М. Много чести. Старикъ Ливенъ не могъ оцѣнить васъ. Это щекотливая и опасная должность. Скажите откровенно?

А. Особенно цензора сторонняго, который читаетъ журналы, альманахи и всю легкую, текущую, такъ сказать, словесность. Главная же непріятность состоитъ въ томъ, что въ цензурное дѣло всѣ вмѣшиваются: министръ двора, министръ иностранныхъ дѣлъ, Бенкендорфъ, военный генералъ-губернаторъ, даже оберполицеймейстеръ.

М. Послѣднему какое дѣло?! (къ Пейкеру). Иванъ Устиновичь! Вы слышите, что̀ говоритъ г. Аксаковъ?

П. Я съ большой жаждой слушаю.

М. Это совершенная истина. И вотъ вамъ образчикъ, какъ исполняется воля Государя! (обратясь къ Аксакову). Буду очень радъ озна-

комиться съ вами покороче и употребить на пользу по ввѣренному мнѣ министерству отличныя ваши дарованія и качества, о которыхъ я много наслышался...

А. За добрую волю мою я ручаюсь, в. в. п.; желаю только, чтобы мои способности отвѣчали моему усердію, потому что служить подъ вашимъ начальствомъ я—не для фразы—считаю за особенное счастіе.

*

Годы служебной дѣятельности въ біографіи такого писателя какъ С. Т. Аксаковъ, разумѣется, не представляютъ большой важности; тѣмъ не менѣе, судя даже и по этимъ скуднымъ матеріаламъ, касающимся его цензорства, нельзя не замѣтить... того по крайней мѣрѣ, какъ мелки и легковѣсны, напримѣръ, тѣ отзывы, обращики которыхъ мы привели въ началѣ этой статьи.

Служеніе Аксакова въ новой должности продолжалось около пяти лѣтъ. Въ 1838-мъ году, по измѣнившимся семейнымъ обстоятельствамъ, за смертію его родителей, С. Т. Аксаковъ покинулъ службу, и уже навсегда. Въ атестатѣ, выданномъ ему при выходѣ въ отставку въ 1839-мъ году Мая 31 дня, читается такъ: «Объявитель сего, коллежскій совѣтникъ Сергѣй Тимоѳеевъ сынъ Аксаковъ, отъ роду 48-ми лѣтъ, изъ дворянъ, родоваго имѣнія у него Оренбургской губерніи въ Белебеевскомъ уѣздѣ 423 души и Симбирской губерніи въ Ставропольскомъ уѣздѣ 374 души; по прошенію уволенъ, за болѣзнію, вовсе отъ службы 1839-го г. Января 24-го».

Государственная служба, скажемъ въ заключеніе, никогда не была «*предметъ его привычныхъ думъ*»; онъ одно время прямо былъ вынужденъ искать (какъ самъ пишетъ въ своихъ напечатанныхъ Воспоминаніяхъ) «мѣста съ порядочнымъ жалованьемъ, и при томъ въ Москвѣ». Какъ только дѣла его въ этомъ отношеніи поправились, онъ оставилъ службу навсегда.

Н. М. Павловъ.

ПИСЬМО ГРАФА Г. Г. КУШЕЛЕВА КЪ ЕГО КРЕСТНИКУ ГРАФУ Д. Н. ШЕРЕМЕТЕВУ [1]).

Любезный сынъ по воспріятію отъ купели, милостивый государь мой графъ Дмитрій Николаевичъ!

Вступая вы сіе число въ такія лѣта, что уже какъ собою, такъ и имѣніемъ своимъ можете управлять сами, безъ посредства опеки, и токмо въ единственномъ случаѣ относительно каковыхъ либо сдѣлокъ по имѣнію нужно вамъ согласіе попечителя, долгъ мой, яко крестнаго отца вашего, при семъ случаѣ сказать вамъ то, чтò необходимо нужно для вашего истиннаго благополучія.

Вы доселѣ руководились наставниками какъ благонравія, такъ и приличныхъ званію вашему наукъ; и хотя уже оказали быстрые успѣхи въ оныхъ, но все должны продолжать заниматься оными по пословицѣ «вѣкъ живи и вѣкъ учись». Кромѣ тѣхъ языковъ, въ коихъ уже вы успѣли, нуженъ еще Аглинской, какъ по сношенію нашему съ Англіею, такъ и потому, что наономъ языкѣ много хорошихъ и глубокомысленныхъ сочиненій и книгъ. При томъ не меньше нужно вамъ заняться правовѣдѣніемъ, какъ всѣхъ нашихъ коренныхъ законовъ и уложеній, также и правъ Римскихъ, кои суть основаніемъ многихъ сосѣдственныхъ Россіи государствъ. При семъ томъ нужно тщательно наблюдать, чтобъ не прельщаться изъ оныхъ таковыми, которыя несвойственны нашему отечеству [2]). Россія управляется своими сообразными своея величности и пространству земель коренными законами, и каждое отъ оныхъ отступленіе будетъ вредною для нея новостію. Итакъ, всего нужнѣе основательно знать свое отечество, свои законы не

---

[1]) Подлинникъ хранится у графа С. Д. Шереметева, и мы приносимъ ему нашу благодарность за сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ этого достопамятнаго письма. П. Б.

[2]) Графъ Г. Г. Кушелевъ былъ человѣкъ простой, а какую правду сказалъ? Нынѣ и въ Германіи тяготятся Римскимъ правомъ и пытаются дать просторъ праву обычному. Въ напоминаніи объ Англійскомъ языкѣ слышенъ морякъ. П. Б.

токмо тѣмъ, кои посвящаютъ себя гражданской службѣ, но и тѣмъ, кои проходятъ воинское званіе; ибо по имѣнію своему множество встрѣтится случаевъ, гдѣ должно прибѣгать подъ защиту законовъ. Притомъ же и изъ военнаго званія часто назначаются въ управители губерній, или въ Сенатъ, или судьи; а потому стыдно будетъ не имѣть основательнаго познанія законовъ.

Вамъ также нынѣ предлежитъ избрать родъ служенія Государю и отечеству. Правда, что всякаго рода служеніе, когда оно исправляемо будетъ съ честностію, безкорыстіемъ и основано на любви къ отечеству и ревности къ Государю, равно полезно и равно честно; но кажется, что долгъ дворянина, когда онъ не имѣетъ каковыхъ либо болѣзненныхъ недостатковъ, приличествуетъ посвятить себя на защиту своего отечества, то есть избрать сначала воинское служеніе, для котораго потребно познаніе какъ математическихъ наукъ, укрѣпленія мѣстъ или крѣпостей, также и полевыя или временныя укрѣпленія, артилерію, въ чемъ вы уже и успѣли. Кромѣ того нужно знать фрунтовую службу, тактику, и когда уже достигните до значительныхъ чиновъ, тогда уже, кромѣ нужныхъ познаній нижнихъ чиновъ офицерскихъ, потребуются обширныя познанія тактическія, глазомѣръ, занятіе выгодныхъ позицій, также какъ продовольствовать ввѣренную армію, какъ соблюдать оную и не изнурять ненужными движеніями, снискать любовь и довѣренность отъ подчиненныхъ, быть осторожну, осмотрительну и наблюдать строгость, растворенную любовію и справедливостію. Притомъ нужно знать силу и свойство непріятеля, умѣть воспользоваться съ быстротою всякою онаго оплошностію и упущеніемъ.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ и въ какомъ бы званіи ни находились, любовь къ отечеству, вѣрность къ Государю и усердное исполненіе возлагаемыхъ на васъ должностей должны быть свято соблюдаемы. Часто можетъ случиться, что и военные чины употребляются въ дипломатику; тогда нужно тщательно охранять пользы нашего отечества, а потому нужно знать всѣ соотношенія того государства, съ которымъ предлежитъ трактовать, дабы не быть вовлечену въ какую-либо ошибку.

Итакъ, разсмотрѣвъ роды служенія, коснемся теперь того, какъ вамъ себя вести должно, вступя на поприще свѣта. Конечно ваше состояніе будетъ льстить многихъ пріобрѣсти ваше дружество, паче отъ сверстниковъ вашихъ; но вамъ должно быть весьма осмотрительну и выбирать такихъ, коихъ поведеніе извѣстно по ихъ честности и безкорыстію. Совсѣмъ должно удаляться отъ таковыхъ, коихъ поведеніе сомнительно; ибо ничто такъ не вредно для молодова человѣка,

какъ дурное сообщество. Убѣгайте картежныхъ игръ и всѣхъ таковыхъ сообществъ, гдѣ нравственность потерпѣть можетъ.

Итакъ, прошедъ разсмотрѣніемъ то, чтò для временнаго вашего благополучія нужно, коснемся теперь и до того, чтò потребно и къ вѣчному вашему блаженству. Мы составлены изъ тѣла и души; тѣло смертно, и все наше счастіе, чины, ордена, почести вмѣстѣ съ тѣломъ снидутъ во гробъ, душа же наша безсмертна. Итакъ нужно пещись, чтобъ и по ту сторону гроба она наслаждалась благами, обѣщанными Христомъ Спасителемъ нашимъ, когда мы исполнимъ предписанное намъ Его словомъ въ Священномъ Писаніи. Потому-то, любезный графъ Дмитрій Николаевичъ, убѣдительно прошу васъ, для истиннаго и вѣчнаго вашего блага, читайте чаще Евангеліе и посланія святыхъ апостолъ, гдѣ найдете божественное нравоученіе, кое превосходитъ чистотою всякое философическое умствованіе, то есть древнихъ философовъ. Нынѣ же называющіе себя философы не суть философы, но развратники, безбожники, которые не токмо отступили отъ истины, но и другихъ стараются отвлещи отъ истинной вѣры во Христа Спасителя. Они доказали революціею Французскою, какъ бѣдственно ихъ ученіе и какъ пагубны ихъ развратныя правила. Прошу васъ, остерегайтесь сего яда; помните, что вашъ родитель былъ истинный христіанинъ и каждый разъ, по своей дружбѣ ко мнѣ, убѣдительно просилъ меня напоминать вамъ, чтобы вы не совратились съ пути истиннаго христіанства и удалялись развратной новой, обольстительной, пагубной философіи.

Въ протчемъ на сей разъ, сократя мои разсужденія, остаюсь всегда васъ любящій и пекущійся о истинныхъ вашихъ пользахъ отецъ воспріемной и покорнѣйшій слуга графъ Григорій Кушелевъ [1]).

1820 году Февраля 3 дня [2]).
Петербургъ.

---

[1]) Адмиралъ графъ Г. Г. Кушелевъ скончался въ глубокой старости въ 1833 году. П. Б.

[2]) Т.-е. въ день рожденія графа Д. Н. Шереметева. Ему исполнилось тогда 17 лѣтъ. П. Б.

ПИСЬМА ГРАФА Д. Е. ОСТЕНЪ-САКЕНА

къ бывшему секретарю Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи И. У. Палимпсестову.

Графъ Димитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ долженъ быть причисленъ къ тѣмъ доблестнымъ сынамъ Россіи, которые почти во всю свою жизнь готовы были съ геройскимъ мужествомъ и полнымъ самоотверженіемъ положить свою душу за вѣру, царя и отечество *).

На трудовую жизнь графа и дано было ему время: онъ родился въ 1793 году и скончался 3 Марта 1881 года.

Письма графа ко мнѣ не имѣютъ никакой связи съ его боевыми подвигами, и при томъ не мнѣ, кроту, болѣе полувѣка рывшемуся въ землѣ, говорить объ этихъ подвигахъ. Я посвятилъ себя трудамъ по сельскому хозяйству, а графъ Димитрій Ероѳеевичъ всѣмъ сердцемъ любилъ эту первооснову жизни Русскаго народа. Вотъ гдѣ причина нашей взаимности. Прибавлю къ этому: графъ, состоя на службѣ въ Новороссійскомъ краѣ, завѣдывалъ между прочимъ тамошними военными поселеніями, и это побудило его изучать сельское хозяйство, чтобы поставить его среди поселянъ на болѣе вѣрные пути. И какъ благотворны были его труды! Какая разумная была планировка селъ и деревень военнаго вѣдомства; какіе помѣстительные, согласные съ требованіями гигіены, были построены домá для этихъ поселянъ; и какая чистота была не только въ нихъ, но и на дворахъ, и на улицахъ! Ни одного поселянина, жены его и дѣтей нельзя было встрѣтить въ лохмотьяхъ или въ грязи. Едва ли я ошибусь, если скажу, что въ этихъ поселеніяхъ не было кабаковъ; если это невѣрно, то вѣрно то, что среди этихъ поселянъ не было пьянства. Обработка земли, посѣвы, уборка хлѣбовъ велись подъ строгимъ надзоромъ, и на нихъ не лежало печати небрежности. Всѣ поселяне имѣли и лошадей, и коровъ, и воловъ, и овецъ,

---

*) Въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона читаемъ, что графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ участвовалъ въ Персидской войнѣ 1826—1827 гг.; во время Турецкой 1828—1829 гг. состоялъ во главѣ штаба Кавказскаго корпуса; во время Польской войны нанесъ 7 Іюня 1831 г. совершенное пораженіе корпусу Гелгуда подъ Вильною и 16 овладѣлъ Ковной; въ 1849 г. участвовалъ въ Венгерской войнѣ и, наконецъ, въ Крымской 1853—1856 годовъ.

и стада домашнихъ птицъ. Среди нихъ не было богатыхъ, но всѣ они имѣли въ изобиліи насущный хлѣбъ.

Графъ Дмитрій Ероѳеевичъ былъ большой любитель лѣсоразведенія и старался пріохотить къ нему поселянъ. И вотъ въ его время, при его трудахъ, въ церковныхъ оградахъ и по улицамъ росли деревья; мало этого: при нѣкоторыхъ поселеніяхъ были лѣсныя рощицы или плантаціи шелковичнаго дерева. О, что̀ увидѣлъ бы графъ, взглянувъ на эти поселенія въ настоящее время! И гдѣ та лѣсная растительность, которая украшала ихъ? Лѣтъ двадцать пять тому назадъ мнѣ привелось быть въ одномъ бывшемъ военномъ поселеніи. Не видя по улицамъ деревьевъ, ни знакомой мнѣ рощицы, я подхожу къ одному старику, сидѣвшему на завалинѣ, и говорю: что̀ это у васъ теперь дѣлается? Старикъ со слезами на глазахъ отвѣчалъ: „волю дали, да палку взяли“ [1]).

Но перехожу къ письмамъ графа. П.

1.

Пріютъ, 1-го Дек. 1864.

Прискорбно мнѣ, почтенный Иванъ Устиновичъ, сообщить вамъ неблагопріятный отвѣтъ.

Возвратите мнѣ письмо Ахматова [2]).

Прежде, когда я не былъ еще столько проникнутъ религіею, призваніемъ человѣка, желаніемъ царства небеснаго, при всякой потерѣ или неудачѣ я утѣшалъ себя мыслію—гдѣ наше не пропадало! Теперь всецѣло предаю себя въ волю Божію и не желаю ничего относительно собственно себя, кромѣ воли Его. Не знаю, къ которому изъ этихъ двухъ возрастовъ принадлежите вы? Во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ утѣшеній примѣните къ себѣ.

Масляную рѣдьку (Raphanus Chinensis) сѣю я уже 6 лѣтъ по 5 фунтовъ на десятину; сѣю каждый годъ одну десятину для пчелъ. Не смотря на то, что съ этимъ растеніемъ обходились какъ съ пасынкомъ, оно и перестаивалось, и при перевозкѣ высыпалось; ибо всю нѣжность обращали на ленъ и пшеницу, и присные упрекали меня, зачѣмъ я сѣю его (масло для стола отличное, лучше подсолнечнаго): не смотря на все это, маслячная рѣдька давала огромный урожай, на цѣлинѣ лучшій; но я сѣялъ и на второмъ полѣ. Теперь, когда бы при продажѣ предложили 11 рубл. за четверть, стану сѣять въ боль-

[1]) Говорятъ, что теперь нѣкоторые изъ поселянъ нашихъ внутреннихъ губерній лошадей не имѣютъ, и число этихъ безлошадныхъ земледѣльцевъ доходитъ до 40% Тяжелыя вѣсти! П.

[2]) Тогдашняго оберъ-прокурора Св. Синода. П. Б.

шихъ размѣрахъ. Послѣ вашего письма и присные помирились съ Китайской рѣдькой. Желая подѣлиться съ союжанами этимъ драгоцѣннымъ растеніемъ, посылаю вамъ 10 фунтовъ, прося раздать для разведенія семянъ. Сѣять какъ горчицу. Я примусь дѣлать наблюденія раціональныя и сообщу ихъ вамъ для Записокъ; но только въ такомъ случаѣ, когда мы доживемъ.

Превосходной статьей вашей я восхищаюсь и по поводу ея пришлю вамъ свою статью. Подкрѣпленіе мое будетъ слабѣе относительно вашей силы; но все-таки подкрѣпленіе: «кто не противъ васъ, тотъ за васъ».

Вы по истинѣ удивительный человѣкъ: я не видалъ васъ въ глаза и знаю только по вашимъ статьямъ и люблю васъ. Самую сухую матерію въ вашихъ сочиненіяхъ вы дѣлаете занимательной, вмѣшивая кстати остроумныя шутки, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ и обличеніе.

На счетъ статьи вашей, можетъ быть, я сдѣлаю болѣе, нежели вы думаете.

Извините за подражаніе вашей прекрасной калиграфіи. Когда-то въ почеркѣ подлежалъ я укору Николая 1-го и не поправилъ своего сквернаго почерка.

Прочтите непремѣнно статью мою о войнѣ 1831 года въ Октябрьской книжкѣ Военнаго Сборника. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

2.

Пріютъ, 12-го Дек. 1864 г.

Почтенный Иванъ Устиновичъ! Не знаю, будете-ли вы довольны моей статьей. Но я далъ этому дѣлу болѣе обширный ходъ, и если послѣ будетъ успѣхъ, то сообщу вамъ своевременно.

Пришлите мнѣ статьи моей отъ 20—25 экземпляровъ. Не знаю, почему вы въ этомъ мнѣ отказывали.

Статьи мои, которыя я посылалъ въ Записки Южнаго Общества до послѣдней войны, и теперь хранятся у меня въ особыхъ тетрадкахъ. Изъ Военнаго Сборника я также всегда получаю ихъ.

Что же памятникъ Михаила Семеновича Воронцова? *).

---

*) Я состоялъ секретаремъ комитета по сооруженію этого памятника, но не могу припомнить, по какому случаю графъ сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ, 12 Декабря 1864 г., когда памятникъ былъ открытъ 8 Ноября 1863 г. Думаю, что я писалъ ему о моемъ на-

Помогите въ измѣненіи положенія о поощреніи по лѣсоводству и не переставайте дѣйствовать съ настойчивостію по этому важному предмету.

По части механики безпрестанно изобрѣтаютъ новыхъ двигателей вещественныхъ. Изобрѣтайте же двигателей духовныхъ и покажите въ этомъ и усердіе, и находчивость. Богъ одарилъ васъ свѣтлымъ умомъ и даромъ слова. Не зарывайте же таланта, въ которомъ потребуютъ у васъ отчета въ день суда.

Не останавливайтесь на прекрасномъ, славномъ, громометальномъ этюдѣ вашемъ. Стращайте, поражайте, при малѣйшей возможности поощряйте!

Предсѣдатель общества [1]) и раціональный Струковъ [2]) должны всѣми силами и изобрѣтаемыми средствами стремиться къ возбужденію разведенія лѣсовъ въ различныхъ видахъ. Нельзя ли устроить общество возбужденія?

Извините, что на первой страницѣ я подражалъ вашей калиграфіи, не бывъ вами на это уполномоченъ.

Еще повторяю относительно лѣсоводства. Страшитесь застоя — état stationnaire! Кто въ какомъ либо дѣлѣ останавливается, тотъ уже нисходитъ и наконецъ низвергается во тьму кромѣшную.

Съ новымъ удовольствіемъ повторяю искреннее къ вамъ почтеніе и преданность. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. Не смотря на сочувствіе къ вамъ, вообразите, что я вовсе не знаю вашихъ нравственныхъ качествъ и вѣрованія. Знаю только умственныя способности и ученость. До послѣдней дошелъ самъ, а о первыхъ не отъ кого освѣдомиться. Но относительно вѣрованія созерцаніе ваше природы подаетъ мнѣ успокоительныя надежды.

Разсмотрите хорошенько статейку; если есть, сдѣлайте поправки.

мѣренія посадить деревья вокругъ или вблизи этого памятника (что я и исполнилъ), и на эту посадку графъ дѣлаетъ намекъ. Разведеніе древесной растительности было дорого его сердцу. П.

Теперь деревья эти пышно разрослись и даже закрываютъ собою прекрасный Одесскій памятникъ князю М. С. Воронцову. Этотъ памятникъ, лѣтъ десять тому назадъ, былъ виденъ во всей красѣ своей только со стороны соборной церкви. П. Б.

[1]) Графъ М. Д. Толстой.

[2]) Инспекторъ сельскаго хозяйства Юга-Россіи.

3.

Пріютъ, 28 Декабря 1864 г.

Желаніе ваше, почтенный Иванъ Устиновичъ, исполнено, но съ измѣненіями; потому что вы не довольно знаете сердце человѣка и самолюбіе, которое не допускаетъ его признаться въ ошибкѣ, и въ особенности ко введенію въ обманъ дѣлопроизводителемъ, что̀ поставило бы человѣка настоять на своемъ. Вы не знаете правила военной науки: разбитому наголову непріятелю ставить златой мостъ, чтобы не привести его въ отчаяніе и не заставить изъ отчаянія драться на смерть. Я принялъ вину на себя и писалъ между прочимъ: «Вы не знали всѣхъ этихъ обстоятельствъ, и непростительна съ моей стороны и въ мои лѣта вѣтренность передать вамъ поверхностно дѣло, въ чемъ прошу у васъ прощенія».

Передавъ ему [1]) употребленіе, которое я сдѣлалъ изъ статьи вашей: «Перемѣнился-ли климатъ Юга Россіи?» я пишу: «Убѣдительно прошу васъ прочесть эту статью, которая дастъ обильную пищу вашей любознательности и относительно одной уже науки будетъ вамъ полезна».

(По нездоровью пишу диктуя).

Если бы буква закона поставляла препятствіе, то я увѣренъ, что вы духомъ закона отразите ее. Я всегда цѣнилъ отсутствіе въ васъ матеріальности [2]) и преобладаніе отвлеченности духа; и это увеличивало мое къ вамъ сочувствіе. Хотя вы и не пишете прямо о вашемъ вѣрованіи, но прекрасный текстъ изъ Евангелія и Свящ. Писанія позволяетъ мнѣ съ увѣренностью сказать: Христосъ съ вами!

Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

4.

Дер. Пріютъ, 8 Іюля 1866 г.

Я такъ виноватъ предъ вами, почтенный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ, что совѣстно писать къ вамъ. Ничего не могу найти въ мое оправданіе: если я былъ боленъ или чрезвычайно занятъ, то былъ

---

[1]) Т. е. графу А. Г. Строганову? П. Б.

[2]) Графу было извѣстно, что я за должности секретаря и редактора при Имп. Обществѣ С. Хозяйства Южной Россіи жалованья не получалъ, и Богъ свидѣтель, и радъ былъ, что трудился безъ жалованія. Въ одномъ изъ собраній этого Общества предсѣдатель его, графъ А. Г. Строгановъ, предложилъ собранію: выдать мнѣ 600 р. изъ остатковъ, по сдѣланному разсчету, на расходы Общества. Я отказался принять это вознездіе за мои труды. И если на комъ, то на мнѣ исполнилось народное вѣрованіе: За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. За 17-лѣтніе мои труды по этому Обществу я награжденъ кускомъ земли, который даетъ мнѣ кусокъ хлѣба. П.

и здоровъ и менѣе занятъ. Мнѣ остается только просить у васъ великодушнаго прощенія немощи моей. Сколько разъ собирался я сказать вамъ, какъ пріятно мнѣ было читать статью вашу о климатѣ, какъ восхищался ею и вполнѣ раздѣлялъ ваше мнѣніе; но—«ну, поди-жъ ты!» По Сентябрьской и Октябрьской (кажется) статьѣ вашей: «Перемѣнился-ли климатъ на Югѣ Россіи?» я не получилъ отвѣта; но изъ нѣкоторыхъ распоряженій правительства вижу, что мой голосъ остался не вовсе безплоднымъ.

Я давно собираюсь написать и послать вамъ статью о сѣвообоpотѣ въ нашемъ краѣ; но—«ну, поди-жъ ты!»

Я вовсе не знакомъ съ настоящимъ оберъ-прокуроромъ Сунода. Съ предыдущимъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и здѣсь можно примѣнить мысль изъ басни Воза съ горшками:

„Но отъ друзей,
Какъ отъ враговъ, всегда толчки".

Не написать-ли мнѣ по прежнему о васъ дѣлу къ настоящему оберъ-прокурору? Можетъ быть онъ, не въ качествѣ друга, будетъ менѣе толкаться? Въ положительномъ случаѣ, если обстоятельства не измѣнились, пришлите мнѣ новую краткую записку, безъ титуловъ и многословія, со сжатымъ изложеніемъ дѣла [1]) и четкимъ почеркомъ; ни въ какомъ случаѣ съ вашей калиграфіей, чтобы я могъ препроводить эту записку.

Отъ всего сердца обнимаю васъ. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

5 [2]).

Давно я ратоборствую противъ выродковъ Русскихъ, проживающихъ наши деньги на Западѣ Европы. Все это подражаніе и чувство ложнаго стыда, который источникъ безконечныхъ золъ. Я убѣжденъ, что изъ этихъ жильцовъ за границей бо́льшая часть проклинаетъ и моду, и чувство ложнаго стыда, заставляющихъ ихъ жить внѣ отечества. Они скучаютъ и по квасу, и по щамъ, и по икрѣ, и по Русскимъ пирогамъ, и по грешневой кашѣ, царицѣ кашъ. Но отстать отъ другихъ стыдно: прослывешь человѣкомъ отсталымъ. Не могу не сказать, что мнѣ жаль только Русскихъ денегъ; а сами эти молодые люди для Россіи ни къ чему не пригодны.

[1]) Старость беретъ свое; я несу на раменахъ своихъ 80-й годъ жизни и не могу припомнить дѣла, о которомъ говоритъ графъ. П.

[2]) Первая половина этого письма мною затеряна. П.

Отвращеніе мое жить за границей безъ необходимости покажутъ вамъ прилагаемые стихи, написанные мною въ Каннахъ.

Кстати еще о чувствѣ ложнаго стыда. Какъ вамъ нравятся тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, не различая vin de côte отъ сотерна и Донского отъ Шампанскаго, отворачиваютъ носы отъ Русскаго вина? Между тѣмъ, какія прекрасныя вина, при посредственной фабрикаціи, въ Закавказьѣ, Крыму, Бессарабіи! У фельдмаршала Паскевича въ Варшавѣ подавалось за столомъ Кахетинское, Бургонское и Бордоское почетнымъ гостямъ предпочтительнѣе Французскаго.

Очень забавно, что Бессарабскія вина возятъ въ Ригу и передѣлываютъ ихъ тамъ, добавляя спирту, подъ вкусъ Польскихъ пановъ, которые пьютъ его за Испанскія и другія.

Много гадостей необходимо намъ стряхнуть съ себя. Еслибы можно было составить общество пораженія ложнаго стыда!

Я ничего не пишу о сущности вашей статьи, потому что буду говорить о томъ въ моей статьѣ. Да поможетъ вамъ Богъ подвизаться на общую пользу! Вы одарены словомъ, ясностью ума, сжатостью слога, пріобрѣли познанія; не зарывайте таланта вашего.

Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. Зачѣмъ ваши прекрасныя Записки [1]) въ такомъ маломъ объемѣ? Неужели не достало бы у васъ матеріаловъ?

*

Отвѣтъ тѣмъ, которые удивлялись недостаточной восторженности моей при созерцаніи красоты и величія природы на берегахъ Средиземнаго моря, въ Каннахъ, 8-го (20) Декабря 1858 г.

Все такъ, но мнѣ Пріютъ [2]) милѣй:
Онъ Богомъ данъ благословенный.
Покоится тамъ прахъ священный
Того, чей духъ на небесахъ.
Здѣсь всѣ окрестности въ садахъ,
Здѣсь лѣтомъ вешняя прохлада,
Зимой не ощущаешь хлада,
Зимою ароматъ лилей.

---

[1]) Записки Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, издаваемыя тогда въ Одессѣ И. У. Палимпсестовымъ. П. Б.

[2]) Деревня подъ Елисаветградомъ, гдѣ жилъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. П. Б.

Все такъ, но мнѣ Пріютъ милѣй.
Тамъ зиждется во славу Бога
Храмъ Вознесенія Христа;
Сотрется въ немъ гордыня рога,
И у подножія креста,
Съ душею чистой, отрезвленной,
Познавши міра суету,
Съ любовью пламенной къ Христу,
На путь мы вступимъ вожделѣнный
Любви дѣлами; тѣмъ путемъ
Мы рай небесный обрѣтемъ.
Пышна здѣсь красота природы,
Ярчѣе зелень здѣсь полей,
И выше горы, чище воды.
Все такъ, но мнѣ Пріютъ милѣй.
Предъ нами островъ Маргериты
Тамъ знатный мученикъ страдалъ,
Желѣзной маскою сокрытый,
Въ тоскѣ ужасной увядалъ.
Взгляну направо съ грустной думой,
И вдался въ море изъ полей
Тамъ Эстерель *) въ красѣ угрюмой.
Все такъ, но мнѣ Пріютъ милѣй.
Въ Россіи подвигъ совершаетъ
Благословенный свыше Царь,
Постыдное пятно смываетъ:
Рабовъ въ Россіи нѣтъ, какъ встарь.
И врагъ свободы содрогнулся,
Смутился непривычный слухъ,
И здравый Русскій смыслъ очнулся,
Распространился Русскій духъ.
Очами духа я когда
Въ восходъ твой ясный прозираю,
Съ какою радостью тогда
Я жребій твой благословляю!
Могу ль-же я не предпочесть
Пріюта Русскаго, родного?
Тамъ все: надежда, слава, честь,
Тамъ столько для меня святого!

Графъ Д. Остенъ-Сакенъ.

*) Цѣпь горъ.

6.

20 Ноября 1867. Дер. Пріютъ.

Почтенный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ.

Простите за непростительно запоздалый отвѣтъ на любезное письмо ваше отъ 16-го Сентября. Любезное по выраженіямъ, но не по дѣйствіямъ. Признаюсь, что письмо это очень огорчило меня, и я вознегодовалъ на васъ: отказаться отъ мѣста редактора Записокъ, на которомъ вы приносили столько общественной пользы, и еще быть причиною закрытія этихъ разумныхъ Записокъ, по убѣжденію моему, преступно. Бѣдное Новороссійское хозяйство! На полупути, въ самое горячее время его развитія, вы затормозили его. Вы имѣли полное право просить жалованья, по званію редактора, и я увѣренъ, что члены общества не отказали бы вамъ; но письмо ваше выражаетъ, что вы ни на какихъ условіяхъ оставаться не хотѣли.

Я негодовалъ на васъ при полученіи письма; а когда въ послѣднемъ № Записокъ прочелъ извѣщеніе о ихъ закрытіи, то негодованіе это возрасло еще болѣе. Негодованіе мое на васъ равняется привязанности, которую вы мнѣ внушили приносимою вами нашему благодатному краю пользой, вашими познаніями, опытностью и умомъ.

Могутъ-ли замѣнить Записки, издаваемыя подъ вашимъ руководствомъ, два тома статей, которыя уже были помѣщены тогда, когда сельское хозяйство развитіемъ своимъ все болѣе и болѣе идетъ впередъ, и при постоянномъ быстромъ усовершенствованіи науки не можетъ оставаться въ состояніи застоя, état stationnaire?

Обнимаю васъ отъ души, призываю на васъ и близкихъ вамъ благословеніе свыше. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

7.

24 Ноября 1867. Дер. Пріютъ.

Достойный, милый и вмѣстѣ съ тѣмъ несносный, покойный редакторъ Записокъ, Иванъ Устиновичъ!

Посылаю вамъ давно обѣщанную статью.

Въ другихъ редакціяхъ журналовъ получаю я всегда отъ 20 до 30 экземпляровъ моихъ статей особыми тетрадками. Не понимаю, почему вы въ этомъ затрудняетесь. Вы когда-то нашли придуманное вами средство, но все-таки оставили его безъ исполненія. Если не пришлете 30 экземпляровъ, то огорчите меня.

Повторяю вамъ носъ и нахлобучку за оставленіе редакціи.

Пушкинъ писалъ къ портрету Барклая:

„И наконецъ,
Былъ долженъ уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко“.

Власть понудила его къ тому; а вы добровольно уступаете вашъ замыселъ, обдуманный глубоко, замыселъ разлить свѣтъ науки сельскаго хозяйства въ юномъ, восходящемъ краѣ. Непростительно! Святые мученики болѣе васъ терпѣли, но не отступали отъ мученій; а вы зарываете талантъ, врученный вамъ отъ Бога; а казалось, что вы такъ любили Новороссійскій край.

Отъ всего сердца обнимаю милаго покойника, желая, чтобы онъ воскреснулъ съ моей легкой руки.

Передайте мой искренній поклонъ крестному брату моему, графу Михаилу Дмитріевичу [1]), брату потому, что отецъ его былъ моимъ крестнымъ отцомъ; я бы желалъ, чтобы онъ прочиталъ письмо мое. Увѣренъ, что мы взаимно вашею кончиной сострадаемъ другъ другу и что онъ употребитъ все стараніе исполнить просьбу мою.

Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

8.

18 Февраля 1868. Пріютъ

Милый, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Плугъ я получилъ и описаніе его поручилъ составить управляющему моимъ имѣніемъ Яцкевичу. Простите, если это описаніе явится не безъ граматическихъ ошибокъ и ошибокъ противъ языка. Благодарю за присылку отдѣльныхъ тетрадокъ статей моихъ. Неужели, спрашиваю, мое предложеніе о памятникѣ [2]) предастся забвенію, какъ забыто нашими обитателями голой степи лѣсоразведеніе? Это было бы очень прискорбно и выражало бы общество хохловъ, которые для дневнаго сна избираютъ всегда мѣсто на солнцѣ, ненавидя тѣнь, и верстовые столбы считаютъ тѣнистыми.

[1]) Толстому. П. Б.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о постановкѣ памятника незабвенному для Юга Россіи лѣсоводу В. П. Скаржинскому. П.

Я былъ очень обрадованъ продолженіемъ Записокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огорченъ предположеніемъ—только на одинъ годъ. Какъ упало Московское Общество Сельскаго Хозяйства послѣ выбытія достойнаго секретаря и редактора Записокъ Степана Алексѣевича Маслова!

Призываю на васъ и полезное служеніе ваше благословеніе свыше, отъ всего сердца обнимая васъ. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

9.

1-го Августа 1868. Дер. Пріютъ.

Достойный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Сейчасъ получилъ письмо ваше отъ 28 Іюля и, не теряя и минуты, спѣшу отвѣтить вамъ.

Много могу сказать я въ свое извиненіе, но не отрицаю моей виновности и прошу у васъ великодушнаго прощенія; но какъ могли вы вообразить себѣ, что я могъ оскорбиться чѣмъ-либо? Оскорбляются люди, лишенные чувства внутренняго достоинства, и можно ли оскорбиться посвященіемъ статьи, что̀ выражаетъ и сочувствіе, и уваженіе? Напротивъ, нельзя быть болѣе обязаннымъ и признательнымъ за прекрасную, полезную статью вашу, не имѣющую слабой или неудовлетворительной стороны.

Опасная болѣзнь жены—воспаленіе легкихъ. Спаситель исцѣлилъ ее; но болѣзнь была продолжительная. Нѣсколько несу и собственныхъ болѣзней.

Заботы большія, при скудныхъ средствахъ, по окончаніи превосходной, цѣнной церкви, которая, если Богъ благословитъ, будетъ освящаться 1-го или 2-го Сентября. Но все это не имѣетъ основанія; ибо, если бы не неосмотрительность, то я имѣлъ бы время написать нѣсколько словъ, и мнѣ остается еще извиненіе въ Русской пословицѣ—«ну, поди-жъ ты!»

Христіанская покорность ваша радуетъ меня и заслуживаетъ и одобренія и подражанія. Съ полною любовью и сочувствіемъ обнимаю васъ, призывая благословеніе свыше. Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

10.

5 Декабря 1868. С. Пріютъ.

Достойный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Примите живѣйшую благодарность мою за Сборникъ [1]) статей о сельскомъ хозяйствѣ, отъ котораго ожидаю много пользы, въ особенности отъ всѣхъ вашихъ статей, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ: о климатѣ, объ обработкѣ земли, о водахъ.

У насъ нѣтъ никакой системы сѣвооборота, и потому я полагаю, статьею моею о раціональномъ хозяйствѣ принести значительную пользу, и радовался какъ дитя; но исключивъ ее изъ Сборника, вы разочаровали меня [2]). И потому прошу васъ съ полною откровенностію сообщить мнѣ, что̀ вы нашли въ ней неправильнаго и вреднаго для хозяйства? Указаніе ваше я приму съ особенною признательностію, и если буду убѣжденъ, то, не ломая общаго строя принятой системы, измѣню въ моемъ хозяйствѣ по возможности. Поспѣшите увѣдомить.

Сообщите мнѣ также, какъ общество ваше будетъ дѣйствовать безъ Записокъ вашихъ сельскаго хозяйства? Мнѣ кажется, что это неудобно. Обмѣна мыслей необходима.

Сообщите мнѣ также, гдѣ можно будетъ, еслибы я рѣшился, пріобрѣсти обработникъ Христофорова? Можно ли отдѣльно одни лемехи съ почвоуглубителями? Будутъ ли они дѣлаться у Фендриха, и какая приблизительно цѣна?

Призываю на васъ и близкихъ вамъ благословеніе свыше, отъ всего сердца обнимая васъ. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. Графу М. Д. Толстому передайте мой искренній привѣтъ.

Будетъ ли испрошено позволеніе о сооруженіи памятника В. П. Скаржинскому и составлена ли подписка?

---

[1]) Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи, при моемъ редакторствѣ ихъ, издавались всего въ 250 экз., а въ прежніе годы еще въ меньшемъ количествѣ; а между тѣмъ нельзя было не видѣть въ нихъ статей полезныхъ для хозяйства Юга Россіи. Мысль составить и издать отдѣльною книгою Сборникъ изъ лучшихъ статей этого журнала принадлежитъ незабвенному архипастырю Херсоно-Таврическому Иннокентію, состоявшему почетнымъ членомъ этого Общества. Мною былъ составленъ Сборникъ, въ видѣ большаго тома до 1000 страницъ въ два столбца; но въ составъ его вошла только часть статей, могущихъ принести пользу хозяевамъ Юга Россіи. Предполагалось составить и другой подобный томъ; но я, оставивши мою службу при Обществѣ, не могъ осуществить этого истинно-добраго дѣла. П.

[2]) По составленной мною системѣ для Сборника, эта статья графа должна была войти во второй томъ Сборника, о чемъ я и писалъ ему. Другія статьи его вошли въ первый томъ Сборника. П.

11.

Достойный, искренно любимый Иванъ Устиновичъ!

Письмо ваше отъ 25 Января чрезвычайно обрадовало меня. Хотя триста десятинъ и не соотвѣтствуютъ вашимъ заслугамъ, если онѣ и отведены будутъ весьма выгодно и по условіямъ мѣстности, но не менѣе того вниманіе къ вашей службѣ было мнѣ очень пріятно.

Я принялъ бы замѣчаніе ваше на статью мою съ искреннею признательностью, но вы пишете, что система моя безукоризненна. Не могу скрыть отъ васъ, что это принесло мнѣ большое удовольствіе. Спеціальность новаго редактора—химія, почему отъ васъ будетъ зависѣть передать г. Сокольскому мнѣніе ваше о статьѣ: «О введеніи раціональнаго хозяйства въ Новороссійскомъ краѣ».

Хотя я и не пользовался вашимъ обществомъ, но все-таки мнѣ грустно знать про ваше удаленіе въ Крымъ, если вы намѣрены тамъ поселиться. Переписка съ вами была для меня очень пріятна, и я желалъ бы по временамъ продолжать ее. Увѣдомьте меня, гдѣ вы намѣрены основать ваше жительство?

Напишите мнѣ, въ какой степени, по вашему мнѣнію, полезно пріобрѣсти землеобработникъ Христофорова? Также: можно-ли найти въ Одессѣ рухадло, гдѣ и по чемъ?

Вы очень обрадовали меня извѣстіемъ о С. А. Масловѣ, къ которому я привязанъ душею и глубоко уважаю. Вы когда-то хотѣли навѣстить В. В. Скаржинскаго. Еслибъ вамъ нельзя было пріѣхать ко мнѣ, то я пріѣхалъ бы къ вамъ.

Увѣдомьте меня, съ какими формальностями поднесли вы Государю вашъ Сборникъ, драгоцѣнное пособіе для хозяевъ Новороссійскаго края? Не знаете-ли вы, читалъ-ли, вслѣдствіе письма моего, Государь статью вашу: «Измѣнился-ли климатъ на югѣ Россіи?» Послѣ письма моего къ Его Величеству стали выходить постановленія касательно лѣсовъ.

Призываю на васъ и близкихъ вамъ благословеніе свыше, отъ всего преданнаго вамъ сердца обнимая васъ.

Христосъ съ вами. Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P. S. О изданіи Записокъ общества на 1869-й годъ я нигдѣ не читалъ. Потрудитесь увѣдомить, откуда ихъ выписать и сколько послать денегъ?

12.

6-го Февраля 1869. С. Пріютъ.

Достойный, искренно-любимый Иванъ Устиновичъ.

Еще къ вамъ просьба, о которой упомнилъ при послѣднемъ письмѣ моемъ. Въ журналахъ чрезвычайно расхваливаютъ трубчатые колодцы, употребляемые въ Америкѣ и Англіи. Они, какъ пишутъ, въ полчаса готовы. Въ 1-мъ номерѣ Землед. Газеты пишутъ, что въ Вѣнѣ нѣкто Шульгофъ превзошелъ Американскіе и Англійскіе колодцы и что они стоятъ самую бездѣлицу. Для здѣшняго края въ особенности, и для всѣхъ Крымцевъ вообще, было бы введеніе этого способа истинною драгоцѣнностью. Вы мнѣ окажете не одолженіе, а благодѣяніе, узнавъ, какимъ способомъ и за какую цѣну можно выписать одинъ экземпляръ этихъ колодцевъ. Если отъ общества нельзя будетъ пріобрѣсти, то дайте себѣ трудъ, для общественной пользы, убѣдить г. Фендриха и К° выписать нѣсколько экземпляровъ. По описанію, снарядъ очень простъ, и Фендрихъ, изготовляя у себя, извлекъ бы большую пользу. Необходимо также и руководство для установленія, ибо въ журналахъ неясно.

13.

С. Пріютъ, 17 Февраля 1875 г.

Радостное привѣтствіе моему милому блудному сыну [1]) и другу Ивану Устиновичу. «Изгибъ бѣ и обрѣтеся».

Отъ души благодарю васъ за signe de vie и за высокопарное поздравленіе съ произведеніями моего юбилея 12 Декабря, который чуть не возросъ до Ромулова apothéose.

Я также думаю, зачѣмъ вы разстались съ любимою вами наукою; полагаю, что вы и въ Одессѣ могли бы соорудить церковь [2]). По любви и народности, пріобрѣтенной вами въ Одессѣ, вамъ также было бы легко соорудить и тамъ церковь. Но сію минуту замѣтилъ, что говорю вздоръ: безъ воли Творца ничего не совершается; слѣдовательно, переселеніе ваше предопредѣлено было при сотвореніи міра.

---

[1]) Это титулъ за оставленіе мною Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. П.

[2]) Здѣсь намекъ на Феодосійскій Александро-Невскій соборъ, надъ сооруженіемъ котораго я имѣлъ счастіе потрудиться. Но въ созиданіи этого святаго дома молитвы всѣ видѣли непосредственную помощь свыше. Закладку этого собора совершилъ въ Бозѣ почившій архипастырь Гурій 30 Апрѣля 1872 г. По совершеніи этого священнаго обряда, пришедши въ мой домъ, владыка подаетъ мнѣ просфору и говоритъ со слезами на очахъ:

Не вините батюшку Суворова, предъ которымъ я благоговѣю. Многіе святые отцы дѣлали тоже изъ любви къ ближнимъ и удостоивались царства небеснаго. Но честь и слава и, безъ сомнѣнія, царство небесное вамъ за сооруженіе изящнаго храма! Но какъ могли вы приспособить храмъ для 250 человѣкъ на 2000? [1])

Если васъ не чрезъ мѣру обременитъ, то пришлите мнѣ бруліовъ плана (безъ фасада), только планъ безъ масштаба, проставя разстоянія цифрами.

14.

12 Апрѣля 1876. С. Пріютъ.

Христосъ воскресе!

Дорогой, искренно любимый, высокоцѣнимый другъ, Иванъ Устиновичъ! Нѣтъ словъ для выраженія радости моей при полученіи письма вашего отъ 28 Марта. Итакъ, мы опять будемъ жить совмѣстно, припѣваючи. Я иногда буду пріѣзжать къ вамъ въ Одессу, а вы будете непремѣнно радовать насъ въ Пріютѣ и любоваться нашими тремя храмами.

Засвидѣтельствованіе о вашихъ достоинствахъ идетъ на сегодняшней почтѣ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Портретъ, который я снялъ съ васъ, удивительно похожъ.

Я заваленъ дѣлами и чрезвычайно усталъ и потому приступаю къ окончанію. Анна Ивановна [2]) шлетъ вамъ радушный привѣтъ и вмѣстѣ со мною благословеніе. Отъ всего сердца братски обнимаю васъ и близкихъ вамъ. Христосъ съ вами! На вѣки вашъ Дмитрій.

15.

14 Апрѣля 1880. С. Пріютъ.

Достойный, искренно любимый и цѣнимый Иванъ Устиновичъ.

Приближается праздниковъ праздникъ, и я спѣшу привѣтствовать васъ радостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе!

при нашихъ скудныхъ средствахъ (у насъ денегъ было всего 35 т. р.) едвали мы доведемъ вашъ храмъ до крыши. На эти слова я отвѣчалъ: я возьму это святое дѣло въ свои руки и на слѣдующій годъ поставлю крестъ надъ храмомъ. Это обѣщаніе я написалъ на просфорѣ, которую и положилъ на икону Спасителя. Обѣщаніе мое исполнилось: слѣдующаго 1873 г. 23 Ноября архипастырь Гурій освятилъ Александро-Невскій Θеодосійскій соборъ. Мы скушали вышесказанную просфору со слезами благодарности къ Создателю и Промыслителю всего міра. И.

[1]) Графъ, вѣроятно, предполагалъ, что старая церковь перестраивалась въ новую. И.

[2]) Супруга графа Остенъ-Сакена, ур. Ушакова, скончавшаяся въ 1897 году въ Дрезденѣ. П. Б.

Письмо ваше и «Воспоминанія» ваши я получилъ и отвѣчалъ вамъ, но вѣроятно письмо затерялось. Итакъ я повторяю искреннѣйшую благодарность мою за память и любовь ко мнѣ. Да воздастъ вамъ Господь сторицею. Воспоминаній вашихъ, при моихъ занятіяхъ и преклонныхъ лѣтахъ, я еще не успѣлъ прочесть, а когда прочту, то напишу вамъ.

Наши всѣ, слава Богу, здоровы. Да почіетъ на васъ и близкихъ вамъ благодать Св. Духа, и да возстановитъ Господь здоровье вашей дорогой больной! [1])

16 [2]).

Съ 1852 года безвозмездно, съ изумительнымъ усердіемъ исполняли вы обязанности редактора Записокъ Сел. Хоз. Южной Россіи нашего юнаго неизслѣдованнаго края, которому въ будущемъ близкомъ предстоитъ много утѣшительнаго, въ отношеніи богатой производительности, промышленности и просвѣщенія.

Польза, которую вы принесли вашимъ свѣтлымъ умомъ, многостороннимъ и спеціальнымъ образованіемъ и опытностью, наукѣ и нашему краю, неисчислима. Я самъ, въ маломъ хозяйствѣ моемъ, испыталъ ее на дѣлѣ.

Увѣренъ, что всѣ просвѣщенные хозяева Южной Россіи, и въ особенности сочлены мои, раздѣляютъ мое мнѣніе и искреннее чувство признательности къ вамъ, которую, узнавъ о продолженіи оставляемыхъ вами Записокъ, спѣшу гласно выразить вамъ. Если же сочленамъ моимъ угодно будетъ почтить въ высокой степени полезное служеніе ваше краю благодарственнымъ адресомъ, то я вмѣню себѣ въ честь участвовать въ немъ моимъ подписомъ.

Благоволите принять выраженіе искренняго къ вамъ почтенія и преданности.

Отъ души благодарю васъ, милый, искренно любимый Иванъ Устиновичъ, за письмо ваше отъ 11-го Марта. Глубоко огорченный я тотчасъ же написалъ въ редакцію носъ и нахлобучку.

Писать болѣе некогда. Христосъ съ вами и присными! Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

---

[1]) Говорится о дочери И. У. Палимпсестова, который для ея излеченія жилъ потомъ нѣсколько лѣтъ сряду въ Москвѣ, гдѣ многіе его добромъ поминаютъ. П. Б.

[2]) Первая половина этого письма затерялась. П.

Въ Іюнѣ 1870 года графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ послалъ въ Записки Одесскаго Общества сельскаго хозяйства для напечатанія особую статью свою, съ исчисленіемъ заслугъ И. У. Палимпсестова. Статью эту не напечатали. Въ Февралѣ 1871 года онъ обратился съ письмомъ о томъ къ графу М. Д. Толстому, и отъ новаго президента Общества Сухомлинова снова получилъ отказъ. Редакторъ Записокъ заявлялъ ему, что благодарность Общества И. У. Палимпсестову уже выражена, и ему подвесенъ хронометръ съ цѣпью (цѣною въ 500 р.). П. Б.

Обѣ эти бумаги (письмо графа Д. Е. къ графу М. Д. Т., оставившему должность президента общества, и отношеніе новаго президента Ѳ. Н. Сухомлинова) я получилъ отъ графа Д. Е. при краткомъ письмѣ его ко мнѣ, проникнутомъ горькимъ укоромъ новому президенту общества. Этого письма не нашлось въ моихъ бумагахъ.

*

Но вотъ и конецъ драгоцѣннымъ для меня письмамъ незабвеннѣйшаго, могу сказать, для всей Русской исторіи графа Д. Е. Остенъ-Сакена. Онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ назвалъ меня блуднымъ сыномъ. Таковъ я въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и на самомъ дѣлѣ. Если я и теперь и прежде считалъ письма ко мнѣ графа драгоцѣнными, то почему только часть сохранилъ ихъ, и притомъ меньшую? Да, я воистину блудный сынъ! Такихъ людей, какъ графъ Д. Е., каждое слово должно быть дорого.

До сихъ поръ глубоко сожалѣю, что, не смотря на нѣсколько приглашеній, я не былъ въ Пріютѣ, гдѣ этотъ доблестный воинъ и ревностный сельскій хозяинъ представился бы мнѣ въ новомъ свѣтѣ, хотя этотъ свѣтъ и издали ярко свѣтилъ мнѣ. Я разумѣю свѣтъ глубоко-христіанской души графа. Я былъ близокъ къ приснопамятнѣйшему святителю Иннокентію, архіепископу Херсоно-Таврическому, который не разъ говорилъ мнѣ о графѣ Д. Е., какъ о рѣдкомъ христіанинѣ. Помню одно выраженіе его: „Это такая глубоко-вѣрующая душа, что она „правиломъ вѣры и образомъ кротости“ могла бы служить даже для насъ, служителей алтаря Господня“.

Дивный во святителяхъ Иннокентій и доблестный во всѣхъ входахъ и исходахъ жизни графъ Д. Е. были друзьями. Во время Крымской войны Иннокентій не разъ пріѣзжалъ въ Крымъ и въ Севастополь. Однажды онъ желалъ обойти всѣ бастіоны, но его не допустили до этого подвига, и для него осталось одно: повидаться со своимъ присновозлюбленнѣйшимъ во Христѣ братомъ *) Димитріемъ, который квартировалъ въ Николаевскомъ укрѣпленіи, на южной сторонѣ бухты, близъ такъ называемой Графской пристани. Туда съ сѣверной стороны бухты и отправился Иннокентій на катерѣ, которымъ правилъ одинъ изъ іеромонаховъ. Во время этого плытія двѣ бомбы упали около катера; одна по носу катера, другая по кормѣ его. Свиданіе, оглушаемое разрушительными ядрами, продолжалось недолго, и Иннокентій, по настоянію брата во Христѣ Димитрія, долженъ былъ воз-

*) Это собственныя слова Иннокентія. П.

вратиться на Сѣверную. Но, кажется, дня чрезъ три послѣ этого свиданія доблестный архипастырь отслужилъ въ Михайловскомъ храмѣ на берегу южной бухты Севастополя литургію съ водоосвященіемъ, на которыхъ присутствовали кн. Горчаковъ, графъ Остенъ-Сакенъ, начальникъ штаба П. Е. Коцебу, генералъ Ушаковъ, адмиралъ Нахимовъ и многіе другіе, включая сюда и низшіе чины изъ защитниковъ Севастополя, чины съ Георгіевскими крестами. Богослуженіе это кончилось къ 8 часамъ утра, и съ этого времени бомбардировка надъ Севастополемъ усилилась.

Послѣ неудачной Альминской битвы, въ Одессѣ многіе говорили: послать бы туда Иннокентія. Повторяли эти слова и при другихъ неудачахъ этой войны. Помню слѣдующія слова, съ улыбкой сказанныя мнѣ Иннокентіемъ: „Я недолго бесѣдовалъ съ возлюбленнымъ моимъ братомъ Димитріемъ, но убѣдительно просилъ его, чтобы онъ провелъ меня по всѣмъ бастіонамъ, гдѣ я могъ бы помолиться съ доблестными героями войны; но возлюбленный братъ не согласился на мою просьбу и сказалъ мнѣ, что никто изъ начальствующихъ лицъ не согласится на это. Послѣ этихъ словъ онъ, улыбаясь, поставилъ вопросъ: не хотите ли вы, святой владыко, стать во главѣ всѣхъ насъ, ведущихъ борьбу со врагомъ? И не лучше ли тогда пойдутъ наши боевыя дѣла? Конечно, эти вопросы заставили меня разсмѣяться“.

Впрочемъ не всѣ такъ смотрѣли на Иннокентія. Послѣ Альминскаго боя онъ поѣхалъ въ Крымъ, чтобы помолиться съ войсками и благословить ихъ на брань въ защиту вѣры и отечества; но, какъ онъ однажды выразился, „его велѣли прогнать изъ Крыма хворостиной“.

Но возвращусь къ графу. Я выше сказалъ, что архіепископъ Иннокентій видѣлъ въ немъ глубоко вѣрующаго христіанина. Сколько мнѣ извѣстно, такъ смотрѣли на него всѣ, кому дорога вѣра во Христа. Но вотъ неоспоримое доказательство, что графъ дѣйствительно былъ глубоко-вѣрующій христіанинъ и всѣмъ сердцемъ любилъ православную церковь: это сооруженный имъ въ Пріютѣ храмъ Божій, на что̀ онъ жертвовалъ свою послѣднюю лепту.

Описаніе этого храма и освященіе его архіепископомъ Димитріемъ (заступившимъ мѣсто Иннокентія) вышло особою брошюрою, въ Кіевѣ напечатанной. Если сооруженный графомъ храмъ можетъ быть свидѣтелемъ его горячей любви къ православной церкви, то и письма его могутъ служить доказательствомъ другой христіанской добродѣтели, именно: любви къ ближнему, не ко мнѣ лично, котораго онъ никогда не видѣлъ, но ко всѣмъ жителямъ широкаго Юга Россіи, къ подъему среди ихъ сельскаго хозяйства—этой первоосновы ихъ благосостоянія. Онъ цѣнилъ мои труды и поощрялъ меня къ этимъ трудамъ, съ какою цѣлію? Чтобы что нибудь доброе сдѣлать для ближняго, любовь къ которому намъ заповѣдана св. Евангеліемъ. А отсюда естественное заключеніе, что я, передавая во всеобщую извѣстность письма графа ко мнѣ, дѣлаю это не изъ личной моей гордыни,

а изъ сознательнаго желанія засвидѣтельствовать предъ исторіей о добрѣйшемъ сердцѣ графа, воодушевленномъ христіанскою любовію къ ближнимъ.

Неся на раменахъ своихъ 80-й годъ жизни, я вижу и чувствую, что близокъ мнѣ „предѣлъ, его же не прейдеши". При этомъ ожидаемомъ переходѣ невольно вспоминаю свои посильные труды и то доброе расположеніе ко мнѣ тѣхъ, которые слѣдили за ними. Вотъ, напримѣръ, одно изъ доказательствъ, какими добрыми очами смотрѣлъ на мои труды по Обществу сельскаго хозяйства южной Россіи незабвеннѣйшій для меня графъ А. Г. Строгановъ, Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ. По кончинѣ свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова онъ заступилъ мѣсто его, президента этого Общества, котораго я въ то время состоялъ секретаремъ и редакторомъ его Записокъ, сельско-хозяйственнаго журнала. Но я занималъ въ это время и другое служебное мѣсто по личному приглашенію министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, мѣсто адъюнктъ-профессора при Ришельевскомъ лицеѣ, отъ котораго и получалъ жалованья 600 р. Были у меня и другія доходныя статьи; но, сдѣлавшись семьяниномъ, я едва сводилъ концы съ концами и рѣшился выдти на другой путь. Мнѣ предложили быть управляющимъ одного обширнаго имѣнія съ жалованіемъ 3000 р. въ годъ и 10% изъ чистаго дохода. Я согласился, и заключенъ былъ законнымъ порядкомъ контрактъ. Прихожу проститься съ драгоцѣннымъ для моего сердца президентомъ Общества графомъ А. Г. Строгановымъ. Пристально смотритъ на меня своими добрѣйшими очами графъ и дѣлаетъ вопросъ: что если какой нибудь купецъ запретъ свою лавку и ключъ положитъ себѣ въ карманъ, будетъ ли идти торговля изъ этой лавки? Я отвѣчалъ: конечно, нѣтъ. Вотъ тоже будетъ, говоритъ графъ, и съ нашимъ Обществомъ. У меня навернулись слезы на глазахъ (прошу, читатель, вѣрить старику), и я сказалъ: ваше сіятельство, мнѣ тяжело оставить Общество; я былъ преданъ трудамъ ради его и готовъ отказаться отъ избранной мною дороги, готовъ уничтожить контрактъ, за что конечно будутъ судить меня; но дѣло не въ томъ: согласитесь ли вы, чтобы при васъ служила безчестная личность? На эти слова графъ дѣлаетъ мнѣ вопросъ: контрактъ при васъ? Я вынимаю его изъ кармана. Дайте мнѣ его. Я отдаю. Графъ рветъ его въ клочки и говоритъ: я уничтожилъ контрактъ, и не вы, а я напишу этому землевладѣльцу, мнѣ хорошо знакомому; вы же продолжайте свою трудовую службу при Обществѣ; но такъ какъ вамъ нечего ѣсть, то будете кое-что получать отъ меня. Такъ оно и сбылось: въ теченіе трехъ лѣтъ я получалъ отъ графа по 300 р. въ годъ. Какъ къ президенту Общества и генералъ-губернатору, я нерѣдко долженъ былъ являться къ нему съ докладами, и уже заявлялъ въ печати, что минуты, проведенныя съ нимъ, были для меня свѣтлымъ и радостнымъ праздникомъ, хотя графъ и говаривалъ, что у него въ Одессѣ только двѣ собаки—Гангартъ и Палимпсестовъ, но собаки, которыхъ онъ любитъ. Этотъ титулъ я заслужилъ высказываніемъ правды, не рѣдко въ самыхъ неотесанныхъ выраженіяхъ, подражая въ этомъ случаѣ графу. Не могу не припомнить и слѣдующаго свидѣтельства добраго расположенія ко мнѣ графа.

Живя въ Москвѣ въ 1888 г., я составилъ, въ образѣ порядочной книги: „Мои воспоминанія о Херсоно-Таврическомъ архіепископѣ Иннокентіи“; и книгу эту счелъ долгомъ представить графу А. Г. Строганову, который былъ въ самой задушевной дружбѣ съ святителемъ Иннокентіемъ, что́ видно и изъ слѣдующихъ его словъ: бросая горсть земли въ могилу Иннокентія, графъ обратился къ стоявшимъ близъ его и сказалъ: съ нимъ для меня весь міръ былъ бы и въ Усть-Сысольскѣ. Какой же отвѣтъ я получилъ за посылку этой книги? Благодарность въ самыхъ краткихъ словахъ и 500 р. въ подарокъ.

Да, немало я имѣлъ и имѣю свидѣтельствъ добраго расположенія ко мнѣ и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ личностей, и въ частности сельско-хозяевъ. Напримѣръ, незабвенный для Русскаго сельскаго хозяйства дѣятель графъ А. А. Бобринскій, проѣзжая чрезъ Одессу, почти всегда заходилъ ко мнѣ и велъ со мною самыя оживленныя и поучительныя для меня бесѣды по той промышленности, которой онъ посвятилъ всѣ свои силы. Онъ состоялъ почетнымъ членомъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Между нимъ и президентомъ этого Общества, графомъ А. Г. Строгановымъ, была самая братская любовь. Но вотъ и кончина одного изъ первыхъ передовыхъ дѣятелей въ области нашей сельской промышленности, графа А. А. Бобринскаго. Президентъ Общества графъ А. Г. Строгановъ призываетъ меня и говоритъ: мы должны собрать Общество въ память этого плодотворнаго труженика, и вы должны приготовить рѣчь. Собраніе состоялось; кромѣ моей рѣчи были сказаны и другія, и мы не могли не замѣтить слезъ нашего президента. Рѣчи эти были напечатаны въ Запискахъ. Рѣчь мою я закончилъ предложеніемъ соорудить памятникъ графу А. А. Бобринскому, что́ и исполнилось: памятникъ поставленъ въ Кіевѣ. И на моемъ письменномъ столѣ красуется памятникъ—часы, которые занимали такое же мѣсто въ кабинетѣ графа А. А. Бобринскаго. Графъ А. Г. Строгановъ, узнавши о полученіи мною этого памятника, совѣтовалъ сдѣлать на немъ соотвѣтственную надпись, что́ я и исполнилъ.

Было бы непростительно для меня, если бы, говоря о личностяхъ сочувственно отзывавшихся къ моимъ посильнымъ трудамъ, я не сказалъ при настоящемъ случаѣ нѣсколько словъ о графѣ М. Д. Толстомъ, который почти во все время моей службы при Обществѣ состоялъ его вице-президентомъ и президентомъ. Для него я былъ не только, какъ говорится, свой человѣкъ, но какъ родной въ его домѣ; добрѣйшій графъ, иной разъ, положивъ свои руки на мои трудовыя плечи, говорилъ: я люблю васъ какъ роднаго сына, и сынъ его, бывшій мой студентъ, любилъ меня искренно. Графъ всей душой любилъ Общество сельскаго хозяйства и дѣлалъ для его полезной дѣятельности все, что́ было возможно для него. Напримѣръ, домъ Общества въ Одессѣ своимъ существованіемъ обязанъ ему; первая мысль поставить въ Одессѣ памятникъ свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову принадлежитъ ему же; и мы, онъ, какъ предсѣдатель, а я, какъ секретарь

комитета по сооруженію этого памятника, не мало потрудились надъ этимъ добрымъ дѣломъ, и если чѣмъ можемъ похвалиться, то умѣньемъ расходовать деньги, собранныя на этотъ памятникъ; всего употреблено на него 45,394 р. 83 к., что́ и видно изъ напечатаннаго отчета, гдѣ отмѣчены всѣ приношенія, даже десятикопѣечныя, и всѣ расходы, даже пятикопѣечные. Не забудемъ, кромѣ величавой бронзовой статуи князя, на памятникѣ три барельефа довольно почтенныхъ размѣровъ. Говорили мнѣ въ Одессѣ, прочитавъ составленный мною отчетъ по сооруженію этого памятника, будто бы на памятникъ Дюку де-Ришелье, стоящій на приморскомъ бульварѣ Одессы, израсходовано болѣе 100,000 р., впрочемъ ассигнаціями *). Но какая величина этого памятника въ сравненіи съ памятникомъ князя Воронцова? Скажу еще нѣсколько словъ о графѣ М. Д. Толстомъ. При своей широкой опытности въ хозяйствѣ, при холодности къ губительной роскоши, графъ ни одного своего имѣнія не заложилъ въ какой нибудь банкъ, даже ближайшій къ нему и открывшійся при немъ Херсонскій земскій банкъ. При своей практичности и дальнозоркости графъ постоянно указывалъ мнѣ пути для моей дѣятельности по Обществу сельскаго хозяйства. Такъ въ былое время при насъ воздѣлываніе кукурузы ограничивалось только Бессарабскою областію, и въ большинствѣ хозяева Херсонской и Таврической губерній думали, что это растеніе только и можетъ воздѣлываться въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и т. д., хотя и видѣли, что оно роскошно ростетъ при баштанахъ всего Юга Россіи. И вотъ графъ поручаетъ мнѣ обратиться къ многосторонней опытности одного изъ крупнѣйшихъ хозяевъ Бессарабіи г. Н. Кешко и при содѣйствіи его составить руководство къ воздѣлыванію кукурузы. Я исполнилъ порученіе графа, составилъ руководство, которое было напечатано въ Запискахъ и осталось небезполезнымъ для всего Юга Россіи. Графъ былъ такъ доволенъ этимъ моимъ трудомъ, что принесъ мнѣ въ подарокъ за него 300 р. Вообще незабвенный моему сердцу графъ былъ щедръ для меня. Поселившись въ Ѳеодосіи, я вздумалъ построить себѣ домикъ, и графъ присылаетъ мнѣ 500 р.

Еще непростительно было бы для меня, если бы при настоящемъ случаѣ я не сказалъ нѣсколько словъ и о В. П. Скаржинскомъ, этомъ первоучителѣ лѣсоводства и другихъ отраслей сельскаго хозяйства на Югѣ Россіи. Первѣе всего, не могу не сказать, что эта личность пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и любовію не за одну примѣрную дѣятельность въ области сельскаго хозяйства, что́, между прочимъ, видно и изъ того, что Викторъ Петровичъ четыре трехлѣтія занималъ мѣсто Херсонскаго губернскаго предводителя дворянства. Отецъ его былъ соратникомъ Суворова, бился при взятіи Очакова и, получивъ множество ранъ, рѣшился выдти на мирное поприще, заняться въ своемъ имѣніи Херсонской губерніи хозяйствомъ.

---

*) Не знаю, во что обошелся памятникъ Пушкину въ Москвѣ; но онъ сравнительно съ памятникомъ князю Воронцову въ Одессѣ меньшихъ размѣровъ и барельефовъ не имѣетъ. П.

Но полученныя раны сократили его мирную жизнь, и хозяйство должно было перейти въ руки двухъ сыновей его и ихъ матери. Братъ Виктора Петровича былъ убитъ при Ульмскомъ сраженіи, и все хозяйство перешло въ руки Виктора Петровича и его матери, но на короткое время: юная, пылкая душа будущаго дорогаго хозяина Юга Россіи рѣшилась на другое дѣло; молодецкій Викторъ Петровичъ составляетъ изъ своихъ крѣпостныхъ отрядъ кавалеристовъ и отправляется драться съ Наполеономъ [1]). И драка эта была мужественная, потому что Викторъ Петровичъ получилъ за нее орденъ Анны 2-й степени. Воистинну это была доблестная и истинно Русская, православная душа.

Графъ Д. Е Остенъ-Сакенъ такъ высоко цѣнилъ труды этого образцоваго хозяина, что захотѣлъ память объ этихъ плодотворныхъ трудахъ передать потомству, и вотъ по его предложенію и настойчивости красуется передъ домомъ Общества сельскаго хозяйства мраморный памятникъ незабвенному хозяину В. П. Скаржинскому. Въ первыхъ годахъ моей дѣятельности по Обществу сельскаго хозяйства Юга Россіи я написалъ довольно порядочную по своему объему статью о лѣсонасажденіяхъ Виктора Петровича и предложилъ въ одномъ изъ собраній Общества украсить залу собраній портретомъ этого выдающагося дѣятеля; предложеніе мое было единогласно принято и одобрено Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ: портретъ Виктора Петровича Скаржинскаго и доселѣ украшаетъ залу собраній Общества въ Одессѣ.

Архипастырь Иннокентій, большой любитель лѣсоводства и плодоводства, не рѣдко посѣщалъ Виктора Петровича въ его имѣніи и каждый разъ объѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ лѣсныя и плодовыя насажденія. Въ 1851 году я, переѣхавъ изъ Саратова на службу въ Одессу, пошелъ къ владыкѣ Иннокентію, который, познакомившись съ нѣкоторыми моими печатными трудами и найдя меня личностію не безъ дарованій, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ Виктору Петровичу. Владыка, представляя меня именитому хозяину, говоритъ: это вашъ ученикъ; онъ не безъ дарованій; я не дозволю ему зарыть свои таланты въ землю, и тогда онъ можетъ принести пользу для здѣшняго сельскаго хозяйства Россіи. Добрѣйшій хозяинъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и въ этихъ объятіяхъ держалъ до конца своей жизни [2]).

Да, во многихъ отношеніяхъ Викторъ Петровичъ былъ для меня учителемъ; онъ указалъ мнѣ немало путей въ моей дѣятельности по сельскому хозяйству Юга Россіи. Вотъ тому примѣръ. Я написалъ довольно обширное руководство по устройству водохранилищъ въ южной Россіи, руководство, которое осталось не безъ добрыхъ послѣдствій; но во главѣ этого руководства стояли многочисленныя запруды, устроенныя Викторомъ Петровичемъ на

---

[1]) Объ этомъ есть свѣдѣнія въ описаніи Отечественной войны г. Михайловскаго.

[2]) Онъ помогалъ мнѣ и въ средствахъ для моей жизни. Отъ одного крупнаго, расположеннаго ко мнѣ землевладѣльца я купилъ по дешевой цѣнѣ дачу близъ Одессы, и Викторъ Петровичъ шлетъ мнѣ на лѣсоразведеніе 500 рублей.

его обширныхъ земляхъ, и при томъ съ такимъ знаніемъ дѣла, что онѣ могли служить лучшимъ образцомъ для южно-русскихъ хозяевъ. На этотъ разъ довольно припомнить, что нѣкоторыя изъ этихъ запрудъ были похожи на озера съ рыбою и окружены густою лѣсною растительностью. Немало было написано мною статей по лѣсоразведенію, и многое изъ этой отрасли сельскаго хозяйства передано было мнѣ незабвеннымъ моимъ учителемъ. Припоминаю одинъ случай. Пріѣхалъ я къ нему однажды въ имѣнье, куда я ѣздилъ нерѣдко и живалъ тамъ по недѣлѣ, даже по двѣ. Поѣхали мы осматривать пшеничныя поля, которыя занимали до 1000 хозяйст. десятинъ. Мы оба въ неописанный восторгъ приходили, любуясь волненіями этого растительнаго моря, хотя зеленый цвѣтъ его уже переходилъ въ желтоватый. Видя эту желтоватость, Викторъ Петровичъ говоритъ мнѣ: вотъ чрезъ недѣлю и приступимъ къ уборкѣ пшеницы, начиная съ полей возвышенныхъ, на которыхъ хлѣбъ раньше созрѣваетъ, чѣмъ на низменныхъ мѣстахъ. Проходитъ недѣля, и хозяину докладываютъ, что почти всѣ поля пшеницы подверглись запалу, т.-е. почти весь хлѣбъ погибъ отъ душныхъ въ теченіе трехъ сутокъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Осмотрѣли мы печальныя поля, и многосторонне знакомый съ Югомъ Россіи Викторъ Петровичъ говоритъ: если бы мы провели по нашимъ степямъ съ Сѣвера на Югъ густыя полосы лѣса, и между этими полосами сѣяли свои хлѣба, то вражескіе восточные и сѣверо-восточные вѣтра не были бы такъ губительны для нашихъ хлѣбовъ и травъ. Эту неоспоримую правду я не разъ приводилъ въ извѣстность чрезъ Записки Общества. Но мы, Русскіе люди, любимъ истреблять драгоцѣннѣйшій покровъ земли—лѣса, а не разводить ихъ, хотя, пожалуй, и сознаёмъ, что лѣсная растительность способствовала бы болѣе обильному урожаю нашихъ хлѣбовъ и травъ. Да, находятся хозяева, которые такъ и смотрятъ на благотворное вліяніе лѣсовъ. Въ Херсонской губерніи есть землевладѣлецъ, выдающійся по своему широкому и основательному взгляду на сельское хозяйство юга Россіи. Это А. А. де-Карріеръ. Онъ разводитъ въ своемъ имѣніи полосами лѣсъ, среди этихъ полосъ сѣетъ хлѣба, съ которыми и сравниться по урожайности не могутъ хлѣба, посѣянные на беззащитныхъ степныхъ поляхъ *).

Найдутся-ли подражатели этому истинно передовому хозяину Новороссійскаго края? Нашлись бы, конечно; но трудно у насъ беречь лѣсонасажденіе отъ глуповатаго и дерзостнаго нашего народа. Въ Баваріи и другихъ государствахъ Западной Европы многія шоссейныя дороги обсажены фруктовыми деревьями, и плодовъ ихъ не касается дерзновенная рука. Но на нашихъ дорогахъ уцѣлѣли-ли бы подобныя деревья или ихъ плоды? Припомнимъ, до какихъ размѣровъ дошло у насъ даже святотатство.

Но возвращусь къ приснопамятному для меня Виктору Петровичу. Онъ страдалъ хирагрою и строки не могъ написать; между тѣмъ были статьи въ

*) Это истинно благотворное для Юга Россіи дѣло подробно и многосторонне описано извѣстнымъ въ настоящее время своими учеными трудами по сельскому хозяйству А. А. Бычихинымъ. Оно помѣщено въ Запискахъ Общества сельского хозяйства Юга Россіи за 1893. II.

Запискахъ, писанныя мною, но подписанныя его именемъ, о чемъ однажды однимъ изъ моихъ сослуживцевъ по Ришельевскому Лицею и былъ сдѣланъ на меня доносъ попечителю Одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогову. Мы, учащіе, иногда собирались по вечерамъ къ этому именитому ученому мужу по его приглашенію и читали что-нибудь изъ нашихъ произведеній. Вотъ на одномъ изъ этихъ собраній, по прочтеніи мною одного изъ произведеній моего пера, и былъ сдѣланъ упомянутый доносъ. На вопросъ попечителя, обращенный ко мнѣ: что́ это значитъ? я отвѣчалъ, что въ статьяхъ съ подписью г. Скаржинскаго мое перо, но суть дѣла принадлежитъ этому сельскому хозяину, къ которому, какъ извѣстному практику, здѣшніе хозяева имѣютъ бо́льшее довѣріе, чѣмъ ко мнѣ, теоретику. Попечитель остался доволенъ моимъ отвѣтомъ. Не думаю, чтобы меня обвинили въ неправдѣ или самохвальствѣ, если я при настоящемъ случаѣ скажу, что и отъ этого міроваго ученаго мужа я пользовался добрымъ расположеніемъ ко мнѣ. Поселившись въ своемъ имѣніи Подольской губерніи, онъ иногда (но кажется не болѣе двухъ разъ) писалъ ко мнѣ по нѣкоторымъ вопросамъ сельскаго хозяйства. Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, просвѣчивала и его набожность, въ которую я и прежде вѣрилъ. Вступивъ въ должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, онъ счелъ своимъ долгомъ покороче познакомиться съ преподавателями наукъ въ Лицеѣ и приглашалъ ихъ по вечерамъ побесѣдовать съ нимъ одинъ на одинъ, какъ говорится, съ глазу на глазъ. Былъ призванъ и я, и наша бесѣда длилась съ 7 часовъ вечера до 12 часовъ ночи. Она касалась различныхъ предметовъ, между прочимъ и религіи, и я вынесъ изъ этой бесѣды полное убѣжденіе, что душа именитаго ученаго мужа была глубоко-вѣрующая въ откровеніе и во Христа, какъ въ Бога. Пожалуй вольномысліе и не повѣритъ мнѣ, но я скажу неоспоримую правду: Пироговъ иной разъ стоялъ въ алтарѣ на колѣняхъ и со слезами молился Богу. Впрочемъ, иногда подобные ученые мужи сами набрасываютъ на себя тѣнь. Прибывъ въ первый разъ во время богослуженія въ лицейскую церковь, и видя, что по одну сторону стоятъ лицеисты, а по другую гимназисты, попечитель, по окончаніи богослуженія, спрашиваетъ инспектора Лицея, О. Г. Михневича: это посѣщеніе церкви Лицея обязательно для учащихся? Инспекторъ отвѣчаетъ: обязательно. Я, какъ попечитель, отмѣняю это обязательство; учащимся дорого время, и пусть они ходятъ въ ближайшія къ нимъ церкви. Такое распоряженіе попечителя произвело на нѣкоторыхъ отцовъ и матерей тяжелое впечатлѣніе, и они называли великаго ученаго мужа атеистомъ. Однажды и графъ А. Г. Строгановъ сказалъ мнѣ такія слова: если бы вашъ Пироговъ сдѣлалъ это въ средніе вѣка, то его сожгли бы на кострѣ. Сколько мнѣ извѣстно, между графомъ А. Г. Строгановымъ и Н. И. Пироговымъ не было дружескихъ отношеній.

Ив. Палимпсестовъ.

17 Февраля 1898 г.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ [1]).

Пріемка монастыря окончилась скоро и благополучно. Привязываться къ пустякамъ было бы и грѣшно, и неразумно. И такъ свели счеты вѣрно, и въ наличности денегъ принято 300 рублей ассигн., а затѣмъ разрушеніе во всемъ. Какой-то недовѣрчивый на меня взглядъ сестеръ, недоброжелательство, у иныхъ сплетни, толки! Но что̀ всего грустнѣе, кромѣ немногихъ старицъ возросшихъ духовно подъ руководствомъ покойной матушки Евгеніи, стадо совершенно распущенное, непривыкшее даже ко внѣшнему порядку, не говорю уже о какомъ либо духовномъ расположеніи или понятіи. Вотъ въ какомъ жалкомъ состояніи Господь привелъ меня принять Борисоглѣбскую обитель!

Мать игуменья не медлила долго: среди общаго плача, отслужа молебенъ Тихвинской Б. Матери и панихиду о упокоеніи матушки Евгеніи, уѣхала въ Москву и потомъ въ Серпуховъ, мѣсто своего назначенія. Жаль было видѣть старушку. Ей было тяжко до невозможности разстаться не только съ обителью, но со своей родиной, съ прахомъ родителей своихъ, погребенныхъ въ обители. Нѣкоторыя сестры выѣхали съ нею: воспитанница ея Ѳедосья, еще нѣсколько, и въ скоромъ времени монахиня Рафаила Ровинская [2]). Я же отправилась въ Москву съ донесеніемъ о принятіи и, возвратясь съ милостивымъ благословеніемъ и наставленіемъ отца и владыки, стала мало по малу вникать и приниматься за дѣла общежитія.

Слыхала я отъ мудрыхъ и читала сама у св. отцовъ, что, желая водворить духовный порядокъ, надо прежде дать благоустроеніе и возможность въ необходимомъ для жизни. И такъ моя забота обратилась на разрушенныя до зѣла̀ сестринскія кельи. Полы одинакіе, и тѣ гнилые, холодъ, сырость, тѣснота, половицы въ полахъ проваливались отъ ходьбы; всего разрушенія описать невозможно. Настояла необходимость строиться. Первой вкладчицей явилась А. И. Хохлова. Она желала помѣститься около обители и предложила выстроить маленькую

---

[1]) См. 3-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 321.

[2]) Впослѣдствіи игуменья Московскаго Вознесенскаго монастыря.

гостинницу (вмѣсто избы, которая носила это имя) съ тѣмъ, чтобы по жизнь давались ей помѣщеніе, дрова и пища. Владыка соизволилъ. Хохлова внесла 1000 р. сер., купецъ С. пожертвовалъ лѣсу; но сего было недостаточно на построеніе гостинницы. Въ тоже время сдѣлана была и представлена смѣта на устройство каменнаго корпуса для сестринскихъ келій и домовъ священно-церковно-служителямъ. Нужно было заготовить и для сихъ построекъ лѣснаго матеріала, для чего подано было прошеніе на вырубку въ монастырской лѣсной дачѣ. Святый владыка взялъ на себя исходатайствовать у Св. Сѵнода скорѣйшее разрѣшеніе. Въ Январѣ подана смѣта, а въ концѣ великаго поста разрѣшена рубка. Когда я представляла смѣту на каменный корпусъ, то всей суммы имѣлъ монастырь 300 р. асс. Что̀ можно было сдѣлать? Я со смущеніемъ ожидала рѣшенія моего владыки и отца. «Молись больше, Господь не оставитъ», сказалъ онъ мнѣ и разрѣшилъ стройку. Въ это самое время изъявила желаніе вступить въ обитель купчиха Туровская, сама отнеслась къ владыкѣ съ просьбой о помѣщенія, потомъ мнѣ объявила, и я съ согласія святителя приняла ее. Она при вступленіи своемъ внесла 3000 р. сер., двѣ для построенія келій, а одну для домовъ причта, отъ поддержанія коихъ помѣщица села Аносина, моя родная сестра, В. С., по недостатку средствъ, должна была отказаться, взявъ только на себя обязанность доставлять каждому изъ нихъ по четыре сажени дровъ.

Вдругъ получить 4000 р. сер. была неожиданная и великая помощь, явное Божіе милосердіе за святительскія молитвы и за предстательство нашей покойной матушки Евгеніи. Приступить къ такой трудной и большой постройкѣ, не имѣя ни малѣйшаго опыта, меня крайне смущало. Что̀ дѣлать? Съ чего начать? Отнеслась я къ доброму и почтенному старцу о. Николаю, намѣстнику Саввина монастыря и нашему духовнику, прося его молитвъ и благословенія отправляться въ лѣсъ и начать рубку, какъ Богъ поможетъ. Онъ отклонилъ меня, представя, во первыхъ, мое незнаніе, а во вторыхъ, слабость женской силы на такую работу въ самую раннюю весну, по снѣгу и слякоти, и отправилъ на это дѣло своего казначея, іеромонаха о. Галактіона, который съ тѣхъ поръ и до нынѣ прикомандировывается начальствомъ къ важнымъ постройкамъ монастыря. Много меня облегчила эта помощь; но не безъ скорби она мнѣ досталась; много было столкновеній, смущеній, но терпѣніе все преодолѣть можетъ. При помощи Божіей гостинница была окончена. Кромѣ шести номеровъ для пріѣзжающихъ, устроено отдѣленіе для г-жи Хохловой, въ которомъ она поселилась и досслѣ живетъ и благодаритъ Бога. Каменный корпусъ для келій монашескихъ началъ воздвигаться, шло довольно успѣшно; но нако-

нецъ средства наши совершенно истощились. Я рѣшилась сдѣлать заёмъ, чтобы не задержать уплаты рабочимъ. Являюсь къ святителю съ прошеніемъ.

«Никогда не позволю долга, сказалъ онъ мнѣ, это разоренье монастырю; оставь прошеніе у меня, а завтра приди за отвѣтомъ». На другой день являюсь со страхомъ узнать о рѣшеніи. Вхожу. Владыка бросилъ свой свѣтлый взоръ на меня и съ улыбкой сказалъ: «Возьми свою бумагу съ отвѣтомъ и сочти». Боже мой! 500 р. сер. Я бросилась къ его ногамъ; только слезы свидѣтельствовали о моей благодарности. Кому приходилось оставаться съ 5 копѣйками на 120 человѣкъ да стройкою цѣлаго корпуса на рукахъ, тотъ пойметъ легко мое чувство.—«Будетъ-ли на расплату съ рабочими въ настоящее время?»—«Достаточно, владыко святый».—«Молись, не унывай; Господь не оставитъ». Всѣхъ милостей, всего отеческаго попеченія святителя и благодѣтеля описать невозможно. Каждое его слово было слово совѣта и благодатнаго разума; онъ былъ опора и утвержденіе моей немощи; истинно страшилась я не только предпринять что либо безъ его соизволенія, но даже самомалѣйшее дѣйствіе свое и начинаніе повергала въ его премудрую отеческую волю.

Дѣла шли тихонько. Безпокоило меня странное настроеніе сестеръ обители. Всѣ добрыя, всѣ трудолюбивыя, но всѣ неимѣющія ни малѣйшаго понятія ни о чемъ духовномъ. Старицъ, воспитанныхъ покойной матушкой Евгеніей, оставалось мало; онѣ не могли словомъ своимъ удержать все общество, не привыкшее слушать старшихъ. Даже иныя и старыя вмѣсто добраго совѣта юнымъ и вновь вступавшимъ толковали небылицы и утверждали, что ихъ мнѣніе право. Довольно сказать, что почти всѣ считали грѣхомъ читать Св. Евангеліе въ келіи своей. Бывало, выду на монастырь, меня увидятъ и разбѣгутся какъ овцы, прячутся безъ всякой причины. Довольно сказать: «Игуменья идетъ», чтобы всѣхъ привести въ смущеніе. Часто, объясняя владыкѣ скорбь мою о семъ, объясняла я и недоумѣніе мое, какъ привести къ нѣкоторому устроенію. «Изъ новыхъ готовь людей», говорилъ онъ, «къ служенію обители, хотя ими тебѣ и не пришлось бы пользоваться». Много стоило усилій уничтожить этотъ безсмысленный страхъ, но Господь Самъ своимъ милосердіемъ помогалъ и мою немощь подкрѣплялъ Своею благодатью для возстановленія распадавшейся обители. Туровская недолго нажила въ монастырѣ: уставъ и нѣкоторое водвореніе порядка ей показались невмѣстимыми, и она перешла въ Хотьковъ. Дивное дѣло: точно для того помѣстилась у насъ, чтобы дать помощь обители. Кромѣ взноса денежнаго остались и другіе ея вклады, нѣкоторыя иконы и проч. Впослѣдствіи многія вступавшія прино-

сили посильные вклады, которые всѣ, съ разрѣшенія владыки, употреблялись на построеніе келій и принадлежностей. «Все равно», говорилъ онъ, «придетъ время, возмутъ въ казну капиталы монастырскіе; пользуйся приношеніями для устроенія обители».

Съ самаго начала моего вступленія я познакомилась ближе всѣхъ съ живущей въ Аносинѣ Надеждой Николаевной Макаровой, образованной и умною дѣвицей изъ купеческаго сословія. Я всегда видѣла въ ней добраго и способнаго человѣка; со вступленіемъ же въ должность настоятельницы обратила на нее полное вниманіе и, по выходѣ изъ монастыря монахини Рафаилы Ровинской въ Серпуховской Владычній монастырь къ и. Анастасіи, я передала ея послушаніе письмоводительницы Надеждѣ Николаевнѣ; всегда находила въ ней разсужденіе, духовную начитанность и усердіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самомнительности. Во многомъ не сходились мы; но я надѣялась, что время, опытъ, наконецъ моя любовь и довѣріе побѣдятъ ея упорную мысль къ отдаленію себя отъ монашества и отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ обители. Оттого я держала ее постоянно въ самомъ близкомъ къ себѣ отношеніи; она тоже много благодѣтельствовала обители и содѣйствовала своими средствами въ постройкахъ.

На первый годъ моего управленія монастыремъ, и тебя, мое доброе чадо, привелъ твой дѣдушка, о. намѣстникъ Саввинской Николай, въ обитель. Ты знаешь, что я чтила его и любила не только по долгу какъ духовника, но какъ вѣрнаго слугу Божьяго. Я чуяла въ немъ его смиренный и правдивый нравъ и крайнюю простоту. Смотри промыселъ Божій! Привелъ онъ тебя почти обманомъ, безъ твоего хотѣнія, сироту бѣдную, безпріютную. Ему желалось уневѣстить тебя Христу, а ты отбивалась отъ безсмертнаго Жениха всѣми силами! Вручилъ онъ мнѣ грѣшной всю тебя: и душу, и тѣло твое на воспитаніе. Предъ иконой Царицы Небесной истинно приняла я тебя отъ руки его, какъ отъ десницы Божіей. Виждь же, чадо мое, виждь благость Божію! И нехотящихъ насъ идти подъ легкое бремя Христово благость Его привлекаетъ, и нежелающихъ насъ вкусить отъ благъ обѣтованныхъ дѣвствующимъ силою ведетъ въ чертогъ Свой! Кто станетъ около престола Его величія въ ризахъ бѣлыхъ? Тѣ, кои не осквернили плоти своей и сердца и помышленія своего похотію плотскою Блюдись, милое чадо, иди путемъ Христовымъ, не посрами упованія старцева, ни меня убогой и грѣшной. Люби Господа, ищи Его, призывай на каждой минутѣ, отставай по маленьку отъ жизни плотской и внѣшней, стремись ко Господу, моя родная; молись, да водворитъ Онъ Всеблагій души наши въ мѣстѣ покоя! А начинай съ постояннаго сознанія немощи твоей, приноси Ему покаяніе простое, дѣтское,

ежедневное. Проси спасенія, и подастъ его. Онъ покрылъ тебя Своею милостію всячески; воздай Ему заботою о душѣ твоей. Ему ничего болѣе не нужно, какъ спасеніе ваше. О Господи Всеблагій, ими же вѣси судьбами, спаси насъ! Что̀ воздамъ Господеви, еже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову!

Наконецъ, послѣ немалой скорби и вмѣстѣ непрестанной помощи Божіей, каменный корпусъ былъ довершенъ. Я не умѣю выразить того чувства душевнаго утѣшенія, которое объяло мое сердце, когда внесли св. иконы и началось молебствіе на освященіе келій. Это было какое-то чудо: изъ ничего создался корпусъ! Есть убѣжище теплое, удобное хотя нѣсколькимъ сестрамъ! Я плакала, какъ ребенокъ. Надо было видѣть и восторгъ сестеръ; имъ онъ казался царскимъ дворцемъ; онѣ не помнили себя отъ радости, обнимались, поздравляли одна другую, а тѣ, которымъ досталось жить въ немъ, не знали мѣры своему благополучію. Такъ какъ это зданіе примыкало къ больничной церкви, а она была въ самомъ жалкомъ состояніи и по ветхости, и по безобразію, то надо было за нее приняться, тѣмъ болѣе, что главный соборъ тоже былъ въ упадкѣ и не могъ долго стоять безъ значительныхъ поправокъ. Предвидя это, надо было устроить больничную церковь такъ, чтобы безъ большаго утѣсненія могла совершаться постоянная служба. Опять недоумѣніе, какъ безъ средствъ приняться за перестройку церкви? Говорила я о семъ святителю; онъ, не предвидя средствъ, ничего не рѣшилъ. Также требовалось выстроить настоятельскія келіи, которыя пришли въ совершенное разрушеніе, и амбары для запасовъ, ибо крыши въ обоихъ зданіяхъ были до того ветхи, что дождь лилъ все равно, что на дворѣ. Опять Господь явилъ Свою помощь. Въ это время дѣвица изъ дворянъ, П. И. Старинкевичъ, поступила въ обитель, внесла 2000 р. сер., а чрезъ владыку я получила 1000 р. на поправку больничной церкви, и опять начали готовить матеріалъ для стройки. А моему сердцу готовились новыя скорби: добрая Екатерина Алексѣевна Муханова скончалась, вручивъ мнѣ свой дневникъ о болящей Юліи съ приказаніемъ владыки хранить его въ ризницѣ монастырской, пока будетъ угодно Господу привести его въ извѣстность. Скорбно было на вѣки съ ней проститься. Добрая была душа! Господь даровалъ ей мирную и христіанскую кончину. Упокой ее, Господи! За этимъ вслѣдъ, добраго, почтеннаго намѣстника Саввинскаго и нашего духовника о. Николая перевели въ Бѣлопесоцкій монастырь. Опять слезы; жаль было разстаться со старцемъ правдивымъ, простымъ, къ намъ искренно благорасположеннымъ, тѣмъ болѣе, что и онъ не желалъ перемѣщенія и со скорбію оставилъ монастырь и насъ убогихъ.

На его мѣсто назначенъ былъ его казначей іеромонахъ о. Галактіонъ, а его замѣнилъ переведенный изъ Ново-Спасскаго монастыря намѣстникъ о. Стефанъ. Я лично его не знала, но онъ былъ духовникомъ и руководителемъ въ мірѣ Авдотьи Александровны и черезъ нее имѣлъ со мною сношеніе. Былъ человѣкъ умный, образованный, съ мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ. Служилъ священникомъ въ селѣ, въ супружествѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потерявши жену, посвятилъ себя пастырскимъ трудамъ, молитвѣ, провождалъ вполнѣ жизнь монастырскую и въ послѣдствіи вступилъ въ монастырь. Его-то владыка назначилъ намъ въ духовники. Отдохнуло нѣсколько мое сердце. Я привязалась къ нему всей душей. Онъ говорилъ мало отъ ума, былъ направленъ ко всему отвлеченному, духовному; сухость не имѣла въ немъ мѣста, а между тѣмъ мягкость сердца не затмѣвала разсужденія. Онъ со взрослыми былъ серьезенъ и даже строгъ, съ немощными и юными самъ былъ младенецъ. Свое направленіе онъ основывалъ на словѣ Св. апостола Павла: *былъ всѣмъ вся, съ законниками яко подзаконникъ, съ язычниками яко язычникъ.* Но отнюдь не человѣкоугодничалъ, а гдѣ нужно было слово правды, то не обинуясь говорилъ ее. Кромѣ говѣнья я часто видалась съ нимъ. Онъ съ утѣшеніемъ слушалъ мои разсказы о болящей; бесѣда его была радушная, простая, сердечная. Но недолго и здѣсь Господь судилъ имѣть утѣшеніе. О. Стефанъ, въ слѣдствіе многихъ скорбей и простуды, полученной при переѣздѣ черезъ рѣку въ полузимнее время для пріобщенія болящаго, который ни у кого не хотѣлъ исповѣдываться кромѣ его, заболѣлъ: разлилась желчь, и никакія средства не могли спасти его. За нѣсколько дней онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, но старался скрывать, чтобы не оскорбить меня и не повергнуть въ крайнее уныніе, однако говорилъ, что̀ дѣлать въ случаѣ его кончины. Часто я посѣщала его въ эти дни и бесѣдовала съ нимъ. Въ одно изъ сихъ незабвенныхъ свиданій, разговаривая о будущей жизни и какъ должно проводить жизнь временную, онъ мнѣ сказалъ. Тебѣ одной, какъ дочери, скажу; все, другъ мой, бывало. Ты знаешь, я овдовѣлъ 23-хъ лѣтъ; старался соблюсти себя и для того вкушалъ иногда однажды въ седмицу, валялся на голомъ полу, а теперь, видишь, лежу на диванѣ; всему свое время! Въ Св. Четыредесятницу на первой недѣлѣ не вкушалъ я до субботы ничего. Старайся и ты понести что-либо! Случалось, стану читать правило, свое сердце разогрѣется, отстать не хочется отъ молитвы; наконецъ немощь тѣла возметъ свое, лягу, и въ полуснѣ приходятъ чувства, мысли такія свѣтлыя, такія высокія! Вскочу, хочу записать, чтобы сохранить ихъ: нѣтъ земныхъ словъ, чтобы выразить небесное чувство!» За три дня до кончины, когда я поздра-

вила его съ принятіемъ Св. Таинъ и Св. Елеосвященія, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Слава Богу, я только этого и желалъ; теперь я совершенно спокоенъ и смерти не боюсь. Да, приходитъ время, когда ни сродники, ни друзья уже не нужны; одинъ Хранитель Ангелъ, руководствующій душу неизвѣстнымъ путемъ! Скажу тебѣ, что давно ничто меня не привлекало къ жизни, и ничего земнаго душа не желала, все равнодушно!»—А тяжко вамъ, батюшка? спросила я. — «Нѣтъ, я не страдаю».—Въ этотъ же день выслушалъ онъ отходныя молитвы, распорядился, въ чемъ его положить, все на случай смерти приготовленное одѣяніе приказалъ принести и требовалъ, чтобы эпитрахиль, наглазникъ, коротенькую келейную мантійку, мною ему данныя, непремѣнно на него надѣли. «Это даръ моихъ цыплятъ (такъ называлъ онъ насъ); хочу, чтобы и въ гробѣ онѣ были со мною неразлучны.»

Такъ какъ я каждый день возвращалась къ себѣ въ обитель, то онъ, чувствуя, что слабѣетъ и впадаетъ въ забытье, не медля, послалъ за мною. Это было наканунѣ смерти. Когда я пріѣхала и около получаса простояла у его постели, онъ открылъ глаза, узналъ меня, обнялъ и крѣпко прижалъ къ себѣ, сказавъ: «Прощайте, сестры, дѣти мои; всѣмъ мое благословеніе. Богу васъ вручаю и Пречистой Его Матери, а здѣсь некому»!—Въ это время скорбь объяла все существо мое. «Отецъ мой, какъ тяжело жить!»—«Родимая моя, Господа ради не унывай! На мнѣніе людей никогда не гляди, а только думай, какъ бы совѣсть свою представить непорочну предъ Господомъ. Господь милосерднѣе людей, Онъ все знаетъ; а люди только судятъ по внѣшности. Мало ли какихъ искушеній бываетъ? Часто чего мы страшимся, то приходитъ и гдѣ думаемъ нѣтъ опасности, тамъ падаемъ!»—«Батюшка, родной мой, сокровище мое», вопила я, рыдая, «возьми меня скорѣе съ собою!»—«Не могу. Когда будетъ Богу угодно, всѣ будемъ тамъ, рано или поздно. Мать, не имѣй ничего; какъ легко умирать, не оставляя по себѣ ничего!»—Тутъ изнемогъ онъ и впалъ въ забытье; черезъ нѣсколько времени пришелъ въ себя, увидѣлъ меня, крѣпко прижалъ мою голову къ себѣ и сталъ говорить: «Христосъ съ тобой, родная моя; утѣшь тебя Господь, какъ ты меня утѣшала! Помнишь о той особѣ, о которой мы прежде говорили. Они проводятъ жизнь министерскую, а нашей монастырской не понимаютъ и руководствовать нами не могутъ. Твой покровъ—Божія Матерь!» (Мы говорили прежде о протоіереѣ Сергѣѣ Ивановичѣ). Ночь эту провела я около него. Онъ увидѣлъ меня въ 11 часовъ.—«Хлопотунья моя, ты все здѣсь», и крѣпко сжалъ мнѣ руку, которую я держала въ его рукѣ. Въ 12 часовъ ночи умирающій о. Стефанъ потерялъ возможность говорить, но и послѣ узналъ, съ отеческою любовію смотрѣлъ на меня, прощаясь, и

опять пожалъ руку. Это былъ уже послѣдній знакъ его отеческой любви. Сдѣлалось воспаленіе, страдалъ ужасно до 2-хъ часовъ пополудни, а скончался совершенно тихо въ Среду на первой недѣлѣ Великаго поста, 20-го Февраля 1857 года. Послѣ него нашли имущества 20 р. сер., а ожидали найти капиталъ.

Нечего описывать, какъ было мнѣ тяжко утратить это сокровище. Я въ скоромъ времени поплатилась за эту скорбь тяжкою болѣзнію. Нѣсколько опомнясь послѣ похоронъ о. Стефана, я должна была приниматься за стройку и за дѣла. За матеріалы расплатилась, а на производство опять нѣтъ ни гроша. Однажды, расчитывая съ Надеждой Николаевной наши доходы и расходы и видя совершенное оскудѣніе, я, сознаюсь, упала духомъ. Чтò дѣлать, ни откуда нѣтъ источниковъ. Надежда Николаевна старалась ободрить меня, напоминая, что не въ первый разъ такъ случается. Вдругъ, ты чадо, еще юная и неопытная, входишь и говоришь: «баринъ въ энотовой шубѣ пріѣхалъ и желаетъ непремѣнно васъ видѣть». Хотя я вовсе не была расположена къ пріему гостей, но нечего дѣлать, надо просить. Входитъ почтмейстеръ нашъ съ книгой и объявляетъ, что на имя обители получено 1000 р. серебромъ, «извольте расписаться», говоритъ онъ. Ни слуху, ни глазамъ своимъ не вѣрю; адресъ къ намъ, а послано отъ неизвѣстнаго. И доселѣ не знаю, кто былъ благодѣтель. Вотъ какъ помощь Божія близка къ намъ во всякое время; не умѣемъ мы только цѣнить ее и искать вѣрою и любовію.

Это было великимъ постомъ. Послѣ Пасхи отправилась я съ св. артосомъ къ владыкѣ, передала ему случившееся; онъ съ отеческою любовію выслушалъ и даже разсказывалъ о семъ Павлу Григорьевичу Цурикову, котораго всегда желалъ расположить въ нашу пользу и поддержать въ добромъ къ намъ расположеніи. Святитель зналъ, что съ начала моего вступленія въ настоятельскую должность г. Цуриковъ съ недовѣріемъ всматривался въ мои дѣйствія, хотя и продолжалъ давать запасъ въ трапезу; на вопросы же владыки о порядкахъ монастырскихъ всегда давалъ благопріятный отвѣтъ.

Возвратясь домой ко 2-му Мая, т. е. къ нашему празднику, я уже чувствовала себя дурно и въ самый этотъ день слегла въ постель. Сильная тифозная горячка водворилась въ обители; до 30 человѣкъ почти въ одно время со мной ей подверглись.

Я была при смерти. Добрый докторъ К. И. Сокологорскій пріѣзжалъ и, сколько могъ, помогалъ больнымъ; никто не былъ жертвой болѣзни, но иныя потеряли здоровье, въ томъ числѣ и азъ грѣшная утратила силы, и нѣсколько лѣтъ продолжалось изнеможеніе. Въ болѣзни моей много было страннаго: я мало бредила, но тѣло дошло до

такого истощенія силъ, что сдѣлалось какое-то полусознательное состояніе, въ которомъ, сохраняя весь смыслъ и узнавая всѣхъ, я только теряла всякое свѣтское приличіе и говорила въ глаза каждому то, чего бы въ полной памяти никогда не посмѣла сказать. Я горячо всѣхъ любила и желала всѣмъ спасенія; душа стремилась всѣхъ привлечь къ Богу, къ Его святой любви, всѣхъ соединить во Христѣ Господѣ. Теперь уже я почти перезабыла, что говорила, чувствовала и видѣла и отъ того не могу ничего передать, боясь исказить правду. Болѣзнь моя продолжалась долго: меня особоровали, раза три сообщали Св. Таинъ; я рѣшительно чувствовала и понимала, что умираю. Когда нѣсколько оправилась, въ концѣ Іюня, я просила дозволенія у владыки побывать у преподобнаго Сергія и пробыть ради отдыха нѣсколько времени, чтобы отдалиться отъ заботливости управленія дѣлами; ибо у меня до такой степени ослабли нервы, что я вся тряслась, дѣлались непрестанные обмороки, и я не могла рѣшительно связать никакой мысли. Владыка соизволилъ, писалъ ко мнѣ и прислалъ въ благословеніе икону преп Сергія. Я немедля отправилась, явилась къ нему въ Лаврѣ, едва могла переступать. Онъ удивился, не ожидалъ меня увидѣть въ такомъ положеніи, много распрашивалъ; я ему все раскрыла о своей болѣзни. Много говорилъ онъ о видѣніяхъ, объ искушеніяхъ и между прочимъ разсказалъ слѣдующее. «Одинъ старецъ, подвижникъ нынѣшняго времени, проводилъ жизнь совершенно отшельническую въ уединенной хижинѣ. Однажды, стоя на молитвѣ ночью, слышитъ онъ около келіи шумъ войска и стрѣльбу. Старецъ смутился на первую минуту; но потомъ, сообразивъ, что войску не откуда придти и что это смущеніе вражіе, остановилъ себя и пребылъ на молитвѣ, не обращая вниманія на шумъ и выстрѣлы до самаго разсвѣта. Вышедши утромъ изъ келіи, онъ нашелъ около нея землю всю усыпанную вишневыми косточками. Вотъ какъ ничтожно всякое мечтаніе вражіе. Мудрый старецъ безъ труда отразилъ его молитвою вѣры».

Утѣшившись сердечно, какъ и всегда, бесѣдою святителя, пробыла я нѣсколько дней въ Лаврѣ и возвратилась въ обитель. Однако силы мои не дозволяли продолжать поправку больничной церкви, которая и была отложена до слѣдующаго года; а настоятельскія келіи и амбары для запасовъ были окончены, и возвратилась я уже на новоселье. Кажется, въ это же время Н. Г. Цуриковъ устроилъ новую странноприемную на свое иждивеніе для странниковъ; прежде присылалъ запасъ, а вслѣдствіе разговоровъ и пересудовъ сталъ давать деньгами на покупку хлѣба и прочаго для насъ запаса.

Въ этотъ же годъ сильно потрясла меня семейная непріятность. По смерти сестры Надежды Семеновны бѣдный братъ нашъ, промотав-

шись совершенно, впалъ еще въ худшую безнравственную жизнь: постоянно окруженный дурными товарищами, имѣя характеръ слабый, увлекался во все дурное. Наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякаго основанія, начать тяжбу съ сестрой Варварой Семеновной, чтобы отнять у нея село Аносино. Конечно, тяжба не была выиграна, но онъ пріѣзжалъ въ Аносино съ разными судейскими крючками и желалъ меня видѣть. Одинъ несчастный видъ его растерзалъ мнѣ сердце: больной, оборванный, потерявшій совершенно даже наружность порядочнаго человѣка! Усовѣщевать его было невозможно; однако я высказала ему, на сколько требовала совѣсть. Это было послѣднее свиданіе: онъ вскорѣ скончалъ свою плачевную жизнь, оставивъ въ утѣшеніе, что, безъ сомнѣнія, за молитвы матушки нашей Евгеніи, Господь даровалъ ему добрую и христіанскую кончину. А гдѣ покаяніе, тамъ и прощеніе отъ Премилосердаго Господа. Да, чадо милое, помни, что никакая скорбь, никакое смущеніе, никакая радость не должны отнюдь мѣшать исполненію обязанности. Долгъ совѣсти долженъ идти всегда впереди всего.

И такъ, наши дѣла монастырскія шли своимъ чередомъ. Надежда Николаевна много помогала мнѣ и денежными средствами, и умомъ своимъ. Часто и много боролась я съ ея настойчивостію, думая непремѣнно сломить ее и сдѣлать изъ нея дѣятельнаго члена нашего смиреннаго общежитія; но впослѣдствіи оказалось, что гдѣ мы хотимъ дѣйствовать своимъ упорнымъ разсужденіемъ, хотя, кажется, и благоразумнымъ, все то непрочно, ибо не имѣетъ въ основаніи *смиренія* и предавности безусловной волѣ Божіей; ибо Онъ Единый все вѣдаетъ и все устрояетъ къ лучшему. Отъ чего чаяла утѣшенія и помощи настоящей, то не сбылось; и далъ Онъ мнѣ впослѣдствіи помощницу въ Н. В. Щенковой, которая въ это время вступила въ обитель. Дочь богатаго отца изъ купеческаго сословія, но воспитанная при мачихѣ, въ довольствѣ, въ пышности внѣшней, но необразованная, загнанная и отъ того неразвернутая и робкая, она старалась образовать себя духовно и много читала. Боялась я всегда принять кого либо позначительнѣе въ обитель, тѣмъ болѣе, что отецъ Щенковой неохотно отпускалъ ее въ монастырь. Я повезла ее къ святителю испросить совѣта и благословенія. Онъ принялъ ее довольно строго и спросилъ, давно-ли имѣетъ желаніе вступить въ обитель и почему? Наталья Власьевна отвѣчала, что она получила это направленіе отъ тетки своей Никитскаго монастыря игуменьи Амеилогіи, у которой часто гостила. «Да, она была добрая старица». Наталья Власьевна просить стала благословенія вступить къ намъ въ монастырь. «Богъ благословитъ; но смотри, не разрушай правилъ обители; у нихъ (показывая на меня) и

строго, и сурово; не вводи роскоши, не приноси съ собою мірскихъ вашихъ затѣй, слушайся ея». Мы обѣ, поклонившись ему до лица земли и принявъ благословеніе, отправились, и Щенкова скоро переселилась къ намъ, внеся вклада 2000 р. с. и, драгоцѣннѣе всякаго вклада, принесла истинно-монашеское послушаніе и нестяжаніе.

За ней вступила почти обманомъ, сказавъ, будто владыка приказалъ ее принять, изъ дворянъ, дѣвица Силина, больная и ни къ чему неспособная; внесла 1000 р. с. Обѣимъ вкладчицамъ нужно было устроить келіи. Не хотѣлось мнѣ строить мелкихъ деревянныхъ флигелей, и я рѣшилась начать еще корпусъ (низъ каменный, а верхъ деревянный), а пока помѣстила ихъ въ другихъ зданіяхъ. Къ этому же времени относится переходъ изъ Бородинскаго монастыря монахини Антоніи въ нашу обитель (по причинѣ бывшихъ ей въ оной непріятностей и скорбей). Она испросила дозволеніе выстроить себѣ келію, а до окончанія постройки оной жила довольно тѣсно и проходила послушаніе ризничей. Характера была молчаливаго, терпѣлива, умна и къ дѣлу весьма способна, но здоровья небогатаго. Пользовалась милостію владыки, тѣмъ болѣе, что она была воспитана съ 16-лѣтняго возраста и руководима покойной игуменьей Маріей (Тучковой), которую святитель любилъ и уважалъ. Разскажу странный сонъ, видѣнный м. Антоніей. Когда постройка ея келіи уже приходила къ окончанію, и она утѣшалась спокойнымъ и уединеннымъ помѣщеніемъ, видитъ она во снѣ владыку митрополита Филарета, который ей говоритъ, что ей въ этой келіи не жить. Антонія, проснувшись, смутилась, думая, что эти слова предсказываютъ ей смерть, и разсказала мнѣ видѣнное. Конечно, я старалась успокоить ее, какъ умѣла, говоря, что снамъ вѣрить не должно и что владыка не указалъ-же прямо на кончину ея. Прошло мало времени, получаю приказаніе отъ святителя явиться съ м. Антоніей въ Москву. Она ужасно испугалась, не понимая причины требованія, а когда явились, то онъ объявилъ, что м. Антонія должна быть настоятельницею Страстнаго монастыря. Посвященіе ея совершилось черезъ недѣлю. При этомъ случаѣ и часто при другихъ перемѣнахъ въ настоятельскихъ мѣстахъ молва переводила и меня изъ Аносина, но святитель видимо пока не желалъ меня удалить отъ обители мнѣ родной и дорогой по всему; онъ, какъ отецъ чадолюбивый, понималъ мое сердце и мою привычку къ уединенной жизни, мой робкій нравъ, не сродный для мѣстъ видныхъ, и оставлялъ меня въ нашей безмятежной пустынѣ.

Келія м. Антоніи стоила 1200 р. с. Владыка, зная ея малыя средства, спросилъ, какъ мы рѣшились поступить съ келіей, ибо она была только что выстроена и должна была остаться собственностію обители.

Игуменія Антонія не хотѣла брать отъ насъ, а я непремѣнно желала отдать. «Полно вамъ спорить», сказалъ владыка, улыбаясь. «Я рѣшу ваше прѣніе: ты отдай игуменьѣ Антоніи 500 р. с., а ты съ любовію и благодареніемъ возьми; да и прошу тебя, пробудь съ игуменіей Антоніей нѣсколько времени; ты уже имѣешь нѣсколько опыта, помоги ей принять ея должность и водвориться въ своемъ мѣстѣ; этого требуетъ любовь о Христѣ». Такимъ образомъ, пробывъ недѣли двѣ съ нею, я возвратилась домой къ своимъ мирнымъ и нешумнымъ занятіямъ. Келія м. Антоніи перешла къ Щепковой; впослѣдствіи еще была сдѣлана пристройка для Силиной, потомъ для Болотовой, и все вмѣстѣ составило еще одно-этажный деревянный корпусъ.

Около сего же времени, т. е. въ 1860 г., вспоминаю, что поступила къ намъ А. Лебедева, дитя лѣтъ 12, купеческаго званія. Когда отецъ ея, благоговѣвшій къ владыкѣ, привелъ малютку принять благословеніе, то долго его не допускали; онъ упорно просилъ свиданія, ибо надо было или оставить дитя дома, или отправить со мной въ обитель въ тотъ же день. Наконецъ доложили. Владыка выслушалъ отца, положилъ руку на голову дѣвочки, молился, благословилъ, съ любовію отпустилъ, а мнѣ при первомъ свиданіи сказалъ, когда рѣчь зашла о ней: «Прими, не отрѣвай, таковыхъ бо есть царствіе небесное. Лебедева была тебѣ отдана подъ надзоръ и доселѣ съ тобою неразлучна» Добрая и простая душа! Какъ Господь поведетъ далѣе ея жизнь?.

Общій благодѣтель всего околотка, а въ особенности Саввина и нашего монастыря П. Г. Цуриковъ, въ память своего покойнаго родителя Григорія Михайловича, вознамѣрился устроить часовню для чтенія неугасаемой псалтири надъ пещерой, вырытой самимъ преподобнымъ Саввою, въ которую сей угодникъ Божій удалялся для молитвы, и выстроить около часовни сторожку съ комнатой для помѣщенія по очереди читающимъ псалтирь. Но Господу угодно было прославить сіе уединенное мѣсто, освященное трудомъ и молитвою препод. Саввы. Мысль о часовнѣ перешла къ пещерной церкви, потомъ явилась въ размѣрѣ общежительнаго скита, обезпеченнаго на 16 человѣкъ. Владыка съ любовью принялъ усердіе и разрѣшилъ устройство онаго.

Года за два до сего (около 1858 г.) въ Саввинѣ монастырѣ перестроивали теплую церковь. Владыка самъ освящалъ ее (придѣлы были освящены уже викаріями); когда явилась я принять благословеніе и просить его посѣтить нашу убогую обитель, святитель отвѣчалъ мнѣ: «Въ настоящее время это невозможно: я долженъ спѣшить на экзаменъ въ Николаевскій Институтъ. Насъ не спрашиваютъ; тамъ начальница иностранка назначила день, объявила мнѣ, и перемѣнять уже нельзя». Я на это выразила свою глубокую скорбь, что обитель будетъ лишена

счастія принять личное благословеніе отъ его высокопреосвященства. На это святитель отвѣчалъ: «Не скорби, въ другой разъ пріѣду и буду у тебя». Конечно, я приняла его слово, какъ утѣшеніе, и увѣрена была, что это никогда не случится. И что же? Черезъ три-четыре года, 4 Сентября 1862 г. его прозорливое слово совершилось, и онъ, возвращаясь уже съ освященія скита, посѣтилъ нашу обитель. Хотя о. игуменъ Галактіонъ приглашалъ меня на освященіе, но съ оговоркой, что будетъ очень тѣсно; поэтому, всегда бѣгая большого стеченія, я не поѣхала, а явилась уже послѣ обѣда и прямо къ владыкѣ. Онъ былъ очень благосклоненъ, и я повторила мою просьбу о его посѣщеніи нашей пустыни. «Зачѣмъ не сказала прежде? Я уже пѣвчихъ и ризницу отпустилъ (вѣроятно хотѣлъ служить). Отчего ты не была на освященіи?» — «Побоялась тѣсноты, владыко святый.» — «А я тебя и твоихъ сестеръ вспоминалъ: вотъ просфора о здравіи твоемъ. Не говорю навѣрно, но постараюсь быть у тебя». Я благодарила святителя и поспѣшила ему дать покой. Возвратилась, чтобы все приготовить въ обители къ его принятію. Черезъ день игуменъ далъ знать, что владыка заѣдетъ по дорогѣ въ Москву къ Павлу Григорьевичу, а отъ него къ намъ.

Я не умѣю выразить чувство, меня одушевлявшее. Ждала я со страхомъ. Вся обитель была собрана у св. вратъ, священникъ съ крестомъ и св. водой; народъ за оградой толпился въ ожиданіи святителя, еще при покойной матушкѣ Евгеніи посѣтившаго обитель. Когда ударъ колокола возвѣстилъ о его приближеніи, слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ; мнѣ казалось, что Самъ Господь въ лицѣ Своего святителя посѣщаетъ этотъ смиренный уголокъ земли. Когда остановилась карета, и онъ, свѣтлый, какъ ангелъ Божій, окруженный сестрами обители, пошелъ во храмъ, я не помнила сама себя и все и всѣхъ забыла. Прослушавъ литію и многолѣтіе, осмотрѣвъ алтарь, вышелъ онъ и сталъ около праваго клироса. Сестры стали подходить къ благословенію, начиная со старшихъ; я указывала на тѣхъ, которыя еще были при покойной основательницѣ. Многія плакали, старицы по нѣскольку разъ лобызали его благословляющую десницу. Наконецъ онъ спросилъ: «Гдѣ погребена покойная основательница?» Я указала мѣсто. Владыка вышелъ въ сѣверную дверь холоднаго собора, на паперть, которая приходится прямо надъ могилой, и тихо самъ совершилъ литію, поклонился почти до земли. «Почему не въ церкви положена?» — «Ей не угодно было лечь въ церкви; мѣсто могилы было задолго ею самой назначено, и никто не смѣлъ нарушить ея воли». Потомъ, вошедъ обратно въ церковь, онъ осмотрѣлъ придѣлы уже весьма ветхіе; отсюда прошелъ въ больничную церковь, недавно поправленную, замѣ-

тилъ, что иконостасъ вѣроятно сохраненъ тотъ же, а только колеръ измѣненъ, и ему была пріятна прежняя простота. Потомъ онъ направился въ больницу, устроенную съ помощію г-жи Хвостовой (старой, бывшей при основательницѣ, и слѣда не было) въ память ея мужа.— «Почему не оштукатурено зданіе внутри?» — «Средствъ нѣтъ, святый владыко; штукатурка не необходима». — «Неужели настолько денегъ нѣтъ?» Оттуда прошелъ въ верхній этажъ. На лѣстницѣ лежали половики и всякая дрянь; я, не разбирая, сбросила внизъ чуть не на голову преосвященному Леониду.—«Покажи мнѣ келію которую нибудь». Куда ни кинусь, вездѣ заперто. — «Зачѣмъ вездѣ замокъ? Видно, есть что хранить въ келіи. Когда я въ первый разъ былъ въ Песношскомъ монастырѣ, всѣ келіи были отперты, и я находилъ въ нихъ скамьи вмѣсто кровати и столъ; а нынѣ тоже подъ замкомъ, и развелись самовары и многое другое; такъ-то и теперь у тебя?» — «Владыко святый, всѣ стремились къ вамъ на встрѣчу, а народа много; опасно оставить келію безъ замка: унесутъ и самое необходимое». Вышедъ на крыльцо корпуса, остановился, съ удовольствіемъ окинулъ взоромъ и сказалъ: «Хорошо, только старайся не стѣснять монастыря деревянной постройкой». И отправился прямо въ трапезу, гдѣ были накрыты столы, благословилъ, отвѣдалъ хлѣбъ, квасъ, поцѣловалъ булку и пошелъ въ настоятельскія келіи. Видно было, что ему пріятна была простота оныхъ и неогромный размѣръ; помолился, благословилъ меня, поставилъ свою трость въ уголокъ подлѣ себя и занялъ мѣсто на смиренномъ диванѣ, обитомъ Ярославской синей матеріей. «Зови же преосвященнаго, Павла Григорьевича и прочихъ». Когда всѣ размѣстились, и мнѣ тоже указавъ мѣсто, владыка сталъ говорить. «Знаешь ли ты, что я способствовалъ къ основанію этой обители?» — «Очень часто слыхала отъ покойной матушки о вашемъ отеческомъ попеченіи, владыко святый.» — «Я разскажу вамъ, преосвященный», продолжалъ святитель, обратившись къ бывшему тутъ же своему викарію Леониду, «какъ устроилась эта обитель. Первый годъ присутствовалъ я въ Синодѣ, когда княгиня Мещерская, по моему же указанію, подала просьбу о обращеніи богадѣльни въ общежительный монастырь. Многіе противились этой мысли по скудости средствъ и малаго обезпеченія; но я, зная усердіе и вѣру основательницы, употребилъ все стараніе, чтобы ея благочестивое желаніе исполнилось, и вотъ обитель и доселѣ существуетъ, и донынѣ средства скудныя; но Господь не оставитъ». Потомъ, обратя вниманіе на соборъ: «Странная архитектура того времени, вкусъ Александровскаго царствованія, круги да столбы. Да ветхое все, строилось на гроши».—Подали чай. Владыка взялъ чашку, прибавилъ нѣсколько капель вина, выкушалъ половину и отдалъ. Закуска

стояла неприкосновенна. Не помню, еще о чемъ шла рѣчь. Я смотрѣла и исчезала отъ радости, что святитель въ обители, и до того растерялась, что не умѣла даже предложить отдыха въ приготовленной келіи. Преосвященный Леонидъ поправилъ мою неловкость. «Ваше высокопреосвященство», сказалъ онъ, «мать игуменья озаботилась приготовить вамъ келію для отдохновенія; а насъ благословите возвратиться пировать у соорудителя Пещерной церкви». — «Богъ васъ благословитъ». Когда Павелъ Григорьевичъ подошелъ принять благословеніе и, поклонясь до земли, благодарилъ святителя за оказанную ему милость пріѣздомъ своимъ; владыка склонился къ нему, довольно долго говорилъ, но тихо, а тотъ отъ слезъ не могъ сказать ни слова. Потомъ владыка благодарилъ г. исправника Брюзгина за распорядительность и просилъ къ себѣ, а игумену Галактіону изъявилъ свою признательность и удовольствіе, послѣ чего и удалился, а я пошла провожать преосвященнаго Леонида.—Не правда-ли, мать игуменья, когда солнце сіяетъ, объ звѣздахъ не думаютъ? сказалъ онъ улыбаясь. «И съ нами теперь такъ случается». Ласково простились и всѣ уѣхали.

Владыка, отдохнувъ нѣсколько минутъ, вышелъ въ пріемную, гдѣ я его ожидала. «Зови же Московскихъ гостей, я ихъ видѣлъ давеча». Это были семейства С. Г. Котова и Егоровыхъ. «Мнѣ пріятно видѣть васъ всѣхъ здѣсь вкупѣ, въ обители у нея».—«Владыко святый», возразила я, «не иначе ихъ считаю, какъ ближайшими родными».—«Духовное родство ближе тѣлеснаго, союзъ духовный тверже и прочнѣе: онъ имѣетъ основаніе въ вѣрѣ и любви Божіей. Желаю, чтобы всегда оный между вами сохранился». Потомъ повелъ рѣчь о дѣлахъ Котова, о торговлѣ, о скудости обители нашей, о промыслѣ Божіемъ надъ ней и, пробывъ около получаса, собрался въ путь. Всѣ ожидали его выхода: сестры, народъ, посѣтители спѣшили принять благословеніе его; всѣ мы знали, что уже болѣе въ нашей пустыни его не увидимъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сказалъ: «Силы мнѣ измѣняютъ, путешествія уже никуда не могу предпринимать, развѣ только въ Лавру». Когда онъ уже сѣлъ въ карету, я вошла на подножку, обняла его стопы, залилась слезами: «Свѣтлый ангелъ нашъ! Отецъ нашъ!» Далѣе ничего не могла говорить. «Довольно, довольно», и у самого на глазахъ навернулись слезы, тихо отстранялъ меня рукой и далъ знакъ къ отъѣзду. Добрый и усердный С. Г. Котовъ вспрыгнулъ на козлы кареты вмѣсто провожатаго и такъ везъ святителя до Москвы, ограждая его спокойствіе.

Во время посѣщенія владыки, страдавшая бѣснованіемъ сестра Матрена встрѣтила его при выходѣ изъ трапезы и подала ему поясокъ съ молитвой; онъ принялъ и, замѣтя ея растроенный видъ, положилъ

руку на голову ея, тихо произнесъ молитву, потомъ, въ скоромъ времени, прислалъ икону въ благословеніе. Съ тѣхъ поръ припадки изступленія миновались, и хотя осталась въ нравѣ раздражительность, но пребываетъ въ совершенномъ разумѣ.

Не медлила я. Рано утромъ на другой день, вынувъ просфору о здравіи святителя, во время благовѣста къ ранней обѣднѣ, отправилась благодарить нашего безцѣннаго гостя. Я первая въ тотъ же день прискакала на подворье. Владыка милостиво принялъ меня и возобновилъ разговоръ, почему основательница не въ церкви положена. Я разсказала ему, что за нѣсколько лѣтъ до кончины у нея была приготовлена самая простая дубовая колода вмѣсто гроба, и мѣсто для могилы было самой ею назначено. По кончинѣ ея, родители мои никакъ не хотѣли положить ея тѣло въ колодѣ и прислали приличный гробъ, обитый чернымъ бархатомъ, и такой же покровъ, и сами находились при ея погребеніи. Въ эту же ночь м. игуменья Анастасія, бывшая тогда казначеей, видѣла сонъ, будто ей матушка Евгенія съ гнѣвомъ выговаривала, какъ смѣла она преступить ея волю, что̀ м. Анастасію весьма смутило. «Какъ разрѣшить это смущеніе, владыко святый?» спросила я. «Виноваты-ли родители мои, что поступили противъ воли матушки, и виновата-ли игуменья, что вняла ихъ желанію?» — «Никто не виноватъ: родители твои явили усердіе и любовь къ усопшей, а игуменьѣ нельзя было сопротивляться волѣ ихъ. Негодованіе же покойной доказываетъ, что она смиренна даже и за гробомъ». Потомъ поговорили о стройкѣ, и я простилась, принявъ благословеніе на возвратный путь.

Вздумалось мнѣ въ теченіе дня заѣхать къ Саввинскому игумену на архіерейское подворье, которое на Тверской улицѣ; не помню, зачѣмъ онъ мнѣ былъ нуженъ. Нахожу тамъ Павла Григорьевича, который объявляетъ мнѣ, что искалъ меня по всему городу. «Вотъ вамъ пакетъ отъ его высокопреосвященства; въ немъ 500 р. с., отправляйтесь и благодарите святителя». — «Что̀ это значитъ? Я не понимаю», сказала я. «Вотъ что: когда я явился благодарить владыку за освященіе скита, то подалъ ему пакетъ, прося принять милостиво изъявленіе моей признательности». — «Ни за что», сказалъ владыка. «Это для бѣдныхъ вашихъ, извольте имъ раздать». — «У васъ свои есть бѣдные, сами своихъ и одѣляйте». — «Владыко святый, сдѣлайте милость, примите». — «Никакъ». Я въ смущеніи, продолжалъ П. Г., видя безвыходное свое положеніе и неудовольствіе митрополита, сказалъ: «Дозвольте эту сумму передать въ Аносинъ монастырь». Самъ Богъ внушилъ мнѣ эту мысль. Лицо святителя прояснилось. «Хорошо», сказалъ онъ, «пусть будетъ отъ насъ обоихъ, передайте такъ и игуменьѣ». Узнавъ о такой архипастырской милости и поблагодаривъ усердно и благодѣтеля, отпра-

вилась я съ таковою же благодарностью ко владыкѣ, который разсказалъ мнѣ свой разговоръ съ Цуриковымъ и отпустилъ меня съ миромъ восвояси.

Всегда и во всемъ видимо Господь покрываетъ эту обитель Своимъ крайнимъ милосердіемъ. Кажется, чрезъ годъ А. М. Котова разрѣшилась и послѣ была сильно больна, сдѣлалась рана на груди; много ее лѣчили, но страданія продолжались. Въ одну ночь она видитъ во снѣ, будто бы я пришла къ ней и (не помню теперь) сказала-ли я ей чѣмъ мазать грудь или что иное, только проснувшись она почувствовала себя лучше. Мужъ ея съ той поры сталъ давать въ обитель ежегодно 1000 р. с., что̀ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Онъ самъ разсказывалъ, что прочіе купцы, отпуская въ ярмарки товаръ, имѣютъ обычай всегда его застраховывать; а онъ, вмѣсто обезпеченія отъ огня, вносилъ эту сумму 1000 р. с. въ обитель, и никогда не случалось, чтобы горѣлъ его товаръ. Однажды его возщики только выѣхали съ товаромъ съ ночлега, какъ занялось все селеніе и множество товара у другихъ сгорѣло, а его товаръ былъ доставленъ до ярмарки благополучно.

Ты не возымѣй, по твоей ко мнѣ любви, пустой мысли о моемъ какомъ-либо достоинствѣ; ради Бога, не вдавайся въ пустое мнѣніе, а смотри на вещи, какъ онѣ есть: удивляйся промыслу Божію, что Онъ дозволилъ ангелу Своему взять образъ моего недостоинства, чтобы симъ привлечь любовь боголюбивыхъ людей къ обители, которая постоянно была въ недостаткѣ.

Около сего же времени, т.-е. въ 1863 г. 21 Іюля, прибыла къ намъ на монастырскую гостиницу монахиня Саратовскаго дѣвичья монастыря Марія Любарская и, желая лично видѣться со мною, прислала просить дозволенія придти и привести въ даръ обители св. икону. Это предложеніе навело на меня заботливое смущеніе. Иконъ множество, думала я, и находящихся у насъ не знаю куда дѣвать: устраивать кіоты не на что, а валяться имъ на полкѣ въ ризницѣ, право, грѣшно. Вотъ какъ человѣкъ слѣпъ! Владычица грядетъ съ милостью честною Своею иконой, а бренный, слѣпой человѣкъ не хочетъ принять Ее и смущается о помѣщеніи. Смотри, маловѣрне, пользуйся чужимъ опытомъ и возгрѣвай въ сердцѣ чувство вѣры, чадо любимое! Монахиня пришла. Послѣ первыхъ словъ знакомства, приказываетъ келейной своей принести икону. Когда открыли ящикъ, и я увидѣла изображеніе, не умѣю передать, что̀ совершилось въ душѣ моей: благоговѣйная радость и страхъ овладѣли мною. Видѣла глазами тѣлесными икону, а сердце чувствовало присутствіе благодатнаго посѣщенія. Монахиня Марія такъ о себѣ разсказывала: «Я изъ дворянъ, пожелала быть въ числѣ сестеръ

милосердія при раненыхъ во время Крымской войны, пробыла тамъ во все продолженіе оной. Окруженная постоянно смертію, я восчувствовала всю ничтожность суеты міра, отправилась въ Іерусалимъ на поклоненіе св. гробу Господню; тамъ еще болѣе развилась мысль о уединеніи, и я просила митрополита Мелетія, старца истинно богодухновеннаго, наставить меня и постричь въ монашество, что̀ и совершилось съ разрѣшенія Государыни Императрицы и св. Синода епископомъ Кирилломъ. Тогда я писала къ замужней дочери моей въ Саратовъ и высказала мое желаніе помѣститься въ дѣвичьемъ Кресто-Воздвиженскомъ Саратовскомъ монастырѣ, гдѣ игуменья мнѣ давно была знакома. Получа ея согласіе, я озаботилась устроить въ семъ монастырѣ для себя келію, чтобы безъ затрудненій прямо изъ св. града перейти въ св. обитель. Желая имѣть памятникъ моего пребыванія при Гробѣ Господнемъ, заказала икону. Наступило время отъѣзда, а икона не готова; отлагать нельзя, ибо только два раза въ годъ отправляются поклонники изъ Іерусалима. Съ горемъ пошла я принять благословеніе святителя и наставника моего митрополита Мелетія; объявляю, что не могу получить желаемаго и должна безъ иконы отправляться въ путь. Онъ, видя скорбь моего сердца, приказалъ принести Геѳсиманскую икону Божіей матери Пречестнаго Ея успенія, которая лежала нѣсколько времени на гробѣ Господнемъ. Принимая ее отъ митрополита, какъ даръ благодатный, я изъявила желаніе устроить ее въ Саратовской обители. На это святитель сказалъ мнѣ: «*Будетъ въ обители, но не въ вашей; гдѣ пребудетъ сія икона, пребудетъ и благословеніе Владычицы и стеченіе народа*». Не смотря на слова сіи, по вступленіи моемъ въ Саратовскій монастырь, я непремѣнно желала устроить сію икону въ обители. И, пріѣхавъ, въ отсутствіи игуменьи, увѣренная, что и она раздѣлитъ мои чувства, поставила икону въ церковь; а сама, утомленная путешествіемъ, въ тотъ же день слегла и выдержала сильную болѣзнь. По выздоровленіи моемъ не въ храмѣ уже нашла св. икону Владычицы, а въ какомъ-то углу и всю въ пыли и небреженіи. Сіе случилось вслѣдствіе разныхъ столкновеній. Не порицаю за сіе игуменью, она была и есть добрая душа; но видно такъ вела всесильная десница Божія. И такъ икона была взята мною въ келію, гдѣ и пребывала четыре года; часто приходили ко мнѣ болящіе и, получая елей изъ лампады, теплящейся предъ св. иконой, получали исцѣленіе. Въ продолженіи этого времени, сынъ мой, послушникъ Саратовскаго мужскаго монастыря, путешествуя въ видѣ странника, былъ и въ вашей обители и, возвратясь, говорилъ мнѣ, что онъ нечаянно попалъ къ вамъ, что пустынь, хотя бѣдная, но пришлась ему по сердцу. Я же, видя многія исцѣленія отъ св. иконы Владычицы, непрестанно со скор-

бію размышляла, что̀ будетъ съ нею послѣ моей смерти. Однажды, сидя въ креслахъ противъ нея въ грустномъ недоумѣніи, кому ее вручить, ибо настоятели многихъ монастырей желали получить и водворить у себя это духовное сокровище, я задремала около полуночи и слышу вѣщающій гласъ: «*Отвези и поставь въ Аносинскую пустынь*». Я очнулась въ недоумѣніи, какая такая пустынь и, думая, что это мечта, начала̀ обычное свое молитвенное правило и, окончивъ, легла въ постель. Едва свела глаза, слышу опять повелительный гласъ, повторяющій строго тѣже слова. Когда я разсказала о случившемся пришедшимъ моимъ дѣтямъ, сынъ напомнилъ мнѣ про пустынь вашу. Я видѣла Божіе произволеніе; но дальность разстоянія, скорбь разлуки съ моей Покровительницей, колебали мое сердце, я не рѣшалась исполнить повелѣнное. Господь наконецъ наказалъ мое непокореніе: я распухла съ головы до ногъ. М. игуменья, дѣти, доктора всѣ прилагали свои старанія, и все оставалось тщетно. Я же, страдая, наконецъ образумилась и, сознавъ свой грѣхъ, обѣщала, что ежели подниметъ меня Владычица, то, не медля, на своихъ рукахъ понесу Ея св. икону въ угодное Ей обиталище. Въ три дня опухоль прошла, и я вскорѣ съ келейной моей, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ телѣгѣ, гдѣ по водѣ достигла до васъ, и вотъ вручаю вамъ свое сокровище!»

Съ удивленіемъ и благоговѣніемъ выслушавъ разсказъ старицы, я предложила ей отправиться къ владыкѣ и ему лично все объяснить подробно. Она будто была согласна, но потомъ уклонилась: я должна была уже одна о всемъ донести святителю нашему, и онъ съ внимательнымъ благоговѣніемъ выслушивалъ разсказъ мой. Икона была принесена тобою и положена предъ нимъ на столѣ. Снявъ владыка свою шапочку, сталъ склонясь надъ иконою; и прочелъ тропарь: *Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси* и пр. до конца; долго и пристально смотрѣлъ и сказалъ: «Живопись точно Греческая; можетъ быть, найдутся художники подражать платью, но лику—едва-ли». Я спросила, какъ и гдѣ устроить? «Отнесись къ священнику въ приходѣ Космы и Доміана, что̀ за Москвой-рѣкой; онъ человѣкъ внимательный и вели, сдѣлавъ доску, приписать Спасителя, пріемлющаго душу Богоматери и одръ, на коемъ возлежало-бы тѣло Ея. Изображеніе-же врѣзать въ доску, но не совершенно углублять его, чтобы отдѣлялась отъ общей иконы. Пріищи удобное мѣсто и мнѣ тогда скажи». Я въ точности исполнила приказаніе и за день до праздника Успенія послала монахиню домой. Пошелъ проливной дождь, нѣкоторыя плотины прорвало, рѣки наполнились. Монахиня съ иконою пробралась съ трудомъ до села Рожествена, надѣясь, что въ этомъ мѣстѣ удобнѣе переходить черезъ рѣку, но на берегу Истры остановилась въ недоумѣніи. Князь

Голицынъ, помѣщикъ села, всячески отклонялъ ее, представляя невозможность переѣзда. Но простосердечная м. Макрина отвѣчала: «Завтра праздникъ Владычицы, а съ Нею потонуть нельзя». Между тѣмъ собрался народъ у берега, взяли ящикъ съ иконою на головы и пустились въ бродъ, едва головы были видны изъ подъ воды, перенесли благополучно и прибыли въ обитель въ повечеріе. Св. икона была устроена на столикѣ въ сѣверной паперти Троицкаго храма. Въ туже, можно сказать, минуту началъ стекаться народъ, и ко всенощной не только храмъ; но и монастырь наполнился толпами богомольцевъ. Спрашивали у нихъ, кто сказалъ имъ о принесенной иконѣ? Иные говорили: «старикъ намъ повѣстилъ». Другіе: «мальчикъ объявлялъ всѣмъ и звалъ въ Аносинъ монастырь». Удивительно и трепетно было видѣть множество болящихъ, притекавшихъ къ заступленію Богоматери; многіе получали исцѣленіе, о которыхъ находится запись въ монастырской ризницѣ и лѣтописи, а другой экземпляръ всегда представлялся владыкѣ.

Нашъ благодѣтель былъ тронутъ и пораженъ симъ особеннымъ Божіимъ промышленіемъ и пожелалъ устроить два кіота: одинъ великолѣпный въ холодный храмъ, а другой попроще въ теплый. Сдѣлали рисунки, представили владыкѣ, означивъ мѣсто, гдѣ поставится. «Хорошо», сказалъ святитель, «но я бы совѣтовалъ сдѣлать кіоты одинаковые, чтобы народъ свободно узнавалъ икону. *Нарядную послѣ сдѣлаете*, а теперь держите себя смиреннѣе, тише, немного разглагольствуйте». И выбралъ рисунокъ попроще. Съ симъ отвѣтомъ возвратилась я къ благодѣтелю. Тотъ никогда и ни въ чемъ не пререкалъ волѣ святителя, и простенькій кіотъ былъ заказанъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы по причинѣ стеченія народа на зиму не переходить въ больничную церковь (въ которой обычно была зимою служба), а оттопить предѣлы въ соборѣ. Когда стали топить и готовиться къ переходу въ оные, то церковница замѣтила увеличивающіяся трещины на потолкѣ и однажды была испугана сильнымъ ударомъ, какъ будто выстрѣломъ изъ ружья. Стали осматривать и увидѣли, что верхній накатъ на поларшина отъ стѣны сгнилъ и висѣлъ на штукатуркѣ, которая дала трещину отъ западной стѣны до средины алтаря. Дѣло опасное, службѣ быть невозможно. Я отправилась съ докладомъ. Владыко приказалъ осмотрѣть подробно, соборъ запереть, а икону на зиму устроить въ больничной церкви, гдѣ быть и богослуженію. Пригласили архитектора и подрядчика, поставили для безопасности 24 подставки и вслѣдствіе соображеній предложили: по скудости средствъ сдѣлать опять деревянный потолокъ или, опоясавъ церковь желѣзомъ, нанести своды, что̀ конечно потребуетъ бо̀льшей суммы. Опять я от-

неслась къ святителю, но такъ какъ ни на то, ни на другое средствъ обитель не имѣла, то онъ и рѣшилъ однимъ словомъ: «повременить». Всѣ эти переговоры заняли время, и кіотъ былъ готовъ только къ 21 Ноября. Нашъ попечитель и благодѣтель самъ пріѣхалъ въ этотъ день, чтобы все устроить, и послѣ закуски, когда всѣ разошлись, объявилъ мнѣ, что на первый случай для устройства храма жертвуетъ 10000 р. с., а тамъ, что̀ Богъ дастъ, и прибавилъ: «Отправляйтесь ко владыкѣ, донесите ему и начинайте готовить кирпичъ; скажите, что своды не будутъ прочны на старыхъ стѣнахъ, а что надо съ основанія вывести стѣны; я не отступлюсь отъ своего слова и надѣюсь устроить храмъ.»—«Я слушала и едва понимала его слова. Онъ, который сначала не бралъ на себя поправки, теперь берется выстроить всю церковь, да еще расширить стѣны на двѣ саж. въ ширину противъ старой!

Истинно это было видимое чудо покровительства Владычицы!

Не медля нисколько, я опять въ Москву. Надо было видѣть утѣшеніе святителя, что объ его убогой пустынькѣ пекутся! Конечно, постройку разрѣшилъ и, кажется, съ сего времени еще усугубилъ свое расположеніе и вниманіе къ П. Г. Цурикову. Назначилъ въ строители собора Саввинскаго намѣстника Галактіона и примолвилъ: «много пташекъ на свѣтѣ, и каждая поетъ своимъ голосомъ, а ты должна учиться подпѣвать каждой изъ нихъ. Не человѣкоугодничать надо, а смиренною покорностію снискивать благорасположеніе добрыхъ людей!» Въ скоромъ времени матеріалы были изготовлены; въ самый день закладки храма, совершенной о. Галактіономъ, отслужена была соборнѣ съ нашими священниками панихида надъ могилой основательницы и при большомъ стеченіи народа былъ положенъ первый камень. Стройка собора продолжалась болѣе трехъ лѣтъ; благодѣтель не щадилъ ничего, старался сколько о прочности, столько и о благолѣпіи.

Въ теченіи этого времени обитель пострадала отъ тифозной горячки; ты безъ сомнѣнія хранишь въ памяти бывшее на тебѣ милосердіе Богоматери; блаженную кончину м. Венедикты и м. Аполлинаріи, стало быть нечего сего и повторять, а только скажу, что заступленіемъ Владычицы прекратилась эпидемія въ обители.

Наконецъ храмъ довершенъ, и мы съ благодѣтелемъ отправились въ Лавру къ владыкѣ за благословеніемъ къ освященію. Застали его въ Геѳсиманскомъ скиту. Сперва П. Г. вошелъ, потомъ и меня позвали. Владыка высказалъ свою благодарность, и на нашу робкую просьбу, не можно ли надѣяться, что самъ святитель освятитъ храмъ, владыка сказалъ: «Нѣтъ, преосвященный викарій Леонидъ за меня сіе исполнитъ, я и здѣсь едва двигаюсь. Видите, какъ у меня здѣсь хоро-

шо, окно прямо въ церковь: я слушаю службу, часто сижу, никого не соблазняя. Силы упадаютъ.» Потомъ приготовленною у него на столѣ иконою Живоначальной Троицы онъ благословилъ Павла Григорьевича, и мы отправились къ препод. Сергію, отслушали молебенъ и тѣмъ же днемъ въ Москву, а оттуда, не мѣшкая, къ себѣ въ обитель. Суета приготовленія измучивала меня до невозможности. Настало 22 Іюля. Ждемъ преосвященнаго цѣлый день, все нѣтъ его. Наконецъ, является эстафетъ съ извѣстіемъ, что онъ поѣхалъ въ Лавру по случаю болѣзни архипастыря и отца нашего и что ежели не возвратится оттуда, дастъ знать. Скорбь и уныніе объяли всѣхъ! Что̀ будетъ? Что̀ за болѣзнь владыки? Весь день и вечеръ прошелъ въ мучительномъ ожиданіи. Всенощное бдѣніе совершалъ архимандритъ Угрѣшскаго монастыря Пименъ своимъ чередомъ; утѣшеніе являлось въ сердцѣ при видѣ храма и при созерцаніи великихъ благодѣяній Царицы Небесной, но опять омрачалось скорбію неизвѣстности о первосвятителѣ. Наконецъ, въ 4 часу утра, прибылъ преосвященный Леонидъ. Я встрѣтила, и онъ объявилъ, что владыка точно почувствовалъ себя дурно, но теперь все миновалось, и что онъ призываетъ Божіе благословеніе на новосозданный храмъ, храмоздателя и на обитель. Отлегло отъ сердца! Освященіе совершилось благолѣпно и благополучно, къ общему всѣхъ утѣшенію, 23-го Іюля 1867 года. Я на другой день отправилась благодарить преосвященнаго Леонида въ Саввинъ монастырь и также благодѣтеля, въ прибавокъ къ изнеможенію еще простудилась и хотя отправилась въ Москву съ намѣреніемъ явиться въ Лаврѣ къ владыкѣ-митрополиту, донести объ освященіи и вмѣстѣ поздравить съ 50-тилѣтнимъ юбилеемъ его святительства, но болѣзнь одолѣла меня: сдѣлалось воспаленіе во рту, и я лишена была сего сердечнаго утѣшенія.

Икону Успенія Божіей Матери и поздравленіе препроводила черезъ Надежду Николаевну. Уже послѣ болѣзни ѣздила я съ донесеніемъ объ утвержденіи въ казначеи матери Никандры Щенковой.

Нечего повторять, по какому поводу палъ жребій на Никандру. Тебѣ чадо мое, извѣстно, что все было истощено въ отношеніи Надежды Николаевны. Все сіе стоило мнѣ многихъ слезъ, скорби, но все Господь ведетъ къ лучшему, и я Его благодарю, что отклонилъ мое упорное желаніе, а избралъ Самъ кого было угодно Его святой волѣ. И теперь радуюсь объ этомъ, ибо черезъ сіе сохранился миръ и единодушіе.

Когда я поправилась, а торжество юбилея нашего первосвятителя прошло, я была у владыки и просила себѣ помощницу, «ибо чувствую,

владыко святый», говорила я, «что не въ силахъ уже исполнять одна того, что̀ дѣлала по сіе время за ваши святыя молитвы» (была казначея старая и неспособная и ни во что не входила).—«Да ты и теперь больна», сказалъ владыка; «я въ выборѣ на тебя надѣюсь. На прошеніе согласенъ; но мнѣ жаль ея: она изъ младшихъ, старухи съѣдятъ ее".—«Что̀ дѣлать, владыко святый, поучится терпѣнію», отвѣчала я, и святитель утвердилъ прошеніе мое. Много разспрашивалъ о новомъ храмѣ и, прощаясь, сказалъ: «Служи, но береги себя». Это было послѣднее свиданіе. 1867 г. 19-го Ноября его не стало. Буди воля Господня!

Тяжка ли мнѣ сія потеря, ты другъ мой, знаешь все. Ты уже не дитя; съ тобой раздѣлены и радость и горе. Я забыла сказать, что жившая у насъ на гостинницѣ г-жа Злобина (Вѣра Алексѣевна) умирая, отказала свой капиталъ, 7000 р. с., на построеніе трапезы, и м. казначея Никандра, вступивъ въ должность, на свой счетъ оканчиваетъ корпусъ. Спаси и награди ее, Господи, а усопшую Вѣру помяни во царствіи Своемъ!

Предрѣченіе митрополита Мелетія сбывается: со времени перенесенія въ Аносинъ святой иконы въ праздники ея иконы бываетъ большое стеченіе народа, и вообще гораздо болѣе стало богомольцевъ. По сему случаю однажды я сказала митрополиту Филарету: «Въ Аносинѣ нѣтъ уже уединенія, котораго всегда искала и желала душа моя. Сдѣлалось суетно и многопопечительно. — «Ищи его въ сердцѣ», отвѣчалъ онъ.

ЧЕГО ДОСТИГЛИ И ЧЕГО ДОМОГАЮТСЯ ДОСТИГНУТЬ ФИНЛЯНДЦЫ ПО ПУТИ ОТПАДЕНІЯ ОТЪ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Отъ сочинителя.

Въ этомъ изслѣдованіи излагается какъ то, чего уже успѣли достигнуть Финляндцы для отстраненія Русской государственной власти отъ внутренняго управленія ихъ страною, такъ и то, чего они домогаются достигнуть далѣе на томъ же пути. Сочиненіе это исключительно основано на офиціальныхъ документахъ и несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ. Съ особою подробностью изложены здѣсь и подвергнуты тщательному разбору домогательства Финляндцевъ на новыя пріобрѣтенія для превращенія этой провинціи Русской монархіи въ самостоятельное государство. Эти домогательства приводятся здѣсь буквально въ томъ самомъ видѣ, какъ они выражены собственными устами и писаніями тамошнихъ правительственныхъ дѣятелей. Для Русскаго, принимающаго къ сердцу будущность своего отечества и не лишеннаго способности видѣть очевидное, сказанныя Финляндскія домогательства должны служить указаніемъ на то, чего слѣдуетъ ожидать Россіи со стороны этой ближайшей къ Петербургу окраины нашего государства въ случаѣ исполненія Финляндскихъ надеждъ и въ случаѣ новой, весьма вѣроятной, противу насъ коалиціи Европейскихъ державъ.

Порядокъ законодательства въ Финляндіи отъ ея завоеванія въ 1809 году до Гельсингфорскаго сейма 1863 года.

Со времени завоеванія Финляндіи въ 1809 году и до Гельсингфорскаго сейма 1863 года изданіе законовъ въ этой провинціи, какъ и во всей Россіи, зависѣло единственно отъ самодержавной власти Императора. Вслѣдъ за покореніемъ Финляндіи и еще до заключенія мира со Швеціею, по повелѣнію императора Александра I-го, были собраны на сеймъ въ городѣ Борго депутаты отъ четырехъ сословій для принесенія присяги на подданство и для представленія своихъ мнѣній по четыремъ вопросамъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія и переданнымъ на ихъ предварительное обсужденіе. Вопросы эти касались: будущаго устройства и способовъ содержанія Финскаго поселеннаго войска, упрощенія и болѣе правильнаго распредѣленія податей, переложенія Швед-

ской монетной системы на Русскіе рубли и наконецъ — нѣкоторыхъ частныхъ подробностей учрежденія Правительствующаго Совѣта, регламентъ котораго былъ составленъ особою комиссіею по назначенію Императора. Русское правительство, мало знакомое съ устройствомъ и законами этой только что завоеванной области, само собою разумѣется, не могло рѣшить этихъ вопросовъ безъ совѣщанія со свѣдущими людьми изъ числа самихъ жителей; но участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ было чисто-совѣщательное, такъ что одни изъ ходатайствъ сейма были приняты Русскимъ правительствомъ во вниманіе, другія подверглись при исполненіи болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ, третьи оставлены вовсе безъ послѣдствій, какъ, напримѣръ, ходатайства, относившіяся къ монетной системѣ и къ учрежденію банка земскихъ чиновъ. Важнѣйшее изъ переданныхъ на обсужденіе сейма узаконеній, регламентъ Правительствующаго Совѣта, подвергся передѣлкѣ уже по распущеніи сейма. Затѣмъ, въ теченіе 54 лѣтъ, сеймы вовсе не были собираемы. Законы издавались, измѣнялись и отмѣнялись властью императоровъ, по представленіямъ Правительствующаго Совѣта (переименованнаго потомъ въ Сенатъ) или по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Впрочемъ сеймъ, какъ совѣщательное собраніе, не былъ уничтоженъ въ принципѣ: такъ, въ царствованіе императора Николая I-го, при изданіи нѣкоторыхъ узаконеній дѣлалась оговорка о невозможности созвать въ то время земскіе чины, чтобы передать эти узаконенія на ихъ обсужденіе (см. высочайшее повелѣніе 21 Апрѣля 1826 г. объ уничтоженія смертной казни и высочайшее постановленіе 2 Августа 1827 г. о принятіи на службу Финляндскихъ гражданъ православнаго исповѣданія). Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой нибудь законъ относился къ предметамъ общимъ для Имперіи и Великаго Княжества, онъ восходилъ на высочайшее утвержденіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ чрезъ Государственный Совѣтъ или же по совокупному заключенію подлежащихъ министровъ и Финляндскаго генералъ-губернатора (Второе Полн. Собр. Законовъ №№ 210, 417, 8241, 33926).

Накапунѣ сейма въ Борго, именно 15 Марта 1809 г., т. е. почти за полгода до подписанія Фридрихсгамскаго мира со Швеціею, императоръ Александръ обратился къ населенію Финляндіи со слѣдующею привѣтственною грамотою: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь *) утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы,

*) При самомъ началѣ войны императоръ Александръ, въ манифестѣ къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 г., обѣщалъ имъ сохраненіе „*древнихъ* установленій, странѣ ихъ свойственныхъ“. Къ этому обѣщанію и относится выраженіе „вновь“, употребленное въ грамотѣ 15-го Марта 1809 г.

права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи. Въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили».

Вслѣдъ за завоеваніемъ западной Финляндіи императоръ Александръ I-й утвердилъ для нея, какъ остающіеся въ силѣ и на будущее время, «Общее Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 г.» и «Церковный Уставъ 1686 г.». Въ первомъ изъ этихъ кодексовъ соединены издавна дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ законы гражданскіе, уголовные, судопроизводственные, о торговлѣ и о хозяйственномъ благоустройствѣ. Такимъ образомъ законы, утвержденные Александромъ I-мъ для Финляндіи, обнимали весь церковный, юридическій, административный и экономическій бытъ этой провинціи и были именно тѣ «древнія установленія, странѣ этой свойственныя», или иначе тѣ «коренные законы», сохраненіе которыхъ было обѣщано императоромъ Александромъ въ манифестѣ его къ жителямъ Финляндіи отъ 5 Іюня 1808 г. и въ грамотѣ отъ 15 Марта 1809 г. Общее завѣдываніе административными и судебными дѣлами Финляндіи было сосредоточено въ Правительствующемъ Совѣтѣ, поставленномъ въ независимость отъ всѣхъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Имперіи. Въ §§ 15—18 учрежденія или регламента Правительствующаго Совѣта указаны тѣ предметы и дѣла, которые изъемлются изъ вѣдѣнія Совѣта и рѣшеніе которыхъ должно принадлежать непосредственно власти Императора. Къ числу такихъ предметовъ отнесены между прочимъ: «изъятіе изъ законоположеній, наложеніе новыхъ податей или какихъ либо другихъ сборовъ, чрезвычайные расходы, не опредѣленные годичнымъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ, всякія законодательныя мѣры, пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ и дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ, и вообще все, что̀ по существующимъ узаконеніямъ отъ особеннаго и непосредственнаго повелѣнія монаршей власти зависитъ». «Дѣйствія Совѣта, говорится въ § 17, ограничиваются существующими узаконеніями, безъ всякой власти перемѣнять, пояснять или, еще менѣе, уничтожать оныя». «Совѣтъ можетъ однакожъ (сказано въ § 18) представлять на высочайшее Его Величества усмотрѣніе мнѣніе свое о признаваемыхъ онымъ нужными поясненіяхъ въ постановленіяхъ или въ узаконеніяхъ. Таковыя представленія не будутъ дѣйствительны, доколѣ не удостоятся высочайшаго утвержденія». Въ главѣ II-й § 42-го сказано, что «проектъ росписанія годовыхъ доходовъ и расходовъ представляется Сенатомъ ежегодно Его Императорскому Величеству». На-

добно замѣтить, что первоначальный проектъ регламента составлялся самими Финляндцами, которые держались конституціонной точки зрѣнія и пытались, конечно, провести ее и въ регламентѣ. Но это имъ не удалось, потому что, вслѣдствіе положительнаго запрещенія императоромъ Александромъ I упоминать о Шведской конституціи 1772 года, Сперанскій, на котораго было возложено Императоромъ веденіе Финляндскаго дѣла, сдѣлалъ въ проектѣ регламента соотвѣтственныя волѣ монарха измѣненія (Ординъ, Покореніе Ф. II, 353, 390—392). Слѣды этой двойной редакціи выразились въ нѣкоторой недоговоренности и недостаточной категоричности вышеприведенныхъ параграфовъ регламента. Сперанскій, очевидно, старался и угодить Финляндцамъ, и въ тоже время боялся отвѣтственности предъ Императоромъ.

Такимъ образомъ, при всей поспѣшности, съ какою, вслѣдствіе тогдашнихъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, велось Финляндское дѣло, дарованныя Финляндіи правà и главнѣйшія основанія для ея управленія были указаны довольно опредѣлительно: въ Общемъ Уложеніи Швеціи 1734 г. соединены всѣ тѣ Шведскіе общіе законы, относившіеся къ суду, администраціи и экономическимъ дѣламъ, которые оставлялись въ силѣ и по присоединеніи Финляндіи къ Россіи; а въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта указано, какіе предметы относятся непосредственно къ власти монарха и какіе вѣдаются, отъ его имени, Совѣтомъ. Всѣ мѣры законодательныя, разъясненіе законовъ, наложеніе новыхъ податей и сборовъ, какъ постоянныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, наконецъ назначеніе расходовъ, отнесены къ самодержавной власти Монарха. О сеймѣ не упомянуто ни слова: ясное доказательство, что императоръ Александръ I-й не признавалъ его непремѣннымъ органомъ законодательства, а разсматривалъ только какъ установленіе совѣщательное и случайное, содѣйствующее верховной власти, когда сія послѣдняя признàетъ нужнымъ спросить его мнѣніе. Въ противномъ случаѣ въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта непремѣнно были бы указаны обязанности Совѣта по отношенію къ законодательнымъ проектамъ, вносимымъ на рѣшеніе сейма: ибо возбужденіе такихъ проектовъ и предварительная ихъ разработка не могли бы лежать ни на комъ другомъ, какъ только на Правительствующемъ Совѣтѣ, какъ высшемъ судебно-административномъ учрежденіи Финляндіи. Эти основныя начала въ управленіи Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ подтверждены и въ царствованіе императора Николая I-го, въ манифестѣ отъ 17 Марта 1826 г. объ упраздненіи Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ и объ учрежденіи Финляндскаго Статсъ-Секретаріата. Въ этомъ манифестѣ къ числу предметовъ, подлежащихъ непосредствен-

ному разсмотрѣнію и утвержденію Императора, отнесены: «общее расписаніе доходовъ и расходовъ, всѣ учредительныя постановленія, назначеніе суммъ къ отпуску по ординарному штату или въ видѣ временныхъ выдачъ и всѣ дѣла большой важности» (отдѣленіе II, §§ 8 и 10). О сеймѣ опять ни малѣйшаго упоминанія.

Изъ приведенныхъ здѣсь параграфовъ учрежденія Правительствующаго Совѣта и манифеста 17 Марта 1826 года съ полною ясностію усматривается, что дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ въ эпоху завоеванія западной Финляндіи основные государственные законы, извѣстные подъ именемъ «Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г.», вполнѣ были упразднены въ Финляндіи съ момента присоединенія ея къ Россіи: ибо, на основаніи этихъ законовъ, наложеніе податей (§ 45 Формы правленія и § 5 Акта соед. и безоп.), изданіе новыхъ законовъ (§§ 40 и 41 Формы правл.) и поясненіе существующихъ законовъ (§§ 43 и 57 Формы правл.) не предоставлялись единоличной власти короля, а зависѣли отъ совокупнаго рѣшенія короля и сейма; правила же о пріобрѣтеніи крестьянами казенныхъ гейматовъ и шкатовыхъ имѣній и о владѣніи оными включены въ Актъ соединенія и безопасности 1789 г. (§ 3) и слѣдовательно также не могли подлежать никакимъ отступленіямъ безъ согласія сейма. Поэтому о сказанныхъ Шведскихъ законахъ, какъ окончательно упраздненныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія ни въ регламентѣ Правительствующаго Совѣта (этомъ основномъ законодательномъ актѣ того времени), ни въ какихъ-либо другихъ законахъ или правительственныхъ постановленіяхъ временъ Александра I и Николая I, тогда какъ оставленное въ силѣ Общее Уложеніе 1734 года было принято во вниманіе при составленіи регламента, и на него находятся прямыя указанія какъ въ регламентѣ, такъ и въ отзывѣ на оный депутатовъ Боргоскаго сейма. Напротивъ того, о Шведскихъ конституціонныхъ законахъ 1772 и 1789 г. депутаты не дозволили себѣ обмолвиться ни единымъ словомъ въ представленныхъ ими мнѣніяхъ. Самая терминологія регламента Правительствующаго Совѣта, не сохранившая никакихъ слѣдовъ терминологіи сказанныхъ Шведскихъ узаконеній, указываетъ на то, что узаконенія эти вполнѣ и безслѣдно были упразднены въ Финляндіи. Въ противномъ случаѣ они непремѣнно были бы переизданы для Финляндіи, какъ было переиздано и даже, по высочайшему повелѣнію, переведено на Русскій языкъ Общее Уложеніе Швеціи 1734 г., оставленное въ силѣ и по завоеваніи Финляндіи. Если бы была хотя тѣнь справедливости въ основномъ положеніи нынѣшняго Финляндскаго политическаго ученія, что императоръ Александръ I-й на Боргоскомъ сеймѣ

торжественно признал и утвердилъ для Финляндіи Форму правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 г.: то слѣдовало бы признать, что тотчасъ же за такимъ утвержденіемъ императоръ Александръ нарушилъ его при изданіи учрежденія Правительствующаго Совѣта и что потомъ, какъ этотъ императоръ, такъ и его преемники, постоянно и систематически нарушали торжественно признанную конституцію Финляндіи, издавая законы своею единоличною властью и не созывая сеймовъ въ теченіе 54 лѣтъ.

Грамота Александра I-го 15 Марта 1809 г., обѣщавшая Финляндцамъ сохраненіе ихъ религіи, коренныхъ законовъ и правъ каждаго сословія, и созваніе Боргоскаго сейма послѣдовали тогда, когда западная Финляндія, въ силу завоеванія, была уже фактически во власти Русскихъ, но еще до заключенія мира со Швеціей. Окончательно политическое положеніе Финляндіи было установлено Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ лицами уполномоченными со стороны Россіи и Швеціи 5 Сентября 1809 г. и ратификованнымъ Русскимъ императоромъ 1 Октября. Въ статьѣ 4-й этого трактата сказано: «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами и т. д., а равно ихъ принадлежности, *преимущества, права и выгоды* будутъ отнынѣ состоять *въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются*». Въ статьѣ 6-й говорится: «Поелику его величество императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества*, то его Шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія». Эти постановленія Фридрихсгамскаго трактата еще разъ подтверждаютъ самымъ непререкаемымъ образомъ, что императоръ Александръ I-й, подъ именемъ «*коренныхъ законовъ* или *древнихъ установленій, странѣ этой свойственныхъ*», сохранилъ для Финляндіи ея старинныя общегражданскія узаконенія, но отнюдь не политическія или конституціонные законы Швеціи, и что Боргоскій сеймъ вовсе не имѣлъ значенія конституціоннаго Шведскаго риксдага. Если же держаться взгляда нынѣшнихъ Финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ, то слѣдовало бы допустить, что императоръ Александръ, подтвердивъ Финляндіи, въ Мартѣ 1809 г., конституцію Швеціи, въ Сентябрѣ того же года объявилъ предъ лицомъ всей Европы, что онъ беретъ свое слово назадъ и включаетъ Финляндію,

со всѣми правами ея жителей, въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской. Изъ тѣхъ же статей Фридрихсгамскаго трактата всякій можетъ усмотрѣть, что сохраненіе Финляндіи ея прежняго судебно-административнаго устройства послѣдовало «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія» императора Александра I-го, а не на основаніи какого-то договора, будто бы заключеннаго въ Борго между нимъ и Финляндцами, какъ стали впослѣдствіи проповѣдывать Финляндскіе законовѣды наперекоръ общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ.

Обособленность Финляндскаго управленія отъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Имперіи.

Императоръ Александръ I-й не ограничился однако оставленіемъ Финляндіи ея прежнихъ общегражданскихъ узаконеній и прежняго административно-судебнаго устройства, но допустилъ изъять ея управленіе отъ всякаго надзора и вліянія центральныхъ государственныхъ учрежденій, такъ что эта бывшая Шведская провинція, находившаяся дотолѣ въ полномъ подчиненіи Шведскимъ властямъ, пребывавшимъ въ Стокгольмѣ, оказалась, послѣ завоеванія ея Русскими, совершенно автономною въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ. Чрезъ это устанавливалось полное административное разъединеніе Финляндіи отъ остальной Россіи. Это разъединеніе выразилось главнымъ образомъ въ учрежденіи Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ однихъ Финляндцевъ и имѣющаго пребываніе въ самой Финляндіи, въ учрежденіи въ Петербургѣ (въ 1811 г.) Финляндской Комиссіи, преобразованной впослѣдствіи въ Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ, и въ оставленіи Шведскаго языка офиціальнымъ языкомъ въ законодательствѣ и въ управленіи.

Правительствующій Совѣтъ, на скорую руку учрежденный въ 1809 г., еще во время продолжавшихся военныхъ дѣйствій со Шведами, по плану Шведскаго перебѣжчика Спренгпортена, пользовавшагося особымъ довѣріемъ императора Александра I-го, сдѣлался потомъ, подъ именемъ Финляндскаго Сената, какъ бы верховнымъ правительствомъ этой провинціи. Вмѣсто того, чтобы оставить въ Финляндіи только мѣстныя учрежденія, какъ было при Шведскомъ господствѣ, верховное же завѣдываніе дѣлами сосредоточить въ Петербургѣ, подобно тому, какъ было нѣкогда сдѣлано относительно трехъ Балтійскихъ губерній (изъ которыхъ двѣ, Эстляндія и Лифляндія, также состояли прежде подъ Шведскимъ владычествомъ), наше правительство допустило перенести центръ правительственной власти въ только-что

завоеванную провинцію, хотя враждебное противъ Россіи настроеніе ея жителей, особенно ея высшаго класса, вполнѣ было извѣстно императору Александру I-му и его министрамъ. Барклай-де-Толли, занявшій постъ Финляндскаго генералъ-губернатора послѣ увольненія отъ него Спренгпортена, писалъ въ Петербургъ, что Правительствующему Совѣту слѣдовало имѣть пребываніе въ Русской столицѣ, а не въ Финляндіи, а предсѣдателемъ его долженъ быть одинъ изъ высшихъ Русскихъ сановниковъ. Онъ предсказывалъ, что если Совѣтъ останется въ Финляндіи, то долго еще будутъ держаться тамъ прежніе порядки, т. е. преобладаніе Шведскаго дворянства и враждебность противъ Россіи. Въ случаѣ же оставленія Совѣта въ Финляндіи, онъ требовалъ себѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ полиціи, безусловнаго начальства, независимаго отъ Совѣта; финансовыя же и таможенныя дѣла онъ предлагалъ сосредоточить въ Министерствѣ Финансовъ. Ничего этого не было однако исполнено, и все осталось такъ, какъ желали того Финляндскіе совѣтчики императора Александра, во главѣ которыхъ стоялъ Спренгпортенъ.

Старанія Финляндскихъ патріотовъ о совершенномъ отстраненіи Русскихъ государственныхъ властей отъ вліянія на управленіе Финляндіей не остановилось на учрежденіи Правительствующаго Совѣта. Сперва Александръ I-й поручилъ вести переговоры съ Финляндцами и докладывать ему Финляндскія дѣла Сперанскому; но такъ какъ Сперанскій не зналъ Шведскаго языка, то явилась надобность имѣть при немъ чиновника изъ Шведовъ. Спренгпортенъ и Маннергеймъ указали на нѣкоего барона Ребиндера, который и былъ опредѣленъ «состоящимъ при Государѣ для производства дѣлъ новоприсоединенной Финляндіи». Впрочемъ, самъ Спренгпортенъ, когда занималъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора, полагалъ, что Финляндскія дѣла должны докладываться Государю подлежащими министрами и чрезъ нихъ же должны идти всѣ высочайшія повелѣнія, адресуемыя на имя генералъ - губернатора. Предположеніе Спренгпортена было принято военнымъ министромъ Аракчеевымъ и командовавшимъ послѣ Буксгевдена Русскими войсками въ Финляндіи генераломъ Кнаррингомъ. Но именно въ это время, въ 1811 году, когда Спренгпортенъ сошелъ уже со сцены, довѣріемъ императора Александра I-го овладѣлъ другой Шведскій перебѣжчикъ, извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельтъ, который, пользовавшись довѣріемъ и даже дружбой Шведскаго короля Густава III, измѣнилъ его сыну Густаву-Адольфу IV и былъ, подобно Спренгпортену, заочно приговоренъ къ смертной казни. Армфельтъ оттѣснилъ Сперанскаго отъ Финляндскихъ дѣлъ и, какъ выяснилось теперь, игралъ

главную роль въ погубленіи его, въ слѣдующемъ 1812 году, во мнѣніи Императора. По плану, составленному Армфельтомъ, для доклада Финляндскихъ дѣлъ Императору учреждена была въ Петербургѣ, въ 1811 г., Комиссія Финляндскихъ дѣлъ, составленная изъ однихъ Финляндцевъ. Армфельтъ занялъ въ ней постъ предсѣдателя, а Ребиндеръ явился въ роли докладчика, докладывавшаго дѣла Императору въ присутствіи Армфельта. Армфельтомъ же была составлена инструкція для Финляндской Комиссіи.

Въ 1826 году, стало-быть уже при императорѣ Николаѣ, Комиссія Финляндскихъ дѣлъ была преобразована въ Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ, а статсъ-секретаремъ оставленъ былъ тотъ же Ребиндеръ, занимавшій этотъ постъ до самой своей смерти въ 1841 г. Въ 1834 г. Ребиндеру дано было названіе министра-статсъ-секретаря по дѣламъ Великаго Княжества Финляндіи. Армфельтъ, по словамъ его біографа, Шведскаго писателя Тегнѣра, втайнѣ ненавидѣлъ Россію и постоянно старался вредить ей. По его внушенію, Выборгская губернія, пріобрѣтенная для Россіи еще Петромъ Великимъ и Елисаветою, была въ 1811 году присоединена къ западной Финляндіи и такимъ образомъ сдѣлалась аванпостомъ враждебныхъ Россіи Финляндскихъ чувствъ у самыхъ воротъ нашей столицы. За то Финляндцы возвели Армфельта и Ребиндера въ національные герои, справедливо почитая ихъ основателями нынѣшняго, безпримѣрнаго въ исторіи, политическаго положенія Финляндіи, которая изъ завоеванной Русскимъ оружіемъ Шведской провинціи, коренные жители которой были въ загонѣ и пренебреженіи въ Шведскомъ королевствѣ, мало-по-малу достигла того, что стала вступать въ договорныя условія съ Русскими монархами, какъ бы государство, добровольно соединившееся съ Россіей на началахъ реальной уніи. Финляндскій писатель Эдв. Бергъ, въ изданной имъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ книжкѣ «Развитіе государственнаго права Финляндіи съ 1808 года», говоритъ: «Учрежденіе Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ (впослѣдствіи названной Статсъ-Секретаріатомъ) было для того времени и полезно, и необходимо, въ особенности для того, чтобы снести съ дороги основанный въ Октябрѣ 1809 г. Финляндскій Комитетъ, большинство членовъ котораго были Русскіе». Достойно замѣчанія, что упоминаемый Ребиндеръ, начавшій собою рядъ Финляндскихъ министровъ-статсъ-секретарей и болѣе 30 лѣтъ бывшій докладчикомъ и совѣтодателемъ по Финляндскимъ дѣламъ у двухъ императоровъ, былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ Русской власти въ эпоху завоеванія западной Финляндіи. Отецъ этого Ребиндера писалъ слѣдующее въ своемъ наставленіи депутатамъ отъ Абовской губерніи, посылав-

шимся въ Петербургъ въ 1808 году въ числѣ другихъ Финляндскихъ депутатовъ: «Сдѣлаемъ заявленія, но уклонимся отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій. Будемъ резонировать, худо-ли, хорошо-ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаетъ ли немного наше заявленіе или нѣтъ; нужно только одно, чтобы оно не разрушало основнаго правила, играющаго у насъ столь важную роль: principiis obstat—противорѣчитъ принципамъ». Съ тѣхъ поръ этотъ завѣтъ Ребиндера-отца сдѣлался руководящимъ правиломъ для всѣхъ Финляндскихъ политическихъ дѣятелей. Резонировать, худо-ли, хорошо-ли, скрывая только истинныя цѣли этого резонированія, и на всѣ мѣры Русскаго правительства, несогласныя съ принципомъ полнаго разъединенія Финляндіи отъ Россіи, отвѣчать «нельзя, противорѣчитъ нашимъ законамъ, которые вы обѣщали сохранить»: таково основное правило Финляндской тактики съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты. Такимъ образомъ Финляндскія дѣла были вовсе изъяты изъ вѣдѣнія и контроля высшихъ правительственныхъ учрежденій Имперіи, и единственнымъ докладчикомъ, или, вѣрнѣе сказать, руководителемъ Государя въ этихъ дѣлахъ явился министръ-статсъ-секретарь Великаго Княжества, на каковую должность, начиная съ Ребиндера, исключительно избирались одни Финляндцы. Исторія не представляетъ другаго примѣра, чтобы завоеванная оружіемъ инородческая провинція была завоевателемъ предоставлена столь полному и безконтрольному управленію самихъ же инородцевъ.

Не одному, однако, вліянію на Александра I-го его Финляндскихъ совѣтчиковъ обязана была Финляндія тѣми необычайными милостями и привилегіями, которыя дарованы были ей этимъ императоромъ. Въ эпоху завоеванія западной Финляндіи Александръ I считалъ необходимымъ дѣлать многія уступки Финляндскимъ домогательствамъ, дабы обезпечить себѣ вѣрность двухъ тамошнихъ всевластныхъ сословій, дворянства и духовенства, въ виду тучъ, скоплявшихся надъ Россіей со стороны Наполеона. Съ тою же цѣлью онъ, въ своихъ рѣчахъ и манифестахъ къ Финляндцамъ, употреблялъ нерѣдко выраженія, поддерживавшія въ нихъ смутныя надежды на дарованіе ихъ странѣ конституціоннаго представительства. Поощреніе этихъ надеждъ соотвѣтствовало и тогдашнему настроенію Императора, который, подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ, съ молоду мечталъ о дарованіи своимъ народамъ свободныхъ учрежденій. Наиболѣе яркими фразами, поддерживавшими у Финляндцевъ сказанныя надежды, отличался манифестъ Императора отъ 9 Февраля 1816 г. объ именованіи Правительствующаго Совѣта Финляндскимъ Сенатомъ. На этотъ манифестъ чаще всего ссылаются Финляндцы

для доказательства того, что подъ утвержденными императоромъ Александромъ I для Финляндіи законами слѣдуетъ именно разумѣть Шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг. Въ началѣ этого манифеста говорится: «Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе *гражданской* его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому гражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими чинами, и учредили особенное правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта» и т. д. Послѣ такого громкаго вступленія слѣдовало ожидать, что въ этомъ манифестѣ Финляндіи даруются какія-нибудь весьма важныя права, осуществляющія надежды Финляндцевъ на конституцію. Вмѣсто того все дѣло ограничилось только тѣмъ, что Правительствующій Совѣтъ повелѣно называть впредъ Финляндскимъ Императорскимъ Сенатомъ. Мы уже видѣли, какъ мало регламентъ этого учрежденія отвѣчалъ требованіямъ конституціонной формы правленія. Для квалификаціи же сохраненныхъ Финляндіи законовъ и конституціи въ приведенномъ здѣсь манифестѣ употреблено выраженіе, что они положили основаніе *гражданской* свободѣ Финляндцевъ, но не сказано *политической* свободѣ, каковое выраженіе вездѣ принято терминомъ, означающимъ совокупность тѣхъ народныхъ правъ, которыя слѣдуютъ изъ конституцій, понимаемыхъ въ смыслѣ особой формы правленія. Изъ этого видно, что подъ громкимъ именемъ конституціи Александръ I-й разумѣлъ въ своихъ Финляндскихъ рѣчахъ и манифестахъ отнюдь не конституцію въ смыслѣ существовавшихъ тогда конституцій Англійской, Голландской и Шведской, а лишь совокупность тѣхъ особыхъ привилегій, которыми Финляндія отличалась отъ другихъ областей Россіи, и прежде всего свободу отъ крѣпостного права помѣщиковъ, которое болѣе всего должно было пугать Финновъ. По терминологіи, бывшей тогда въ употребленіи, слово конституція могло прилагаться даже ко всякому уставу или регламенту, опредѣляющему права и устройство какого-нибудь учрежденія: такъ, въ Шведскомъ текстѣ регламента Прав. Совѣта говорится о «*конституціяхъ университета*». Слово «по конституціямъ ихъ», употребленное въ грамотѣ 15 Марта 1809 г., повторено и въ манифестѣ императора Николая къ жителямъ Финляндіи при восшествіи его на престолъ; но за тѣмъ, въ таковыхъ же манифестахъ императоровъ Александра II и Александра III-го оно,

для избѣжанія ложнаго толкованія, замѣнено однозначащимъ съ нимъ Русскимъ выраженіемъ: «по прежнимъ установленіямъ этого края». Слѣдовательно, ссылки Финляндцевъ на подобнаго рода фразы не имѣютъ никакой доказательной силы. Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ І-й любилъ употреблять громкія фразы и пользовался ими для своихъ цѣлей, какъ тонкій политикъ; но какъ скоро, при заключеніи Фридрихсгамскаго мира, дѣло дошло до акта международнаго и строго-обязательнаго, то тотъ же Императоръ выражается вполнѣ автократически, и при томъ въ такой рѣшительной и ясной формѣ, которая не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Финляндія безусловно подчиняется самодержавной власти Русскаго монарха. Фридрихсгамскій трактатъ не ограничился заявленіемъ, что Шведскій король навсегда уступаетъ императору Всероссійскому завоеванныя Русскимъ оружіемъ Финляндскія губерніи, но съ особою пунктальностью настаиваетъ на томъ, что «губерніи сіи, со всѣми жителями, городами и т. д., а равно ихъ принадлежности, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской». А чтобъ не оставалось никакого недоразумѣнія относительно происхожденія и объема тѣхъ привилегій, которыя Русскій императоръ вознамѣрился даровать жителямъ вновь пріобрѣтенной области, въ томъ же трактатѣ, съ такою же особою пунктуальностью, добавлено, что «Его Величество, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, обезпечиваетъ имъ свободное отправленіе ихъ вѣры, права̀ собственности и преимущества». Послѣ столь категорическаго и яснаго опредѣленія положенія Финляндіи въ ряду другихъ областей Русской Имперіи, не могло бы, казалось, быть и рѣчи о какомъ-либо договорѣ между Финляндцами и императоромъ Александромъ I, или о какихъ-либо конституціонныхъ ограниченіяхъ власти Русскаго монарха въ этой провинціи. Сверхъ того, какъ скоро во все царствованіе этого Императора не издано ни одного законоположенія, устанавливающаго въ чемъ-либо конституціонныя права Финляндцевъ, или даже имѣющаго только связь съ таковыми правами, это служитъ еще новымъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что правъ этихъ не существовало. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Александръ І-й поступалъ съ Финляндцами какъ монархъ вполнѣ самодержавный.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе полнаго обособленія мѣстнаго Финляндскаго управленія отъ законовъ и центральныхъ властей Имперіи, область эта оказалась ничѣмъ несвязанною съ ея метрополіей, кромѣ занятія ея Русскимъ войскомъ. Матеріальныя благодѣянія, щедрою рукою излитыя на Финляндцевъ Александромъ І-мъ на счетъ Россіи, нисколь-

ко не привязали къ ней высшаго и средняго класса Финляндіи. Всѣ симпатіи ихъ остались на сторонѣ Швеціи и даже усилились противу прежняго времени. Простой Финскій народъ, хотя сразу облегченный отъ тягостей и поборовъ Шведскаго господства и успокоенный прекращеніемъ столь частыхъ войнъ между Россіею и Швеціею, театромъ которымъ всегда была Финляндія, простой Финскій народъ хотя не любилъ Шведовъ по прежнимъ воспоминаніямъ, но не могъ почувствовать расположенія и къ Русскимъ, ибо смотрѣлъ на все глазами своихъ пасторовъ, ленсмановъ и коронныхъ фохтовъ, которые естественнымъ образомъ должны были опасаться умаленія своего значенія и своихъ доходовъ отъ усиленія Русской власти. При преемникѣ Александра, императорѣ Николаѣ, также ничего не было сдѣлано для установленія Русскаго контроля надъ дѣлами Финляндіи и для административнаго ея сближенія съ остальною Россіею. По заведенному порядку, докладчикомъ и совѣтодателемъ по всѣмъ дѣламъ Финляндіи былъ при Императорѣ тотъ же Ребиндеръ, а послѣ его смерти—графъ Армфельтъ, сынъ упомянутаго Шведскаго перебѣжчика, возведеннаго императоромъ Александромъ I-мъ въ графское достоинство. Отъ такихъ людей, какъ отъ прирожденныхъ Шведо-финляндцевъ, менѣе всего можно было ожидать раскрытія истиннаго положенія дѣлъ въ этой странѣ и совѣтовъ въ интересахъ Русской власти. Они, дѣйствуя заодно съ мѣстнымъ Сенатомъ, сумѣли парализовать даже тѣ мѣры, которыя были предпринимаемы по почину самихъ императоровъ Александра I-го и Николая I-го.

Одинъ изъ самыхъ поучительныхъ примѣровъ этого рода представляютъ мѣры, предпринимавшіяся для распространенія въ Финляндіи государственнаго Русскаго языка. Въ эпоху завоеванія западной Финляндіи, Финляндцы, писавшіе для своей страны уставы, не рѣшались затрогивать вопроса о томъ, на какомъ языкѣ должно вестись дѣлопроизводство въ ихъ странѣ: до такой степени казалось имъ дерзкимъ предлагать Русскому Монарху, чтобы государственный Русскій языкъ не былъ допускаемъ въ дѣлахъ Финляндскаго управленія и чтобы офиціальнымъ языкомъ былъ оставленъ Шведскій, не только никому въ Россіи неизвѣстный, но и совершенно чуждый коренному населенію самой Финляндіи. Шведскій языкъ былъ дотолѣ офиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи потому именно, что онъ былъ языкомъ государственнымъ, ибо Финляндія принадлежала Швеціи. Самъ Спренгпортенъ, главный внушитель всѣхъ тогдашнихъ мѣропріятій относительно Финляндіи, въ представленномъ имъ императору Александру докладѣ объ управленіи Финляндіей, говорилъ: «Дѣла будутъ производиться, за не-

возможностью поступить иначе, на нынѣ господствующемъ въ краѣ языкѣ; но когда попеченіемъ правительства будутъ учреждены школы Русскаго языка, этотъ языкъ, въ качествѣ главнаго, будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство, вмѣстѣ съ Финскимъ, какъ языкомъ народнымъ». Еще въ 1812 году знаніе Русскаго языка было объявлено обязательнымъ для всѣхъ лицъ, поступающихъ въ Финляндіи на службу, и назначенъ для этого шестилѣтній срокъ. Тогда же было введено обязательное преподаваніе Русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1818 году сказанное постановленіе вошло въ силу, такъ что, при поступленіи на духовную, гражданскую и военную службу, отъ всѣхъ требовалось представленіе свидѣтельства объ удовлетворительномъ знаніи Русскаго языка. Но затѣмъ начинается рядъ отступленій отъ этого правила. Въ 1824 году отъ представленія сказанныхъ свидѣтельствъ освобождены были «впредь до времени» лица, поступающія на духовныя должности, на томъ основаніи (какъ сказано въ этомъ распоряженіи), «дабы бѣдные студенты теологіи не вынуждены были проводить время въ такихъ занятіяхъ, которыя не имѣютъ собственно какой-либо связи съ ихъ будущимъ призваніемъ». Въ 1831 году освобождены были отъ этой обязанности, также «впредь до усмотрѣнія», но уже безъ объясненія поводовъ, поступающіе на учительскія должности въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Потомъ постепенно отмѣнялось требованіе знать Русскій языкъ и для другихъ должностныхъ лицъ, и наконецъ оно осталось только для чиновниковъ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и канцеляріи генералъ-губернатора. Когда такимъ образомъ было уничтожено всякое побужденіе у Финляндцевъ къ изученію Русскаго языка, то не было и цѣли преподавать его въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ; но при императорѣ Николаѣ Сенатъ и статсъ-секретари, зная желаніе Императора, чтобы государственный языкъ преподавался во всѣхъ краяхъ его государства, не смѣли ему противорѣчить, будучи увѣрены, что, съ уничтоженіемъ требованія отъ поступающихъ на службу знанія Русскаго языка, обученіе ему будетъ вестись только для формы. Между тѣмъ Императоръ, не проникая тактики Финляндскихъ властей, продолжалъ принимать мѣры къ упроченію преподаванія Русскаго языка въ Финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его волѣ были предоставлены особыя преимущества Русскимъ уроженцамъ, поступавшимъ на учительскія должности въ Финляндіи. Въ высочайшемъ объявленіи 21 Іюня 1841 году постановлено, чтобы въ каждой епархіи былъ опредѣляемъ для Русскаго языка особый экзаменаторъ изъ Русскихъ уроженцевъ. На обязанности этихъ экзаменаторовъ лежало ежегодное посѣщеніе всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній епархіи для производства испытаній. Въ высочай-

шемъ объявленіи 4 Марта 1846 г. о преимуществахъ, предоставляемыхъ учителямъ Русскаго языка въ нѣкоторыхъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи, постановлено, чтобы упомянутыя учительскія должности замѣщались безусловно или Русскими уроженцами, имѣющими аттестаты отъ университетовъ или гимназій Имперіи, или Финляндскими уроженцами, прошедшими курсъ Русскаго языка въ какомъ-либо изъ Русскихъ университетовъ, или же воспитанниками Выборгской гимназіи, съ полнымъ успѣхомъ окончившими въ ней курсъ по Русскому отдѣленію. Вслѣдствіе этихъ высочайшихъ распоряженій, въ сороковыхъ годахъ и позднѣе, въ Петербургскій и Московскій университеты были присылаемы для усовершенствованія въ Русскомъ языкѣ и исторіи молодые Финляндцы, прошедшіе уже курсъ Гельсингфорскаго университета. Съ кончиною императора Николая эти мѣры были брошены, а въ 1863 году, т.-е. въ годъ перваго Гельсингфорскаго сейма, обязательное преподаваніе Русскаго языка было совершенно отмѣнено, но потомъ, въ 1872 году, вновь возобновлено, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Въ 1891 году было высочайше постановлено, чтобы впредь отъ лицъ, поступающихъ на государственную службу по гражданскому вѣдомству, постепенно требовалось знаніе Русскаго языка. Но и это, столь неопредѣленное по своему сроку требованіе въ томъ же самомъ постановленіи стѣснено еще такимъ ограниченіемъ, что оно «относится *преимущественно* къ лицамъ, поступающимъ на службу при правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ и по вѣдомствамъ таможенному и административно-полицейскому, *особенно же* въ приморскихъ городахъ и мѣстахъ расположенія Русскихъ войскъ». Выполненіе и этихъ, столь скромныхъ, требованій относительно Русскаго языка будетъ попрежнему въ рукахъ Сената, который доказалъ уже прежними опытами, въ какой мѣрѣ онъ сочувствуетъ распространенію знанія Русскаго языка въ Финляндіи. Вигель въ своихъ Запискахъ говоритъ, что въ 1810 г. бывши въ Выборгѣ, онъ на улицахъ не слыхалъ другаго языка, кромѣ Русскаго; а въ шестидесятыхъ годахъ даже въ этомъ городѣ, пріобрѣтенномъ для Россіи еще славной памяти императоромъ Петромъ Великимъ, Русскій языкъ сталъ совершенно чужимъ и неизвѣстнымъ для мѣстныхъ Финляндскихъ жителей. Таковы были успѣхи Русской государственной политики въ Финляндіи въ теченіе этого полустолѣтія. Финляндскія власти всегда хорошо понимали, что Шведскій языкъ, никому въ Россіи неизвѣстный, не исключая и посылаемыхъ въ Финляндію генералъ-губернаторовъ, есть тотъ крѣпкій панцырь, подъ защитою котораго Финляндское управленіе всегда будетъ находиться внѣ надзора и контроля Русскаго правительства; потому-то онѣ и прилагали всѣ мѣры, чтобы не допустить распространенія въ Финляндіи

знанія Русскаго языка и тѣмъ сдѣлать практически-невозможнымъ введеніе его, въ качествѣ языка государственнаго, въ законодательство и управленіе этой области.

Мѣры, принимавшіяся въ прежнее время для кодификаціи Финляндскихъ законовъ.

Со времени присоединенія къ Россіи западной Финляндіи и по настоящее время дѣйствующіе въ этой области законы остаются безъ приведенія ихъ въ систематическую кодификацію, а до 1860 г. многіе изъ вновь издаваемыхъ законовъ печатались даже безъ перевода ихъ на Русскій языкъ въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. Въ 1819 г. Финляндскій статсъ-секретарь Ребиндеръ пытался было уловить согласіе императора Александра I-го на составленіе «конституціи Финляндіи». По его предложенію, Комиссія Финляндскихъ дѣлъ испрашивала у Императора разрѣшенія составить проектъ такой конституціи, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ потомъ переданъ на обсужденіе сейма. За образецъ предполагалось принять Шведскую Форму правленія 1772 г.; но Императоръ проникъ виды Финляндцевъ, и представленіе Комиссіи оставлено было имъ безъ послѣдствій. Финляндскій историкъ Кастренъ, говоря объ этой попыткѣ, прибавляетъ, что одинъ «измѣнникъ» изъ Финляндскихъ чиновниковъ, почтъ-директоръ Ладау, написалъ въ Петербургъ кому слѣдуетъ объ этомъ проектѣ, выставивъ его въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Въ 1835 году, по повелѣнію императора Николая, учреждена была въ Гельсингфорсѣ комиссія для составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, изданныхъ какъ при Шведской власти, такъ и при Русскомъ правительствѣ. Комиссія была составлена изъ однихъ Финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ Финляндца же Валлена; но, относительно содержанія и системы свода, ей вмѣнено было въ обязанность руководствовать указаніями Сперанскаго, вслѣдствіе чего, при жизни сего послѣдняго, комиссія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ со II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сводъ предполагалось, по его окончаніи, объявить къ руководству по высочайшему повелѣнію, разумѣется, безъ всякаго участія сейма, про который ни слова не упомянуто въ повелѣніи Императора о составленіи сего свода. Сводъ, составляемый при такихъ условіяхъ, не могъ конечно соотвѣтствовать видамъ Финляндцевъ; поэтому они подъ разными предлогами затягивали его окончаніе. Смерть Сперанскаго, послѣдовавшая въ 1839 году, облегчила имъ откла-

дываніе этого непріятнаго для нихъ дѣла въ долгій ящикъ. Только въ 1858 г., слѣдовательно уже въ новое царствованіе, печатный проектъ свода, съ тою же цѣлію затягиванія, былъ разосланъ на заключеніе различныхъ Финляндскихъ учрежденій. Въ это время у Финляндцевъ созрѣлъ уже планъ о созваніи сейма на конституціонныхъ началахъ; оттого сказанному своду, находившемуся съ этими началами въ полномъ противорѣчіи, не было дано дальнѣйшаго хода, и сдѣланныя на него Сперанскимъ замѣчанія остались неизвѣстными Русскому правительству, такъ какъ Финляндскіе архивы, и въ особенности архивъ Статсъ-Секретаріата, недоступны ни для какой Русской власти. Для лучшаго сохраненія тайны Финляндскихъ дѣлъ, архивъ Статсъ-Секретаріата даже увезенъ былъ въ восьмидесятыхъ годахъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, вмѣстѣ съ хранящимися въ немъ бумагами Сперанскаго еще за время 1808 и 1809 годовъ *).

Несомнѣнно, что, кромѣ подтвержденнаго Александромъ I-мъ, Общаго Уложенія Швеціи 1734 г., въ Финляндіи, послѣ 1809 года, остались въ дѣйствіи и нѣкоторыя другія Шведскія постановленія, вполнѣ впрочемъ согласующіяся съ этимъ Уложеніемъ и часто служащія ему дополненіемъ. Одни изъ этихъ постановленій составляли особыя узаконенія, какъ напр. законы 1723 и 1789 годовъ о шкатовомъ выкупѣ и шкатовыхъ земляхъ и инструкція ландсгевдингамъ (переименованнымъ при

---

*) Финляндскій ученый и бывшій сенаторъ Мехелинъ, говоря о трудѣ комиссіи Воллена, главнымъ его недостаткомъ считаетъ то, что въ немъ не были разграничены двѣ различныя области законодательства (т. е. законодательство сеймовое, зависящее отъ сейма и правительства, и законодательство административное, зависящее только отъ правительства)". „Такъ напр., продолжаетъ онъ, въ отдѣлѣ о назначеніи чиновниковъ и о принадлежащихъ имъ преимуществахъ, основныя законоположенія и административныя предписанія слиты вмѣстѣ; равнымъ образомъ въ финансовомъ отдѣлѣ податные законы, принятые земскими чинами, смѣшаны съ постановленіями, изданными однимъ правительствомъ. По напечатаніи всей работы въ 1858 г., она была разослана на заключеніе судовъ и присутственныхъ мѣстъ, которые должны были представить свои замѣчанія къ 1861 году. Однако, еще до истеченія этого срока, для всѣхъ понимающихъ дѣло стало ясно, что проэкты комиссіи законовъ не могутъ быть утверждены къ руководству (подразумѣвается, утверждены сеймомъ, о предположенномъ созваніи котораго было уже офиціально объявлено въ 1861 г.). Они остались проектами, не поведшими къ дальнѣйшимъ мѣрамъ". Далѣе г. Мехелинъ старается доказать, что такіе кодификаціонные своды нельзя издавать безъ согласія земскихъ чиновъ и что повелѣніе императора Николая I, въ которомъ говорилось, что своды, выработанные комиссіею, будутъ изданы къ руководству (подразумѣвалось, высочайшею властію) противорѣчило основнымъ законамъ. (Изъ статьи г. Мехелина подъ заглавіемъ „О кодификаціи законовъ въ Финляндіи". въ журналѣ Finsk Tidskrift, Ноябрь 1892 г.).

императорѣ Николаѣ въ губернаторовъ). Привилегіи сословій, подтвержденныя въ общихъ выраженіяхъ императоромъ Александромъ I, также помѣщены въ различныхъ Шведскихъ узаконеніяхъ, преимущественно въ привилегіяхъ дворянства и духовенства 1723 года. Нѣкоторыя же изъ сохранившихся отъ Шведскаго времени постановленій заключались въ Формѣ правленія 1772 г. и въ Актѣ соединенія и охраненія 1789 г., напримѣръ тѣ, которыя касаются гофгерихтовъ (изъ которыхъ два были въ Финляндіи), опредѣленія на должности, дѣленія должностныхъ лицъ на смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ безъ суда, различныхъ видовъ землевладѣнія. Но всѣ эти узаконенія, сохранившія фактически свою силу въ Финляндіи, хотя и неподтвержденныя поименно высочайшею властію, касаются исключительно предметовъ провинціальнаго управленія, оставленнаго Русскою властію въ его прежнемъ видѣ, или сословныхъ привилегій, а отнюдь не центральныхъ правительственныхъ учрежденій Швеціи и не основныхъ государственныхъ ея законовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не относились къ Финляндіи непосредственно, а послѣ ея отдѣленія отъ Швеціи не могли самою силою вещей къ ней примѣняться. Если упоминаемые здѣсь Шведскіе законы, фактически сохранившіеся въ Финляндіи, не были переизданы для нея особо по высочайшимъ повелѣніямъ (какъ было переиздано Общее Уложеніе 1734 г.), то это объясняется, во-первыхъ, тою крайнею поспѣшностью, съ какою велось Финляндское дѣло въ эпоху завоеванія этой страны, а потомъ тѣмъ, что сами Финляндскія власти не желали приведенія мѣстныхъ законовъ въ ясность, какъ доказала судьба проекта, составленнаго комиссіею Валлена. Надежда на то, что рано или поздно могутъ осуществиться Финляндскія поползновенія политическаго свойства, и была причиной, что Финляндскія власти всячески затягивали кодификацію дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній; ибо если бы они были кодифицированы какъ слѣдуетъ, то тогда исчезла бы всякая надежда включить въ нихъ заднимъ числомъ политическіе Шведскіе законы 1772 и 1789 годовъ, какъ успѣли потомъ этого достигнуть Финляндскіе законовѣды.

Неприкосновенность державныхъ правъ монарха на Финляндію до 1863 года.

Хотя во внутреннемъ управленіи обособленность Финляндіи отъ Русскихъ государственныхъ учрежденій была доведена до крайнихъ предѣловъ, тѣмъ не менѣе, въ теченіе 54 лѣтъ, оставалось неприкосновеннымъ основное начало ея отношеній къ Россіи—единство и непререкаемый авторитетъ верховной власти въ дѣлахъ законодательства и высшаго управленія. Поэтому, хотя враждебность къ Россіи высшаго

и средняго классовъ Финляндіи не подлежала сомнѣнію и обнаруживалась при каждомъ удобномъ случаѣ (напр. во время нашихъ неудачъ въ войнѣ 1853—1856 гг. съ Европейской коалиціей), однако эта враждебность не могла проявляться активно и властно, пока источникомъ законодательства и высшаго управленія былъ одинъ Русскій монархъ, которому безпрекословно подчинялись всѣ существующія въ Финляндіи правительственныя учрежденія. Во все продолжительное царствованіе императора Николая Финляндцы не смѣли и помышлять объ ограниченія власти Русскаго монарха. Потому-то царствованіе этого государя Финляндскіе ораторы и писатели сравнивали съ Египетскимъ рабствомъ (такъ выражался одинъ изъ депутатовъ дворянскаго сословія на Гельсингфорскомъ сеймѣ 1863 г.), съ весенними морозами, убившими всходы Финляндской независимости (слова одного изъ современныхъ писателей) и т. п. Между тѣмъ именно въ царствованіе Николая I Финляндія изъ страны съ рѣдкимъ и полуголоднымъ населеніемъ, почти безъ всякихъ признаковъ культуры, каковою она перешла къ Россіи изъ-подъ Шведскаго владычества, обратилась въ страну съ утроившимся населеніемъ, съ возросшимъ до неузнаваемости благосостояніемъ жителей, съ развившейся торговлею и фабрично-заводскою производительностію, со множествомъ школъ, среднихъ и низшихъ, и благотворительныхъ учрежденій. Въ первые годы царствованія императора Александра II въ офиціальныхъ актахъ также не было еще помину ни о какихъ основныхъ законахъ Финляндіи, будто бы признанныхъ для нея императоромъ Александромъ I-мъ. Такъ, напр., не далѣе, какъ 20 Ноября 1857 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ § 9-го учрежденія Сената о сохраненіи за членами его, во время ихъ сенаторства, прежнихъ должностей и окладовъ. Учрежденіе Сената, или по прежнему Правительствующаго Совѣта, было въ то время важнѣйшимъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ Финляндіи и, по увѣренію нынѣшнихъ Финляндскихъ законовѣдовъ, было принято съ одобренія Боргоскаго сейма, имѣвшаго будто бы права Шведскаго риксдага. Измѣненіе этого закона единоличною высочайшею властію ясно доказываетъ, что императоръ Александръ II-й не признавалъ въ то время за Финляндіей никакихъ отдѣльныхъ основныхъ законовъ и не придавалъ никакого значенія тому, что регламентъ Правительствующаго Совѣта былъ на разсмотрѣніи Боргоскаго сейма. Мало того, даже во время самаго засѣданія перваго Гельсингфорскаго сейма, по высочайшему повелѣнію отъ 3 Февраля 1864 г., нѣкоторая часть Выборгской губерніи была присоединена къ Петербургской. Это дѣйствіе императора Александра II-го составляло бы вопіющее нарушеніе Шведскихъ конституціонныхъ законовъ, если бы онъ признавалъ ихъ тогда имѣющими силу въ Фин-

ляндіи. Упоминанія объ этихъ законахъ подставлены были въ акты, подносившіеся на подписаніе Императора, уже позднѣе, въ видѣ какъ бы частныхъ и побочныхъ ссылокъ на тѣ или другія статьи Шведскихъ конституціонныхъ узаконеній, извѣстныхъ подъ названіемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г. Потомъ, въ Сеймовомъ уставѣ 1869 г., эти побочныя ссылки сведены были уже въ категорическое признаніе нѣкоторыхъ постановленій Шведскаго конституціоннаго законодательства прошедшаго столѣтія.

Пропаганда ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Крайняя обособленность Финляндскаго управленія отъ общегосударственныхъ законовъ и учрежденій непремѣнно должна была вызвать у Финляндцевъ стремленіе къ пріобрѣтенію для своей страны полной политической самостоятельности, съ возможно большимъ ограниченіемъ власти Русскаго императора. Исторія намъ доказываетъ, что административная обособленность провинцій всегда вела къ попыткамъ ихъ жителей пріобрѣсти себѣ и политическую самостоятельность. Царствованіе императора Николая I-го только замедлило пробужденіе этихъ стремленій у Финляндцевъ, но не предотвратило ихъ; ибо при этомъ императорѣ ничего не было сдѣлано для исправленія ошибокъ предыдущаго царствованія, предоставившаго эту провинцію безконтрольному управленію самихъ Финляндцевъ. Чѣмъ шире и безотчетнѣе была власть, предоставленная тамошнему дворянству и чиновничеству, тѣмъ сильнѣе возбуждалась у нихъ жажда играть въ своей странѣ политическую роль и, отстранивъ Русскую монархическую власть, самимъ управлять судьбою двухмилліоннаго Финскаго народа.

Тотчасъ по кончинѣ императора Николая, въ Финляндіи начинается дѣятельная подготовка къ невооруженной и легальной революціи противъ Русской власти. Планъ задуманъ былъ весьма искусно и обѣщалъ вѣрный успѣхъ въ виду той неизвѣстности, какою было прикрыто отъ глазъ Русскаго правительства и общества все, что̀ творилось въ этой странѣ. Начато было съ того, что Финляндскіе профессора и писатели стали пропагандировать въ лекціяхъ и въ печати придуманное ими ученіе о Финляндскомъ государствѣ, соединенномъ съ Россіею только единствомъ царствующаго дома, но имѣющемъ свои собственные основные законы. Этими основными законами должны быть признаваемы, по толкованію сказанныхъ профессоровъ и писателей, Шведскіе конституціонные законы, дѣйствовавшіе въ Шведскомъ королевствѣ въ эпоху завоеванія Русскими западной Финляндіи и извѣстные подъ именемъ Формы правленія 1772 г. и Акта соединенія и охраненія 1789 г.

Государственная самостоятельность и сказанные основные законы были гарантированы Финляндіи, по сказанію упоминаемыхъ профессоровъ и писателей, на основаніи договора, заключеннаго въ 1809 г. въ городѣ Борго между императоромъ Александромъ I-мъ и представителями Финскаго народа, добровольно рѣшившагося отдѣлиться отъ Швеціи и присоединиться къ Россіи, по приглашенію Александра I-го.

Форма правленія 1772 г. и Актъ соединенія и охраненія 1789 года.

Происхожденіе сказанныхъ Шведскихъ законодательствъ было слѣдующее. Послѣ неограниченнаго правленія королей Карла XI и Карла XII, изъ которыхъ первый прямо называлъ себя самодержавнымъ королемъ, а послѣдній, при своемъ вступленіи на престолъ, не принесъ обычной королевской присяги и управлялъ королевствомъ вовсе не обращаясь къ риксдагу, наступилъ въ Швеціи такъ называемый «періодъ вольницы». Собравшійся по смерти Карла XII сеймъ (въ началѣ 1719 г.) согласился признать королевой сестру его Ульрику-Элеонору подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ она отказалась отъ неограниченной власти и управляла государствомъ согласно съ новою формою правленія, составленною сеймомъ. Ульрика-Элеонора дала присягу въ этомъ смыслѣ и подписала «Форму правленія» отъ 21 Февраля 1719 г., по которой королевская власть была ограничена въ пользу сейма и Государственнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ 1720 году, по желанію королевы, отказавшейся отъ власти, провозглашенъ былъ на сеймѣ королемъ супругъ ея, наслѣдный принцъ Гессенскій Фридрихъ, который при этомъ согласился править государствомъ такъ, какъ ему предпишетъ сеймъ. Тогда была составлена новая форма правленія, отъ 2 Мая 1720 г. По этой формѣ и по данной Фридрихомъ присягѣ (удостовѣренію), королевская власть была еще болѣе ограничена. Законодательная власть предоставлялась исключительно сейму, и для изданія законовъ не требовалось согласія короля. Административныя узаконенія, издаваемыя въ промежутки между засѣданіями сейма, должны были представляться на разсмотрѣніе сейма, который собирался каждый третій годъ по призыву короля или Государственнаго Совѣта. Король управляетъ вмѣстѣ съ Государственнымъ Совѣтомъ, въ которомъ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, при чемъ король имѣетъ только два голоса. Государственные совѣтники отвѣтственны предъ сеймомъ и назначаются королемъ, въ засѣданіи совѣта, изъ трехъ кандидатовъ, предложенныхъ особою сеймовою комиссіей. Сношенія съ иностранными державами подчиняются также сейму; король же можетъ начинать, не обращаясь

къ сейму, только оборонительную войну, но и то не иначе, какъ съ согласія Государственнаго Совѣта. Всякое лицо, получающее какую-либо должность, обязано предварительно приносить присягу въ томъ, что оно не будетъ стремиться къ возстановленію неограниченной королевской власти. Дворянское сословіе при этомъ государственномъ переворотѣ захватило себѣ господствующее положеніе и почти всю власть въ государствѣ. Хотя, по изданному въ 1723 г. новому Сеймовому Уставу, сеймъ состоялъ, какъ и прежде, изъ четырехъ сословій, но въ сеймовыхъ комиссіяхъ, гдѣ подготовлялись всѣ дѣла и окончательно излагались рѣшенія сейма, дворянство имѣло столько же членовъ, сколько всѣ остальныя три сословія совокупно. Эти комиссіи, и въ особенности такъ-называемая секретная комиссія, часто рѣшали дѣла отъ имени всего сейма. Секретная комиссія, въ составъ которой вовсе не входили представители крестьянскаго сословія, вмѣшивалась во всѣ государственныя дѣла, вела сношенія съ иностранными державами, требовала къ своему суду государственныхъ совѣтниковъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ и заставляла отрѣшать ихъ отъ должности, въ случаѣ если ихъ дѣйствія оказывались несоотвѣтствующими желаніямъ господствующей партіи. Швеція въ это время превратилась, по выраженію извѣстнаго историка Шведскаго государственнаго права Наумана, «въ аристократическую республику, въ которой король былъ лишь наслѣдственнымъ президентомъ». Не-дворянскія сословія тяготились самовластіемъ аристократіи, которое сопровождалось корыстью, жестокостями и продажными сношеніями съ иноземцами. Этимъ общимъ недовольствомъ противъ олигархіи воспользовался король Густавъ III. Онъ арестовалъ важнѣйшихъ членовъ аристократической партіи и на сеймѣ 1772 года успѣлъ провести новую форму правленія, возстановившую до нѣкоторой степени равновѣсіе между королевскою властью и сословнымъ представительствомъ. Таково было происхожденіе «Формы правленія 1772 г.», столь часто упоминаемой теперь въ работахъ Финляндскихъ законовѣдовъ и историковъ. Однако и эта новая форма правленія значительно стѣсняла власть короля, какъ во внутреннемъ государственномъ управленіи, вслѣдствіе существованія Государственнаго Совѣта, съ мнѣніями котораго король во многихъ случаяхъ обязательно долженъ былъ соображаться, такъ и въ области внѣшней политики, потому что король не могъ начинать наступательной войны безъ согласія сейма. Въ 1788 г. Густавъ III началъ войну съ Россіей, не спросивъ согласія у сейма. Проявлявшееся уже и раньше сильное неудовольствіе дворянской партіи противъ короля выразилось тогда въ такъ-называемомъ Аньяльскомъ заговорѣ (отъ деревни Аньяла, гдѣ собирались заговорщики), составленномъ офицерами Шведской

арміи, дѣйствовавшей противу Русскихъ въ Финляндіи. Одни изъ заговорщиковъ стремились при этомъ къ возстановленію формы правленія 1720 г., то-есть полнаго господства дворянской партіи; другіе же, именно Финляндскіе Шведы, желали отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и образовать изъ нея самостоятельное государство подъ покровительствомъ Россіи. Густавъ III, находившійся тогда также въ Финляндіи, получивъ извѣстіе о заговорѣ, отправился въ Швецію и, успѣвъ заручиться тамъ поддержкою не-дворянскихъ сословій, устрашенныхъ угрожавшею королевству опасностью потерять Финляндію, собралъ въ началѣ слѣдующаго 1789 года сеймъ. Король предложилъ не-дворянскимъ сословіямъ сейма нѣкоторыя новыя права и преимущества (изъ которыхъ важнѣйшимъ было право владѣть фрельсовыми, то-есть свободными отъ налоговъ) землями, подъ условіемъ расширенія королевской власти. Въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ тогда такъ-называемый «Актъ соединенія и охраненія». Такъ какъ дворянство противилось принятію этого закона, то Густавъ III велѣлъ арестовать главныхъ предводителей дворянской партіи и затѣмъ въ тронной залѣ предложилъ сейму принять этотъ актъ. Дворянство отвѣчало «нѣтъ»; но такъ какъ со стороны другихъ сословій, и особенно со стороны крестьянъ, послышались громкіе одобрительные крики «да», то тальманы этихъ сословій согласились подписать актъ. Подписалъ также и ландмаршалъ дворянства, но дворянство протестовало противъ этого. Лишь 11 лѣтъ спустя, въ царствованіе Густава IV Адольфа, на сеймѣ 1800 года, Актъ соединенія былъ принятъ и дворянскимъ сословіемъ. На основаніи этого закона Государственный Совѣтъ упразднялся, и власть короля чрезвычайно расширялась, граничa въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ самодержавіемъ, по замѣчанію Наумана. Но вообще оба эти законодательство, Форма правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года, возникшія внезапно и при столь смутныхъ обстоятельствахъ, отличаются такою нестройностію и неясностію, что доселѣ лучшіе Шведскіе юристы не могутъ согласиться, какъ понимать многія ихъ статьи. Законы эти даже и въ то время не могли служить прочнымъ основаніемъ для государственнаго правленія, и потому, тотчасъ послѣ сверженія съ престола Густава IV Адольфа въ 1809 года (еще до заключенія Фридрихсгамскаго трактата), были упразднены и замѣнены новою формой правленія, которая, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствуетъ въ Швеціи и до сихъ поръ.

Продолженіе пропаганды ученія о Финляндскомъ государствѣ.

Вотъ эти-то Шведскіе законы 1772 и 1789 гг., и даже нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ узаконеній, какъ, напр., королевскій отдѣлъ земскаго

уложенія 1442 г., признаны были Финляндскими профессорами и публицистами за основные законы Финляндіи, утвержденные будто бы за нею на основаніи договора, заключеннаго въ Борго между императоромъ Александромъ I и представителями Финляндскаго народа. Все это ученіе построено на превратномъ толкованіи документовъ и историческихъ событій, и даже на фактахъ, никогда не существовавшихъ и придуманныхъ только для оправданія желаемой теоріи. Такъ, напр., Финляндскіе ученые выдумали сказанный небывалый договоръ въ Борго и даже рѣшаются утверждать, что Финляндцы добровольно вступили въ подданство къ императору Александру I, послѣ того, какъ онъ далъ имъ удостовѣреніе въ томъ, что Финляндіи будутъ сохранены Шведскіе конституціонные законы. Въ такомъ именно смыслѣ излагаютъ событія того времени всѣ нынѣшніе Финляндскіе законовѣды и историки. Финляндскіе газеты и журналы тотчасъ подхватили это новое ученіе о Финляндскомъ конституціонномъ государствѣ и стали распространять его среди населенія. Успѣхъ пропаганды былъ обезпеченъ тѣмъ, что возраженій ни откуда не могло послѣдовать. Въ Россіи существованіе этой пропаганды никому не было извѣстно; притомъ документы, относящіеся къ подробностямъ Боргоскаго сейма и обличающіе всю ложь Финляндскаго ученія, лежали подъ спудомъ въ нашихъ государственныхъ архивахъ, пока не были извлечены на свѣтъ трудами незабвеннаго Ордина. Но возраженія Русскихъ ученыхъ во всякомъ случаѣ не дошли бы до Финляндскихъ читателей даже и въ переводѣ на мѣстныя нарѣчія, такъ какъ тамошнія власти зорко смотрятъ за тѣмъ, чтобы въ ихъ страну не имѣлъ доступа никакой голосъ съ Русской стороны, могущій повредить успѣху сказанной пропаганды. Происками Финляндскихъ властей даже въ самой Россіи запрещено было, въ концѣ 1861 года, помѣщать въ газетахъ и журналахъ извѣстія изъ Финляндіи, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ разрѣшены Финляндскимъ Статсъ-секретаріатомъ. Финляндское дѣло, отъ котораго съ самаго начала отстранены были всѣ Русскія государственныя власти, не имѣло у насъ никого, кто почиталъ бы своею обязанностью слѣдить за нимъ и могъ бы возвысить голосъ въ защиту Русскихъ государственныхъ интерессовъ. Генералъ-губернаторы Финляндскіе, незнакомые ни съ прежнею исторіей Финляндіи, ни съ ея нарѣчіями, весьма мало знакомые даже съ дѣйствующими въ ней законами, окруженные при томъ въ собственномъ своемъ управленіи тѣсною стѣной Финляндцевъ до такой степени, что даже своихъ личныхъ адъютантовъ не могутъ избирать изъ Русскихъ уроженцевъ, генералъ-губернаторы поневолѣ должны были полагаться во всемъ на толкованія сенаторовъ и прокурора и, при самыхъ лучшихъ желаніяхъ, ничего не могли сдѣлать для измѣне-

нія установившихся тамъ порядковъ. Въ случаѣ же, если они рѣшались давать отпоръ незаконнымъ Финляндскимъ притязаніямъ, они встрѣчали могущественное противодѣйствіе въ Финляндскихъ министрахъ статсъ-секретаряхъ, которые всегда находили средство представить дѣло Государю Императору въ желаемомъ ими смыслѣ и опровергнуть доводы генералъ-губернатора. Скоро сказанное политическое ученіе стало преподаваться даже въ Финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, гдѣ были введены тамошнимъ учебнымъ начальствомъ соотвѣтственные учебники. Высшіе правители Финляндіи, члены тамошняго Сената, въ числѣ которыхъ всегда находятся и бывшіе профессора Гельсингфорскаго университета, были дѣятельнѣйшими поддерживателями новаго ученія, а нѣкоторые изъ нихъ (Пальменъ, Коскиненъ, Монгоммери, Мехелинъ) явились потомъ и главными его усовершенствователями и распространителями. Въ 1861 году является уже цѣлый сборникъ (на Шведскомъ языкѣ), подъ названіемъ: «Основные законы Великаго Княжества Финляндіи, съ принадлежащими къ нимъ актами», составленный Гельсингфорскимъ профессоромъ Пальменомъ (впослѣдствіи прокуроръ Сената, затѣмъ сенаторъ, вице-председатель департамента юстиціи и вице-канцлеръ Александровскаго Гельсингфорскаго университета). Составитель этого сборника не обинуясь называетъ основными законами Финляндіи Шведскую Форму правленія 1772 года и Актъ соединенія 1789 года, никогда Русскими монархами не признанные и рѣшительно нигдѣ дотолѣ не упоминавшіеся въ изданныхъ для Финляндіи узаконеніяхъ. Сборникъ Пальмена былъ признанъ въ Финляндіи какъ бы за офиціальный кодексъ, на который стали ссылаться другіе распространители ученія о Финляндскомъ государствѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПИСЬМО СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

Въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка [1].

Иванъ Александрычъ!

Пожалуйте пришлите тетрадки, данныя вамъ мною, если онѣ вамъ не нужны, и не подумайте, что я ихъ далъ вамъ изъ какого нибудь тщеславія, а единственно только по одной искренности и усердію къ вамъ. Да прошу покорнѣйше васъ, будьте посредникомъ между мною и вашею маминькою. Право не знаю, почему она такъ часто на меня въ неудовольствіи и думаетъ, что я всегда будто съ самаго поступленія моего сюда какъ бы все нарочно дѣлаю противъ нея. Я вовсе не имѣю въ себѣ грубости. Когда находился я въ юношескихъ еще лѣтахъ подъ руководствомъ воспитателей и учителей, то и тогда не замѣчали во мнѣ такой въ характерѣ моемъ черты. Я слушалъ уроки Богословія у архимандрита Наѳанаила, профессора наилучшаго, какого можно видѣть въ духовныхъ училищахъ, нынѣ епископа Полтавскаго, къ которому за жизнь и ученіе имѣетъ благоволеніе самъ Монархъ [2]). Но и профессоръ, человѣкъ тонкій и проницательный, кромѣ успѣховъ моихъ въ наукахъ, особенно любилъ меня, какъ онъ отзывался объ этомъ моимъ товарищамъ, за мое послушаніе, скромность. При всемъ томъ что я былъ его ученикомъ (а ученики у насъ въ бо́льшей строгости находятся у начальниковъ, нежели какъ у васъ рабы) при всемъ томъ, говорю, когда приходилъ я къ нему по какимъ либо отношеніямъ, онъ удостоивалъ меня стула и чаю. Замѣтивши нашу вѣрность съ отцемъ Трофимомъ (нынѣ Сосновскимъ), онъ намъ довѣрилъ храненіе Семинарской библіотеки, не менѣе какъ на двѣсти тысячъ рублей состоящей, гдѣ я заимствовалъ познанія изъ лучшихъ писателей, изъ шестидесяти человѣкъ, кончивши курсъ третьимъ. А такъ какъ двое первыхъ посланы въ Академію, то оставшись первымъ и по волѣ ли или по принужденію, конечно (что̀ для васъ доселѣ неизвѣстно, et maintenant je vous dis cela dans le secret) былъ я опредѣленъ на настоящее мѣсто. Только я вручилъ себя совершенно волѣ

---

[1]) Написано къ И. А. Голенищеву-Кутузову сыну помѣщика села Давыдовскаго въ Яловцѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, и сообщено въ „Русскій Архивъ" Алексѣемъ Васильевичемъ Баловымъ. П. Б.

[2]) Наѳанаилъ Павловскій, епископъ Полтавскій, съ 8 Сентября 1830 г. былъ архимандритомъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря (Строевъ, Списки іерарховъ, 927).

Божіей, никогда не огорчалъ Промыслъ Всевышняго малѣйшимъ даже роптаніемъ на участь свою. Сколько ни встрѣчалъ я препятствій со стороны угнетающихъ меня людей, сколь ни находилъ я многаго и почти всего совершенно противнаго моимъ склонностямъ, силамъ и способностямъ, но я всегда призывалъ только на помощь Ангела-Хранителя моего, всегда и все побѣждалъ и, кажется, побѣждаю однимъ молчаніемъ, терпѣніемъ и всевозможнымъ самоотверженіемъ. Въ прошедшей здѣсь жизни моей никто, кажется, не могъ замѣтить какого либо мечтанія моего о себѣ, какого либо отвращенія или презрѣнія къ другимъ. Вообще я велъ себя доселѣ такъ, что не только не выказывалъ себя со стороны своихъ достоинствъ или преимуществъ, но старался даже иногда скрывать себя и какъ можно унижать. Изъ всѣхъ крестьянъ, изъ которыхъ состоитъ нашъ приходъ, извольте спросить самыхъ вашихъ дворовыхъ людей, и они скажутъ ли, чтобы я кому либо изъ нихъ причинилъ какое оскорбленіе, какое неудовольствіе? Съ послѣднимъ изъ вашихъ рабовъ я обращаюсь всегда какъ можно ласковѣе, привѣтливѣе.

Итакъ что же? Получивши хотя нѣкоторое образованіе, неужели я вовсе безъ понятія и разсужденія, чтобъ я могъ иначе обращаться съ людьми высшаго сословія? Напротивъ, не особенныя ли чувства почтенія я обязанъ питать и дѣйствительно питаю къ нимъ? Не полагайте, что я имѣю сношеніе съ одною вашею мамииькою и вашимъ домомъ: удостоиваютъ меня своего вниманія лица значительныя въ свѣтскомъ кругу. Конечно, по недостатку своего состоянія и времени, а наипаче по склонности къ уединенію, я не имѣю обширнаго знакомства; впрочемъ не только въ городѣ Пошехоньѣ многіе, но и въ другихъ мѣстахъ ко мнѣ весьма благосклонны истинно-почтеннѣйшіе люди по своему чину и состоянію. И будьте увѣрены, что я это говорю правду и отнюдь не изъ какой либо надменности, а только дабы доказать вамъ, что я никогда не изъявлялъ никому какой либо неучтивости и въ обращеніи свѣтской не нарушалъ правилъ оной.

Впрочемъ вы знаете безъ сомнѣнія мою должность и правà о ней. Хотя я долженъ предъ всѣми быть тихимъ и униженнымъ; но если чего отъ меня просятъ незаконнаго и чего не могу исполнить или иногда по тѣснымъ обстоятельствамъ или не нарушая своихъ обязанностей, то неужели должно винить меня при всемъ моемъ уничиженіи въ грубости и тогда, какъ долженъ сказать или иногда и сказываю, основываясь на словахъ Самаго Спасителя (см. Евангеліе Матѳея гл. 20, ст. 22) и если Его же словами отвѣчаю на излишнюю строгость и неумѣренную по нашему званію взыскательность (Іоанна, гл. 19, ст. 11)? Сверхъ того въ оправданіе свое скажу и то, что я

хотя сохраняю всегда возможное молчаніе, впрочемъ слова̀ другихъ довольно важныя, сужденія, а равно и случаи, не оставляю въ забвеніи.

Итакъ извольте доложить вашей маминькѣ, помнитъ ли она, что̀ изволила говорить мнѣ, когда приходилъ я сюда, еще будучи холостымъ, дабы испросить ея расположенность съ Александромъ Иванычемъ ко мнѣ, какъ будущему имъ священнику? Что̀ до меня касается, то я это такъ помню, какъ бы сказано оно мнѣ было вчера или сего дни.... Но что объ этомъ упоминать?

Что̀ же, вы спросите, говорила тогда ваша маменька? Она сперва объяснила мнѣ то и другое, многое со стороны своихъ священниковъ, почему не заслуживаютъ они полной расположенности ея и уваженія по ихъ сану, изъявляла желаніе имѣть у себя въ приходѣ такого священника, который бы велъ себя трезво и сообразно своему званію и который бы, между другими качествами своими, никогда никому, и даже гг. дворянамъ, не льстилъ, а говорилъ бы прямо, откровенно, не стараясь объ излишнемъ имъ угожденіи, такъ (я скажу самое выраженіе ея), чтобы всѣ нѣсколько опасались и остерегались его. Еслибы (присоединила она къ сему), еслибы былъ у насъ такой священникъ, то онъ, при нашемъ къ нему почтеніи, всегда бы отъ насъ былъ не оставленъ, всегда былъ бы облагодѣтельствованъ. Но вотъ прошло 12 лѣтъ уже. Я, сколько возможно исполняя ея слова, такъ какъ они были согласны и съ моимъ сужденіемъ, да и всякаго здравомыслящаго человѣка, что̀, наконецъ, долженъ видѣть, къ крайнему моему огорченію? Не упоминая о благодѣяніяхъ, которыхъ.... Но я ихъ, кажется, и не домогался, не искалъ, не предлагалъ ни о малѣйшемъ неоставленіи себя въ нуждахъ своихъ, расположивши себя быть довольнымъ и настоящимъ своимъ состояніемъ, за которое я всегда еще весьма благодарю Бога и къ которому уже привыкаю. Не упоминая, говорю, о благодѣяніяхъ, за что̀ я отъ вашей маменьки, и только отъ нея одной, а никогда даже и отъ Александра Ивановича, долженъ слышать только неблагопріятные о мнѣ отзывы? Вѣрна-ли она въ словахъ своихъ, не забыла-ли даже оныя? Для чего обвинять меня въ неблагодарности, когда я рѣшился не ожидать не только отъ нея, но и отъ всѣхъ прихожанъ моихъ, кромѣ необходимаго для содержанія своего и которое, при томъ, бо̀льшею частью самъ своею дѣятельностью и трудами снискиваю? Въ удобныя минуты представьте это ей для размышленія, и она, можетъ быть, увидитъ, если безпристрастно разсудитъ, заслуживаю-ли я отъ нея, да и отъ всѣхъ прихожанъ, неудовольствія, помня всегда обязанности пастырскаго служенія своего, не льстя никому, говоря откровенно, какъ бы будучи устрашаемъ прещеніемъ Господа, относящимся къ каждому изъ священниковъ: *Внегда глаголати беззаконнику*:

смертію умреши, и не возвѣстиши ему, ни соглаголеши, еже очиститися беззаконнику и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему, то беззаконникъ оный въ беззаконіи своемъ умретъ, и крове его отъ тебе взыщу. Не огорчаетесь-ли, что я такъ далеко простираюсь и что какъ бы поучаю васъ, болѣе меня имѣющаго свѣдѣній? Если вамъ скучно и непріятно читать мое письмо, то положите оное, а если имѣете терпѣніе, то въ Библіи Новаго Завѣта Русскаго перевода (когда нѣтъ оной у васъ, то пошлите въ церковь), прочтите мѣсто у Ап. Павла 1-го посл. къ Ѳессал. гл. 2, ст. 3—14.

Конечно, я въ полной мѣрѣ сознаю свои слабости, недостоинство и чувствую важность званія, которое ношу. Впрочемъ, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи, не могу-ли сказать маменькѣ вашей, вамъ и всѣмъ въ приходѣ моемъ состоящимъ лицамъ, что въ ученіи моемъ, которое преподавалъ я въ церкви, а также и внѣ оной, нѣтъ ни заблужденій, ни нечистыхъ побужденій, ни лукавства? Но какъ Богъ избралъ меня къ тому, чтобъ ввѣрить мнѣ благовѣстіе, то я и говорю всегда, угождая не человѣкамъ, но Богу, испытующему сердце мое. Ибо никогда не было у меня предъ вами ни словъ ласкательства, какъ вы знаете, ни видовъ корысти. Богъ свидѣтель. Не ищу славы человѣческой, ни отъ васъ, ни отъ другихъ. Я могъ явиться къ вамъ, какъ служитель І. Христа, съ важностію; но былъ тихъ среди васъ, подобно какъ кормилица обходится съ дѣтьми своими. Такъ я, изъ усердія своего къ вамъ, восхотѣлъ предать вамъ не только благовѣствованіе Божіе, но и душу свою, потому что вы стали мнѣ любезны. Ибо вы помните, братіе, трудъ мой и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобъ не отяготить кого изъ васъ, я проповѣдывалъ у васъ благовѣстіе Божіе. Свидѣтели вы и Богъ, какъ я, сколь только возможно по моимъ слабымъ силамъ, свято, праведно и неукоризненно поступалъ предъ вами, вѣрующими. Поелику вы знаете, какъ каждаго изъ васъ, особенно въ церкви, какъ отецъ дѣтей своихъ, я просилъ и убѣждалъ и умолялъ васъ поступать достойно Бога, призывающаго васъ въ Свое царство и силу. Посему и я непрестанно благодарю Бога, что вы, пріемля отъ меня слышанное слово Божіе, каково оно поистинѣ есть, приняли оное не какъ слово человѣческое, которое и дѣйствуетъ въ васъ вѣрующихъ. Ибо кто моя надежда, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы-ли предъ Господомъ моимъ І. Христомъ въ пришествіе Его? Ибо вы слава моя и радость.

Впрочемъ, если маменька ваша не довольна моимъ доселѣ поведеніемъ, то я, будучи 12 лѣтъ уже священникомъ, какъ бы останавливаюсь и подобно тому, какъ будучи еще холостымъ, прошу опять нынѣ ея расположенности къ себѣ, изъявляя всю готовность исполнять обязанности здѣсь священнической должности. Желательно только при

семъ знать мнѣ, какія я долженъ, по ея сужденію, имѣть качества, и какъ я долженъ поступать по своему званію относительно къ ней и вообще впредъ? Ce que je vous dis, cela je dis dans le secret. Покорный вашъ священникъ и духовникъ.

Пажи за 183 года (1711—1894). Біографіи бывшихъ пажей съ портретами. Собралъ и издалъ О. Р. Фонъ-Фрейманъ. Г. Фридрихсгамнъ, типогр. Акціонернаго Общества и Народная. 1894—1897. Въ 4-ку. Девять выпусковъ; во всѣхъ 872 стр. (3515 пажей).

Это большею частью формулярные списки. Нѣкоторыя біографіи подробны и содержатъ въ себѣ немало новыхъ показаній. Множество портретовъ оживляютъ эту справочную книгу, которая очень полезна для занимающихся новѣйшею исторіей Россіи, такъ какъ многіе изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей получили образованіе въ Пажескомъ корпусѣ. Значительную часть этого изданія составляютъ біографіи и портреты лицъ, еще живыхъ и служащихъ до нынѣ. Многіе-ли изъ нихъ знаютъ, что при Екатеринѣ Великой у нихъ въ Корпусѣ преподавался Ново-Греческій языкъ... Пусть помнятъ про иронію судьбы, которая сказалась въ Декабрѣ 1877 г., когда сокровища султана перевозились на Малоазійскій берегъ, и, Цареградскія казармы очищались для помѣщенія Русскихъ войскъ! П. Б.

ПОПРАВКИ.

(Къ стр. 25 въ первомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1898 года).

Подъ строкою, вмѣсто *такъ въ подлинникѣ* надо: „такъ въ нашемъ спискѣ“. Сохранившійся у насъ списокъ этотъ не имѣлъ я времени провѣрить съ подлинникомъ, и въ немъ сдѣлано важное опущеніе. Слѣдуетъ читать такъ: **Tout le parti français... s'employait près de la défunte Impératrice pour faire passer la Grande-Duchesse dans un couvent et l'y faire enfermer pour toujours.**

За указаніе на этотъ пропускъ я обязанъ В. А. Бильбасову. Я не успѣлъ до сихъ поръ заявить о томъ печатно, имѣя въ виду воспользоваться его любезною поправкой при изданіи нѣкоторыхъ другихъ бумагъ, привезенныхъ мною въ прошломъ году изъ Берлина для „Русскаго Архива“. Что депеши Гольца (въ числѣ 27, какъ сказано въ частномъ письмѣ ко мнѣ В. А. Бильбасова и въ числѣ 11, какъ означено въ его замѣткѣ: „Два слова П. И. Бартеневу“, въ 4-й книжкѣ „Русской Старины“, нынѣшняго года), сообщены были автору „Исторіи Екатерины II-й“ директоромъ Берлинскаго архива Зибелемъ еще въ 1889 году и напечатаны въ Петербургѣ въ прошломъ году, въ видѣ рукописи, мнѣ было неизвѣстно, и только на дняхъ В. А. Бильбасовъ одолжилъ меня доставленіемъ ихъ.

П. Бартеневъ.

*

Стр. 27-я вмѣсто *нылу* надо *пылу*.

Стр. 519-я вмѣсто *Семеновъ* надо *Сезёмовъ*.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія изданія по исторіи рода Максимовичей, въ предисловіи къ которому авторъ И. К. Максимовичъ, упоминая о нѣсколькихъ различныхъ родахъ, носящихъ фамилію Максимовичей, такъ говоритъ о цѣли своего изданія: „Къ какому же роду „Максимовичей" принадлежитъ наша семья? Это вопросъ, на который къ сожалѣнію или, выражаясь вѣрнѣе, къ стыду, не всякій изъ членовъ юнаго поколѣнія нашей семьи и самъ можетъ себѣ дать отчетъ и другимъ обстоятельно отвѣчать. Предназначая этотъ Сборникъ исключительно для юнаго поколѣнія семьи, для новыхъ членовъ, вступающихъ въ семью и для будущаго нашего потомства, я имѣю лишь одну цѣль,—цѣль, основанную на искренно-сердечномъ желаніи показать имъ, кто были ихъ предки, дѣды и отцы; какого они были рода, какую вѣру они исповѣдывали; какому дѣлу служили и какую память о себѣ оставили". И. К. Максимовичъ вполнѣ правъ, говоря „къ стыду". Дѣйствительно, не стыдъ ли не знать, кто я, кто мои отецъ и дѣдъ? А многіе ли у насъ знаютъ свои родословія дальше дѣдовъ и тѣхъ только по имени, помня какъ звали отца по батюшкѣ. А родословныя нашихъ заводскихъ лошадей мы знаемъ чуть не до десятаго колѣна. Причина та, что лишній предокъ у лошади увеличитъ ея цѣну, а знаніе своихъ собственныхъ предковъ не дастъ ничего—это все такъ неинтересно и скучно. Мы прекрасно умѣемъ пользоваться вотчинами и привилегіями, которыя получили наши предки за службы царямъ; мы твердо знаемъ сколько въ этихъ вотчинахъ удобной земли и другихъ угодій, одно только мы забыли—это какъ звали того человѣка, отъ котораго мы получили эти вотчины и который получилъ ихъ, можетъ быть, за то, что дрался съ Ляхомъ или другимъ врагомъ земли Русской и послѣ этой борьбы вернулся во вновь пожалованную вотчину убогимъ калѣкой. До послѣдняго намъ нѣтъ дѣла. И неужели же въ этомъ нѣтъ стыда? Неужели же заповѣдь, повелѣвающая чтить отца и мать, подразумѣваетъ только время ихъ жизни, разрѣшая забыть ихъ послѣ того какъ надъ ними захлопнется гробовая крышка? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Родъ Максимовичей происходитъ отъ Максима Васильковскаго, жившаго въ половинѣ XVII вѣка въ Нѣжинѣ и имѣвшаго семерыхъ сыновей, писавшихся уже Максимовичами; старшій изъ нихъ Іоаннъ былъ Тобольскимъ митрополитомъ († 1715 г.). Авторъ даетъ біографію всѣхъ этихъ сыновей Максима и тутъ же сообщаетъ краткія данныя объ ихъ потомствѣ.

Л. М. Савеловъ.

26 Марта 98. Коротоякъ.

Православная церковь въ Финляндіи. Напечатано по распоряженію г. оберъ-прокурора св. Синода. С.-Петербургъ 1893. большая 8-ка. III, 166 и 47 стр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1898 года.

(Годъ 36-й).

«Русскій Архивъ» въ 1898 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три большія книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1898 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни. Для личныхъ объясненій съ издателемъ—по **Середамъ** въ тоже время.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**